КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ
1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 2 декабря 1898 года.

ХАПУНЪ.

(Разсказъ [1]).

—„И блидный мисяць на ту пору
Зъ-за хмары де-де выглядавъ,
Неначе човенъ въ сынимъ мори
То вырынавъ, то потопавъ“.

Т. Г. Шевченко.

I.

А не дурная отава вышла на лугу въ урочищѣ Лукѣ у степанскаго батюшки.

На Полѣсьѣ обыкновенно довольствуются однимъ съемомъ травы въ м. августѣ. Отава здѣсь—дѣло новое. И понятно: гдѣ еще такъ много неоглядныхъ луговъ и порослей на болотѣ, тамъ нѣтъ еще нужды въ отавѣ. Послѣ однократной съемки травы, лугъ на все остальное время лѣта служитъ подножнымъ кормомъ для скота.

[1]) Легенда о Хапунѣ принадлежитъ къ числу болѣе или менѣе разработанныхъ сюжетовъ народнаго вымысла. Это любимый народный разсказъ. Замѣчательно, что эта легенда въ своемъ полномъ видѣ особенно, если даже не исключительно, распространена на Волыни. Въ м. Степанѣ до сихъ поръ живетъ еще еврей, о которомъ говорятъ, что онъ былъ въ когтяхъ у Хапуна и лишь случайно спасся отъ неминуемой смерти.

Авторъ.

Но степанскій батюшка былъ человѣкъ хозяйственный и дальновидный. Въ іюнѣ онъ снялъ первый разъ траву и нашелъ особаго сторожа беречь лугъ для второго покоса. Крестьяне полу-презрительно, полу-насмѣшливо относились къ этой новой затѣѣ и не разъ, проходя мимо урочища, махали рукой и говорили:

— Щось занадто мудруе нашъ мыкульскій пипъ.

„Мудровать" на Полѣсьи и до сихъ поръ еще значитъ начинать то, чего не дѣлали ни батько, ни дѣдъ.

Иванъ Мордашъ былъ человѣкъ рѣшительный и энергичный. Конечно, ему болѣе чѣмъ кому-либо шло быть сторожемъ на лугу, предназначенномъ для отавы. Однако и Мордашу стоило большого труда уберечь лугъ отъ скота. „Лука" была въ верстѣ отъ мѣстечка, и „потрава" случалась чуть не ежедневно. Только что удастся прогнать скотину съ луга, какъ опять другой пастухъ гонитъ свою „худобу". Иной разъ Иванъ такъ „сперечався и лаявся зъ пастухами, що ажъ до Степаня було чутно". Не одинъ разъ онъ приходилъ къ батюшкѣ и съ разбитой „мордою", какъ знáкомъ своего усердія къ службѣ. Лугъ все таки былъ сбереженъ. Вторая трава отъ часто перепадавшихъ лѣтомъ дождей вышла хорошей. Она немногимъ уступала первой. Крестьяне дивились, словно это было и не вѣсть что...

Мордашъ заслужилъ полное расположеніе батюшки: „бувъ у него въ ласци"...

Наступило 9 сентября. Всѣ крестьяне давно уже пашутъ землю подъ озими и забыли про „синожати", а батюшка нанялъ себѣ толоку и, „ото, якъ на дыво, роспочавъ косовыцю".

— Чи ты бачышъ... ажъ мыкульскій пипъ зновъ косыть на Луци?

— Чи вже-жъ?.. Ото заздростный пипъ.

Двадцать косарей, выстроившись въ рядъ „якъ еденъ", мѣрною поступью шли „по груду" и широкими взмахами косъ дружно „забирали" высокую траву. Батюшка былъ тутъ-же и

обѣщалъ имъ добрую „порцію", если они „выбьють" всю траву сегодня.

День былъ теплый, но не жаркій. Такіе дни иногда подолгу стоятъ осенью на Полѣсьи. Многіе находятъ, что здѣсь осень бываетъ даже привѣтливѣе и веселѣе лѣта.

Солнце, правда, не поднимается уже такъ высоко, но оно не теряетъ еще своей силы. Оно безподобно хорошо при первыхъ дняхъ осени. Въ густомъ туманѣ выходитъ оно изъ-подъ горизонта и долго „мыгтыть" надъ лѣсомъ, пока не выберется на ясную лазурь. Днемъ то и дѣло оно прячется за небольшія тучки съ блѣдно-серебристыми краями. Причудливо узорчатыя, снѣжно-бѣлыя громады безъ конца выходятъ изъ-за края неба и мѣрно плывутъ по бездонному просторному небосклону. И чудится, что гдѣ-то тамъ за горизонтомъ могучая сила формируетъ и выпускаетъ эти глыбы волнисто-воздушнаго снѣга и для невѣдомыхъ цѣлей направляетъ на другой край, гонитъ ихъ незримою силою и умѣряетъ температуру къ благополучію полѣщука-работника, которому „дуже гаряче, якъ нема хмары на неби". Небо во всѣхъ мѣстахъ сохраняетъ синій цвѣтъ, лишь на окраинѣ, гдѣ много сперлось облаковъ, цвѣтъ его нѣсколько темнѣетъ. Въ самый полдень солнце набирается силы и, не смотря на вѣтеръ, порядочно припекаетъ...

Но за то посмотрите, какъ его лучи чудно отливаютъ на нѣсколько поблеклыхъ листьяхъ широкой лѣсной стѣны, которая, какъ лента, съ двухъ сторонъ луга вытянулась на болотѣ. Вглядитесь внимательно въ эту стѣну, пока она еще во всей своей красѣ. Въ самомъ низу ея—пышные кусты одуряющихъ своимъ запахомъ лѣсныхъ травъ, достигающихъ роста человѣка... Выше—громадныя кисти „червонои калыны" и черной смородины. Зрѣлая дикая малина давно выставляетъ здѣсь на показъ свои плоды, ожидая, когда найдутся охотники подобрать ягоду. Но тщетно... Никому не охота, „соваться въ корчи" за тѣмъ, что, по взгляду полѣшука, совершенно не существенно... А вверху, надъ всѣмъ этимъ царствомъ разнообразной растительности, высится лѣсной красавецъ—„грабъ". Играя своими тяжеловѣсными

изумрудными кистями на солнцѣ, онъ давно показываетъ свое незатѣйливое богатство. Это богатство еще дѣвственное, не тронутое. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что рука человѣка еще не касалась этого дерева, на стволѣ котораго, обвившись кругомъ, быть можетъ, грѣется на солнцѣ ужъ или гадюка, свободно и безшумно передвигая свои чешуйчатыя кольца... Въ одномъ мѣстѣ лѣсная стѣна разступилась и образовала какъ бы зеленыя ворота, чрезъ которыя открывается широкая и безконечная скатерть луговъ... Бѣгутъ луга вдаль, чередуясь съ лѣсами и рѣками, и никто не знаетъ, гдѣ они кончаются....

Высоко кружится ястребъ въ привольной лазури, мощно расправляя свои ровныя крылья. Вотъ онъ превратился въ маленькую едва видимую точку, которая, постепенно опускаясь внизъ, растетъ, быстрѣе и быстрѣе летитъ на землю... и, какъ стрѣла, въ одно мгновеніе скрылась за лѣсомъ... А кругомъ чирикаютъ воробьи, кричатъ галки, тукаетъ дроздъ на березѣ... а смердячій удодъ безъ конца дудитъ на болотѣ свою монотонную скучную пѣсню... По сосѣдству съ нимъ ходитъ „боцюнъ“ — красавецъ луговъ — и, медленно перебирая высокими стройными лапами, самоуглубленно ищетъ чего-то, не обращая ни на кого и ни на что вниманія.

Посмотрите вы на все это попристальнѣе и скажите: не правда-ли, какой своеобразной чудно-дѣвственной красой дышитъ еще наше Полѣсье? Какимъ разнообразіемъ тоновъ оглашаются еще чащи и трущобы этого края, находящагося, по выраженію полѣшука, „у Бога за пазухою“?

II.

„Добре такы намахалыся косою косари. Нема що... ажъ сорочкы на ныхъ мокри сталы“...

Посмотрѣлъ батюшка на солнце, поднявши голову и приложивъ ладонь руки къ бровямъ, и пошелъ „до воза“.

Отъ работниковъ не ускользнуло движеніе батюшки. Они давно хотятъ „полудновать". Усталые мускулы знаютъ свою существенную связь съ желудкомъ... И если бы батюшка еще продолжалъ глядѣть минуту—другую на солнце, то, должно быть, старшій косарь, что шелъ впереди, повернувшись ненарокомъ къ своимъ товарищамъ, не преминулъ бы сказать:

— А що, брацця, не таке сонце зовсимъ вже на полудень командуе.—Пора-бъ того... и до якого-небудь гурка заглянуты...

Но батюшка и самъ догадался... Подозвавъ двухъ косарей на помощь, онъ велѣлъ достать „казана" съ воза, вытащить огурцы, рѣдьку, брюкву и пр. и приготовлять полудень.

Скоро невдалекѣ отъ воза задымился костеръ, и густое удушливое „кураво" пошло прямо на корчи. Охвативъ своими клубами кусты, оно стлалось густой мглой въ чащѣ кустовъ и выходило оттуда нѣжной пепельной дымкой на Горынь. Дымка рѣяла на рѣкѣ и подымалась на самую вершину высокихъ кустовъ, какъ нѣжная фата на невѣстѣ...

Одинъ за другимъ потянулись косари къ возу съ косами на плечахъ, утирая мокрымъ рукавомъ потное лицо. Молча, важно, безъ лишнихъ словъ, отложивъ косы въ сторону и выпивъ по рюмкѣ водки, усѣлись работники кругомъ груды „пампушокъ, гуркивъ, редьки" и начали полуднать.

Хорошо полуднаютъ на Полѣсьи. Я такъ думаю, что полѣшукъ, добрую половину дня отмахавшій косою, долженъ таки знать настоящую цѣну аппетиту, потому что даже въ дальнихъ кустахъ синожати слышно, какъ щелкаютъ голодные зубы, ломаются сухари, лопаются огурцы, брюква, рѣдька... И хоть бы кто слово... Еще можно усмотрѣть, какъ исчезаютъ краюхи хлѣба въ голодныхъ желудкахъ, ну, а на счетъ „гуркивъ, то дарма праця"... Батюшка давнымъ давно постигъ, чего стоитъ у него на „толоци" голодный полѣшукъ, и, конечно, онъ не даромъ приглашалъ двухъ „парубкивъ", чтобы снять хлѣбъ и гурки съ воза. Послѣ второй рюмки слегка развязываются языки

у полѣшуковъ, и лишь въ концѣ „полудня“ идетъ разговоръ, какъ слѣдуетъ. Полѣшукъ во всемъ любитъ постепенность, хотя и не всегда знаетъ мѣру.

„Казанъ“ уже снятъ съ огня. Косари приступили къ крупнику. Клубы густого пара выходятъ изъ „казана“. Косари, не глядя, забираютъ внутрь его ложками и ѣдятъ... Масса кузнечиковъ стрекочетъ кругомъ на покосахъ. Нѣкоторые изъ нихъ скачутъ очень близко и прыгаютъ въ „крупныкъ“.

— А що це вы не бачыте?--удивляется батюшка, подходя къ „казану“,—тожъ дывицця: скакуны въ казанъ скачуть, а вы йисте?

— А бо що? То ницъ не шкодыть, проше татуня, отвѣтилъ одинъ косарь.

— Тлустійшій крупнычокъ буде,—сказалъ другой. Скакуна ковтнуты все одно, якъ ту фасолыну: и не почуешъ... Буває часамы такій тлустый скакунець—и мяса не потрибно...

Шутили косари, не переставая работать ложками.

— А я то думаю, що разный чоловикъ разно потрибує: хто гурка, хто сала, а хто и легумыну, а хто може и скакуна. А якъ голодный чоловикъ, то мусыть и халяву глыдаты. Нимцеви це певне зашкодыть, а для насъ—ни. Чулы певне, батюшка, едну байку, якъ мужыкъ йивъ гнылыци и пывомъ запывавъ?

— Ни.

Вся громада, при напоминаніи объ извѣстномъ разсказѣ, засмѣялась.

— То, бачъ, розсказують такъ. Сыдивъ въ корчми мужыкъ и сыдивъ нимець. Добре. Отъ йидять воны соби и пьють. Нимець звычайно попрохавъ соби якоись ковбасы, або може и легумыны, и йисть, а мужыкъ запевне доставъ соби гнылыцьгрушокъ та до ныхъ пыва. Гнылыци йисть, а пывомъ запывае. Добре. Отъ подывывся нимець на ёго йижу тай думае: „отже пропавъ хлопъ, зовсимъ пропавъ, бо видъ грушокъ жывота чимало роспырае, а винъ ще, нà—тоби, пывомъ запывае“. А му-

жыкъ не що, все йисть... Добре. Отъ попойивъ трохы мужыкъ, тай каже до корчмара: „дай-но ще пивъ-кватыркы горилкы“... Нимець ажъ рукамы сплеснувъ: „ну, думае, на смерть пье мужыкъ горилку, бо не вытримае“... Напывся мужыкъ, найився, тай пишовъ соби. Отъ черезъ де-якій часъ зновъ прыходыть нимець до корчмы и пытае: „а чы не вмеръ-но той хлопъ, що йивъ грушкы и запывавъ пывомъ?“—„Ни“, кажуть ему... „Якъ-же-жъ то можна“! Давай тоди нимець варыты въ горшку грушкы зъ пывомъ, щобъ, значыцця, подывыцця, що то въ его въ жывоти робылося, въ того мужыка, якъ винъ йивъ... Розвивъ винъ огонь, поставывъ горшокъ зъ пывомъ и накыдавъ туды гнылыць. Грушкы такъ и гуляють по пыви, така булькотня пиднялася... Дывуецця нимець.—„Оце, каже, якъ въ цему горшку, такъ повынно робыцця и въ жывоти того мужыка. А що винъ ще сюды влывавъ“?—пытае.—„А горилку“, кажуть.—А, ну-но, дайте-но ще горилкы!.. Якъ далы ему горилкы, то якъ влывъ винъ въ тую бучу, то грушкы такъ заразъ и осилы на дно, нибы и не кыпилы.—„А, каже, пся-крева-юха, розумный же то бувъ мужыкъ!.. Добре, що горилкою запывъ“...

Сытый, раскатистый смѣхъ разошелся по лугу.

— Такъ и ты скакунци, якъ бы по чарци—по другій горилкы, то де воны и будуть... сдѣлалъ изъ разсказа совершенно неожиданный выводъ „першій“ косарь, поглядывая на батюшку. Выводъ былъ слишкомъ ясенъ. Однако батюшка, облокотившись о „люшню“ воза, смотрѣлъ совершенно въ другую сторону, словно бы покосы считалъ.

Въ заключеніе полдника подали галушки. Такъ какъ это было самое вкусное блюдо и такъ какъ притомъ же его было очень немного, то косари нашли молчаніе болѣе соотвѣтствующимъ случаю. Оно, впрочемъ, длилось не долго.

— А що це ты такъ хапаешъ галушкы, мовъ зроду и не бачывъ ихъ?—не удержался одинъ косарь, чтобы не сдѣлать замѣчаніе своему, должно быть черезъ-чуръ невоздержному, сосѣду.

— А тоби, бачъ, мало?... бо ты певне завше ихъ бачышъ?

— Мало не мало... але чого-жъ такъ ярытыся, мовъ той Хапунъ на жыдка.

— Эй, браця, аже-жъ сегодня въ жыдивъ Хапунъ,—подхватили другіе косари.

— Чы-жъ?

Стали высчитывать—такъ и есть: въ той понедилокъ було Семена, а тепера второкъ"... Хапунъ и есть...

— Ге—ге—ге.. То цеи ночи Хапунъ буде литаты?

— Эге.

Минута-другая прошла въ молчаніи.

— Этъ, чы-жъ тому правд а? усумнился кто-то.

— А вже-жъ такы, колы люде балакають, то щось то воно есть, бо дарма не будуть говорыты.

— Нехай-но хто розскаже про Хапуна. Далеби. Ось покы пополуднаемо, та поточымо трохы косы, то послухалы-бъ...

Батюшкѣ очень не понравилось такое предложеніе. Онъ зналъ, что полудень затянется, и поэтому намѣревался сказать нѣсколько очень убѣдительныхъ словъ о томъ, что „это суевѣріе, ложь, выдумка, что стыдно взрослому да еще крещеному человѣку не только вѣрить, но даже и слушать такія богопротивныя байки", но было уже поздно. Одинъ изъ разсказчиковъ, считавшійся лучшимъ, подложилъ ноги подъ себя и началъ рѣчь...

Пришлось подчиниться обществу. Громада, якъ той казавъ, велыкій чоловикъ... Проты неи не пидешъ". Собственно, эта байка всѣмъ была извѣстна. Каждый полѣшукъ могъ безошибочно разсказать про Хапуна. Но тѣмъ не менѣе всѣ приготовились слушать разсказъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто говорилось нѣчто совершенно новое.

III.

— „Хапунъ, началъ разсказчикъ, це такій особлывый жыдивській чортяка. Его навить не хутко здалеку спизнаешъ, чый

винъ чортъ: чы нашъ, чы не нашъ... Звычайне чорный и зъ такымы же рожками, якъ и у всихъ чортивъ. Кому блызько доведецця бачыты ёго, тилькы той добре роздывыцця, що въ ёго биля уха одного и другого крутяцця велыки пейсахы, а на голови, на самому темени, шлёмка сыдыть. На Хапуни бувае лапсердакъ и панчохы зъ патынкамы на ногахъ, звычайне, якъ въ жыда, а за спыною крыла, тай ще хвистъ маталаецця тамъ, де ёму звычайне потрибно буты. Хапае винъ надбильшъ що жыдивъ... Надъ ныммы ёму даецця велыка сыла.

— А ты хутнійшъ, якъ хапае... бо це не цикаво.

— Не перебывай-но. Я едно по одному все розскажу... Въ жыдкивъ цёй день прозываецця „Іомъ-кипуръ". Ще за довго до цёго дня на жыдкивъ находыть смутокъ. Чують воны, що той день вже недалечко, щыро моляцця, плачуть, де-котри рвуть на соби одежыну и обсыпають свои головы золою зъ грубкы.

— А до Хапуна хутко?..

— А чого це вы до мене прыстаете? Тожъ я вамъ не дякъ, а вы мени не пипъ, щобъ прыказуваты. Отъ якъ батюшка прыкажуть, то мушу слухаты.

Но батюшка, потерявъ надежду на скорое окончаніе полудня, оставилъ работниковъ въ покоѣ. Сидя на возу, онъ соображалъ, докосятъ-ли сегодня, или нѣтъ? Оставалось немного. Если бы не разговоры, конечно, докосили бы „завыдна". Онъ уже раскаивался, что назначилъ „косовыцю" въ такой богатый народными преданіями день. Но кто же можетъ все предвидѣть? Впрочемъ, батюшка справедливо разсудилъ, что если полѣшукъ молчитъ, то молчитъ, ну, а если за то пойдетъ говорить, то лучше ему не перешкожать. Легче остановить рукой мельничное колесо, чѣмъ языкъ разговорившагося полѣшука.

— Ось зовсимъ блызько вже и судный день. Ничого не йидять въ той день ни жыдкы, ни жыдивкы. Тилькы хиба хто канае пры смерти, то дадуть трошкы зъисты. Передъ заходъ сонця бижать жыдкы на ричку, або на ставъ... Найде ихъ—гы-

бель... Постають ось такъ оденъ за однымъ въ рядъ, та все щось шепчуцця, та дывляцця на небо (хто Богу молыцця, а хто выглядае,—чи не летыть-но часамы...), а потимъ начнуть вже кышени свои вытрясаты. Все, що е въ ту мынутыну въ кышени, мусыть полетиты въ воду...

— И гроши навить...—дополнилъ мысль кто-то.

— Дуже вы ласи на гроши, якъ я бачу, якъ той жыдокъ на мацю... Пидить-но теперъ найдить такого дурня, щобъ гроши въ воду выкынувъ. То колысь було, а тепереньки не въ едного, лыхо-ма, жыда не бувае тоди грошей, або якои-небудь коштовнои речи. Бо воны ще зъ вечера повытрясають все, що коштовне, а зоставляють тилькы яку небудь хвальшыву двадцятку, да й та буде зъ дзюркою.

— Хытрый, лыхо-ма, народъ! Знають свою виру, якъ свои пять пальцивъ. Нѣкоторые засмѣялись.

— Тымъ часомъ, продолжалъ разсказчикъ, настае саме свято. Якъ зайде сонце, тоди вже вси жыдкы идуть въ велыку школу, та позасвичують свои свичкы, поскыдають патынкы, зостануцця въ едныхъ панчохахъ и якій звиттиль галасъ чуецця— не доведы Маты Божая! Вси, де хто е, галасують, напручуючысь, ажъ похрыпнуть. Отъ-же жъ и сморидъ стоить въ школи одъ стилька жидовы! Отъ-же и духота бувае! А воны до того ще викна вси позачыняють, щобъ Хапунъ не влетивъ. Сокыру можно повисыты. Зовсимъ жыдкы зблякнуть, зовсимъ осовіють... Ледве, ледве ногы ихъ тримають... Де хто зовсимъ не здужае, той ляже на лавку, пидложывшы лапсердака пидъ головы. А на хорахъ жыдивкы стоять, кывають головамы, та бояцця, щобъ въ котрои свичка не погасла. Бо не дай Боже, щобъ въ котрои погасла! Въ теи жыдивкы буде въ тому роци якесь нещастя. Але якъ же не погаснуть свичци, колы въ школи, кажу вамъ, иде до горы такій чадъ, таке копитья, та сморидъ? А выйты зъ школы не годыцця.

— О... це... ну—ну... заговорили голоса.

— А якъ зобачыть того жыдка, що ему сподобаецця, то вже ни за що не одступыцця отъ викна. И о пивъ-ночи такы добьецця свого, влитае въ школу. Отъ тоди-то и бувае настоящій жахъ въ школи! Що тоди тамъ робыцця. Не дарма тоди жыдкы свитять вси свои остатни смаркачкы, щобъ не такъ дуже страшно було; не дарма падають вси на пидлогу и верещать такъ, нибы ихъ рижуть. И ото въ ту саму пору, колы воны тамъ лежать и верещать, Хапунъ литае по школи кружаломъ мижъ стовбамы, мовъ той ястребъ надъ курчатами: то спустыцця на-нызъ, растопырывши лапы, то знову зивьецця вверхъ.

— Оце то страховына, лыхо-ма!—Зрачки у многихъ расширились. Кой кто перекрестился.

— Вси чують, якъ видъ его крылъ иде холодъ по серцю и бояцця подывыцця вверхъ. А Хапунъ тымъ часомъ—шасть до жыдка. Той вже чуе, якъ черезъ его лапсердакъ запускаюцця чортови когти.

Разсказчикъ растопырилъ пальцы и вставилъ ихъ въ спину своего сосѣда. Тотъ невольно быстро отодвинулся...

— Чуе жыдочокъ, якъ пидходять когти до тила, раптомъ стрепенецця и закрычыть не своимъ голосомъ. Говорившій остановился и хлебнулъ нѣсколько ложекъ.

— Ну, а дали що?

— Що—о?.. крычыть жыдокъ, та верещыть на все горло. Але щожъ зробышъ? Чы круты, чы верты, а, якъ то кажуть, такы треба вмерты. Просыть винъ тоди, щобъ ёго ратувалы, але хто его почуе, колы вси въ школи такъ галасують, мовъ показылыся. А може хто и бачыть, то винъ радесенькій, що не ему досталась така доля.

— Ну, а посли?

— А навпосли трубыть въ школи труба, та такъ жалоблыве, завійно, та протяжно. Це, бачте, жыдочокъ-наймытъ пры школи трубыть на прощай вздогонець тому несчасному жыдкови, що полетивъ. И заразъ вси жыдкы биля порога турбуюцця

и надивае кожный свои патынкы и писля того хутко розійдуцця на копоресъ. Вже имъ и попойисты писля цёго можна. Де яка купка жыдкивъ зостановыцця на выгони проты мисяця, пиднимаецця на цыпкы, та шваргоче про себе щось таке, дывлячысь на ничне небо. А въ школи стоять тымъ часомъ мовъ сыроты чіись патынкы и ждуть свого хазяина. Та дарма, бо не дождуцця... А тымъ часомъ—надъ полямы та лисамы, надъ горамы та ярамы и долынами, що е духу, пре Хапунъ свою пожыву, махаючы крыламы и ховаючысь видъ всякого хрещеного ока. Дуже радый винъ бувае, якъ на его щастье выпаде хмарная та темная ничъ... А якъ выпаде ясная та тыхая, то—даремна его и праця.

— Або що?

— А те, що вартъ кожному простому чоловикови, навить зовсимъ дурному, абы тилькы щобъ хрещеный бувъ, крыкнуты чортяци:—„кынь, бо це мое!“ винъ раптомъ и выпустыть жыдка Хапунъ заматалае крыламы, закрычыть такъ жалоблыве, мовъ пидстреленый шулякъ, и полетыть дали, зоставшысь на цилый рикъ безъ пожывы. А жыдокъ впаде на землю. Добре, якъ не высоко, або якъ попаде на багно, або на мягке мисце. А якъ на тверде, то все едно пропаде безъ всякои корысти. Ни соби, ни чорту...

— Оце то штука,—замѣтилъ кто-то изъ слушателей. Добре, що въ насъ такого свята нема.

— Дурный ты... Тожъ на насъ хрестъ есть, якъ же може въ насъ Хапунъ буты?

— Але хтивъ бы я знаты,—задалъ вопросъ еще одинъ изъ слушателей,—якыхъ жыдкивъ винъ найбильше выбирае соби на пожыву?

— Звычайне—якыхъ... Самыхъ пекельныхъ та гемонськыхъ, що обшахровують людей.

— Хиба жъ едни тилько жыды шахрують на земли? Чы-жъ мало и мижъ нашымы шахраивъ...

— Ни, вже... липшого шахрая, якъ жыдъ, не найдешъ.

Въ спорѣ голоса раздѣлились. Одни стояли за жида, другіе противъ него. Съ обѣихъ сторонъ было приведено не мало примѣровъ мошенническихъ продѣлокъ.

— Ось, напрыкладъ,—покрылъ голоса споривших одинъ сиплый голосъ,—я запытаю васъ, чы жыдокъ умудрыцця зробыты такую штуку: мавшы хвальшыву двадцятку, купыты на неи кватырку горилкы и прынесты ще до дому настоящу двадцятку, не хвальшыву?..

Нѣкоторые изъ сидѣвшихъ разсмѣялись и посмотрѣли въ сторону Мордаша, который хотя тоже говорилъ передъ тѣмъ противъ жидовъ, но въ эту минуту какъ то потупилъ глаза и „щось засоромывся трохы“.

— Якъ-то? Чы-жъ то може буты? раздались кругомъ голоса.

— Запевне, що може, колы було.

— Значыцця, мавшы въ рукахъ хвальшыву двадцятку?..

— Эге.

— Купыты на неи настоящои горилкы?

— Эге... навить по градусу.

— И прынесты ще настоящу двадцятку до-дому?

— Эге...

Многіе выпучили глаза отъ удивленія.

— Ни, це ты певне жартуешъ.

— Безъ жартивъ.

Нѣкоторые опять поглядѣли на Мордаша. Видно было, что продѣлка, о которой вспомнили, была его дѣломъ.

Другіе серьезно задумались и въ затрудненіи чесали спину.

— Ни, цёму ніякъ не можна буты,—послышались голоса.

— Ну, то запытайте Мордаша, нехай винъ розскаже... Винъ знае...

Обратились къ Мордашу. Онъ долго не хотѣлъ говорить. Его упрашивали.

— Розскажы-но. Все едно колысь батюшци покаявся, то можно и людямъ розсказаты.

Наступило общее молчаніе. Поломался по обыкновенію Мордашъ и, конечно, уступилъ общему желанію.—

— Це ще якъ я молодый бувъ,—началъ онъ, улыбаясь, багато тоди я де чого вытворювавъ... (онъ махнулъ рукой въ знакъ необъятности воспоминаній). Було, памятаю, це также не задовго якось до Хапуна. Стоялы жыдкы биля Горыня та звычайне вытрясалы кышени. А мы, парубкы, стоялы соби на горбочку, та дывылыся...—„Оце, думаю, жыдкы навыкыдають грошей, то мы назбираемо, то матымемъ гроши"... Якъ тилькы жыдкы рухнулы зъ мисця, мы заразъ до воды...— „Ахъ, лыхо вашій матери, а воны одни хвальшыви гроши повыкыдалы"... Отъ пайшовъ и я скилькысь тамъ хвальшывыкивъ... Що зъ нымы, думаю, робыты?" И згадавъ... „Пожды-но, утну я имъ штуку". Отъ, черезъ скилько днивъ, якось такъ зъ вечера, вхопывъ я бутылку, тай бижу, що е духу—до жыда.— „Такъ и такъ, крычу ёму запыхавшысь, давай мерщій горилкы, бо една баба тутъ родыть сына, то щось зробылося, не може ніякъ вродыты, то мене прыслалы... Хутнійшъ налывай!" Якъ взявъ я ёго раптомъ пидъ бокы,—мій жыдокъ бутельку—пидъ кранъ, налывъ повную... Я ему заразъ ту двадцятку жбурнувъ и побигъ... Колы черезъ пивъ годыны прыбигаю назадъ.—„Ни, кажу, покы я до тебе собачого сына бигавъ, покы ты налывавъ, то въ другого жыдка вже взялы горилкы... Помоглося, вже вродыла. На—но, вылый соби зъ бутелькы назадъ, а мени виддай назадъ двадцятку". Жыдъ повирывъ: горилку зáразъ вылывъ въ бочку, а настоящую двадцятку оддавъ.

— Ну, а дежъ горилка?

Мордашъ засмѣялся.

— Чы-жъ вы думаете, я ёму назадъ горилку прынисъ? Хиба, вылывшы зъ неи горилку, не можна туды воды налыты, або чого?

— То ты значыцця, розвивъ ёму горилку водою...

И громкій хохотъ опять огласилъ лугъ.

— Молодець! Оце то молодець! слышались голоса. Це я тоби скажу, Иване, не всякій навить и жыдокъ вымудрыть таке!..

— О, запевне, що не всякій... Куды имъ!

Иванъ Мордашъ привелъ кстати еще нѣсколько случаевъ своихъ продѣлокъ... Его разсказы воскресили у каждаго цѣлую область подобныхъ же воспоминаній. Оказалось, что каждый что-нибудь да зналъ изъ своей практики, что нисколько не уступало продѣлкамъ Ивана. Явилось даже соревнованіе: кто хитрѣе провелъ жида? Разговоры шли бы до самаго вечера, если-бы староста, угадывая, наконецъ, нетерпѣливое настроеніе батюшки, не оборвалъ всѣхъ разсказовъ.

— Гей, хлопци, до роботы... Пополуднали, подякуймо, тай до косы... бо пора.

Дѣловой серьезный тонъ старосты сейчасъ же произвелъ соотвѣтствующее дѣйствіе. Но, идя въ рядъ другъ за другомъ, косари все-таки не теряли нити прерваннаго разговора и долго шутили надъ Мордашемъ.

— Ой, гляды-но, Иване, щобъ тебе часомъ ціеи ночи Хапунъ не вхопывъ? Бо все може буты,—говорили они, то и дѣло поглядывая на старинное зданіе еврейской синагоги, стоявшей за рѣкой на степанской горѣ.

— Вiнъ и Хапуна ошпетыть, раздавались голоса за Мордаша.

Трава была скошена, и къ вечеру пріятный запахъ свѣжаго сѣна висѣлъ въ сыроватомъ воздухѣ на Лукѣ. Солнце закатывалось. Красный дискъ его „мыгтивъ" межъ деревьями.

Какъ слѣдуетъ, угостилъ батюшка косарей и при разъѣздѣ.— По нѣсколько „порцій" вышло „на кожду душу". Болѣе слабыя головы охмѣлѣли... Батюшка ожидалъ, пока всѣ косари съѣдутъ съ поля („щобъ не дуже багато набиралы травы для своихъ телятокъ"). Когда послѣдній косарь, долго искавшій почему-то въ корчахъ лошадей, наконецъ, тронулся своими булаными, батюшка велѣлъ Мордашу остаться стеречь лугъ ночью, и послѣднимъ выѣхалъ изъ Луки.

— А ты, Иване, погляды покосивъ, наказалъ хозяинъ наймыту. Бо тутъ заразъ наженуть коней...

IV.

Мордашъ остался одинъ на лугу съ двумя собаками. Ему не первый разъ ночевать здѣсь. Онъ привыкъ...

Еще пѣсни выпившихъ косарей раздавались на мосткахъ, какъ онъ уже развелъ огонь, приставилъ съ одного краю горшокъ бульбы, а съ другого—горшокъ кукурузы, сѣлъ у огня и сталъ тупо глядѣть въ горшки.

Быстро спускается осенняя ночь. Еще бульба только разъ прокипѣла, а кукуруза не успѣла покрыться тонкой бѣлой пѣнкой, какъ густой туманъ уже окуталъ корчи со всѣхъ сторонъ и изъ нихъ расползся по лугамъ. Скоро весь лугъ окутался бѣлой пеленой. Виднѣлись лишь верхи кустовъ. „Завтра буде погода, роса падае", подумалъ Мордашъ, надѣлъ на себя свитку и, выжидая ужина, прилегъ подъ копной, наскоро сдѣланной изъ свѣжаго сѣна. Вечеръ былъ хорошій. Золотисто-пурпуровымъ блескомъ рѣяла группа облаковъ, за которыми скрылось солнце, бросавшее снопы свѣта громаднымъ вѣеромъ на полъ небосклона. Съ полей потянулись работники. Общій шумъ отъ движенія повозокъ, ржанія коней, говора людей вдали оглашалъ окрестность. Гдѣ-то шла запоздалая череда. Скоро, впрочемъ, звуки и шумъ, производимые бытомъ человѣка, стали мало-помалу замолкать и уступать мѣсто безыскусственному вѣянію духа природы, молчаливо вступавшей въ царство величественной ночи. Миріады звѣздъ покрыли небо. То сямъ, то тамъ плыли по небу облака, отражавшія на своихъ причудливыхъ краяхъ нѣжный розовый свѣтъ заходившаго солнца.

Вспоминая дневной разговоръ, Мордашъ невольно улыбнулся... Была-ли эта улыбка навѣяна самодовольнымъ сознаніемъ, что онъ сумѣлъ занять общество веселымъ разсказомъ, такъ что даже самъ батюшка смѣялся, или онъ и взаправду удивлялся своей былой находчивости... но только улыбка болѣе и болѣе ширилась на его смугломъ, морщинистомъ лицѣ, а мысль болѣе и болѣе погружалась въ воспоминанія.

„Этъ, чы то мало траплялося де чого діяты, думалъ онъ, якъ згадаешъ, то ажъ за боки одъ реготу треба брацця. На все

колысь я бувъ здатный хлопець. Ни една штука безъ мене бувало не обійдецця. Памятаю добре также ще штуку".

Онъ отодвинулъ сильно кипѣвшій горшокъ и подулъ въ него.

„То колысь бутейськый Сруль пославъ свого бахора Шептеля въ Ривне за горилкою. Везе бахиръ горилку тай зашабасовавъ въ дорози: а я зъ своимъ кумомъ (вже вмеръ, царство ему небесне) якъ разъ трапылысь на ту пору въ корчми... Змовылысь мы зъ нымъ тай роспочалы седячы въ корчми таку мову, щобъ Шептель чувъ.—„Ото, каже, напрыкладъ, кумъ,—теперъ въ Бутейкахъ Сруль бидуе"...—„Эге, зовсимъ ему кепсько, кажу я. Якъ бы це въ нёго горилка була, то бувъ бы въ него гешефтъ, а теперъ—нехай пробачае"... Якъ почувъ сынъ, що ось таке про батька говорять, и молытвы свои раптомъ кынувъ.

— „Що таке, пытае, зъ моимъ батькомъ?"—„А що, кажемо, ничого... Якъ бы въ нёго тепереньки до вечера була горилка, то велыкый въ его бувъ бы завтра гешефтъ".—„А що таке?" допытуе жыдокъ.—„А те, що бутейськый панъ велыку толоку збирае завтра, а въ твого татела вся горилка выйшла, то панъ ажъ крутыцця... „Скилько хочешъ, прыстае все до твого татела, стилько и беры, оно доставай мени заразъ горилкы... хочъ на двойну цину". Але де-жъ винъ теперъ достане, колы сынокъ ще въ дорози шабасуе?". Слухае Шептель, та ажъ очи въ его вылазять на лобъ одъ нетерплячкы. А кумъ все пидбавляе жару.—„Оце то, каже, бутейськый жыдокъ буде памятаты про цюю суботу. Кербеливъ зо тры заробывъ бы лышнихъ... та ба"...—„Яке зо-тры, зъ пять, або и шисть, пидбавляю я... То жъ въ ёго толока... мое почтеніе! То не те, що въ тебе десять моргивъ"...—„И треба-жъ такъ, щобъ выйшла якъ разъ на такый день субота", каже кумъ.—„Эге, мусять пропасты Срулёвы кербели, дарма, що сами лизуть въ рукы, бо Шептель ни-за-що не пойиде въ суботу". Чуть не казытця Шептель, бигае, за голову себе хапае. Ось такъ то поговорылы мы ще зъ пивъ годыны, а на решти збираемося иты. — „А куды"? пытае Шептель.—„А въ Бутейкы", кажемо. Тилько що выйшлы до

коловоротка, ажъ бижыть Шептель: „чи не можете-но, каже, вы довесты мою кобылку до Бутеёкъ?“.—„Гмъ... чому?—А що дасы?.. Даремно не поведемо“. Поторговалыся. Цилого злота наторговалы. А не такъ злотъ, якъ горилка. Добре такы було весты Шептелеву кобылку... Чому?“...

Мордашъ подложилъ хворосту на костеръ. Огонь вспыхнулъ съ новой силой. Миріады искръ клубами подымались вверхъ и падали потухая на покосы.

„Да ще до того всего, якъ прыйихалы до Сруля въ Бутейкы, то сказалы, що его сынокъ зостався въ Ривному на велыкый гешефтъ, такый гешефтъ, що може навить буде велыкымъ купцемъ, и прысталы до Сруля, щобъ намъ заплатывъ ще по злотому и горилкы давъ. Жыдъ трошкы звычайне поторговався, а такы мусивъ даты по злотому. Зовсимъ дурный жыдъ“.

Бульба была готова. Мордашъ принялся за ужинъ.

„А въ поссесора, бувало, скилько кравъ зъ хлопцямы. Тамъ скубнешъ, тутъ скубнешъ,—и горилка е, и гроши завше бувалы. И не разу не попався, оце то дыво... Велыке було господарство“.

Впрочемъ, думы Мордаша принимали и другой характеръ. Горько ему было сознавать, что всю жизнь свою онъ былъ наймытомъ и не имѣлъ своего хозяйства.

„Здаецця, якъ бы то тымъ грошамъ, що черезъ мои рукы перейшлы, та даты добру дорогу, то бувъ бы я добрый господарь, не згиршъ и другыхъ... И куды це все дивалося багатство, зрозумиты не могу... Правда, пывъ я колысь не́-зле, алежъ и другіи пылы и еднаково въ наймыты не шлы“.

Мелькала въ его головѣ мысль, что Господь Богъ не далъ ему счастья за его плутовство... это была самая непріятная сторона размышленій, и Мордашъ старался скорѣе ее отогнать отъ себя. Онъ вздохнулъ. На востокѣ зарѣяло блѣднымъ свѣтомъ... и скоро „надщербляный“ мѣсяцъ сталъ надъ лѣсомъ. На лугу повѣяло сыростью. Какая-то большая птица тихо и прямо пролетѣла надъ костромъ, чуть не задѣвъ своими большими крыльями Мордаша.

Невдалекѣ раздался шорохъ. Собаки заворчали... Мордашъ повернулъ голову въ сторону шума. За пламенемъ костра ничего не было видно. Шумъ приближался прямо на огонь. Приставилъ Мордашъ обѣ долони къ глазамъ, видитъ—изъ-за кустовъ по покосамъ „прямуе" на него тощая фигура еврея. Подобравъ полы своего лапсердака и вытянувъ, какъ гусь, голову, еврей дѣлалъ большіе шаги, переступалъ черезъ покосы и тихонько крался къ костру. Мордашъ безъ труда узналъ, кто идетъ. Удержавъ собакъ отъ лая, онъ увѣренно спросилъ:

— Айзыкъ?

Фигура приблизилась.

— Айзыкъ, це ты? громко переспросилъ Мордашъ.

— Ну—у... ша—а!.. А чого ты репетуешъ?.. Ще хто зобачыть. Никого бильше нема? спросилъ жидъ, пугливо поглядывая по сторонамъ. Мордашъ отрицательно повернулъ головой.

Еврей оглянулся во всѣ стороны и осторожно подсѣлъ къ копнѣ.

— Ты зновъ? спросилъ его Мордашъ. Га?

— Хиба що?

— Якъ то що?

— Тожъ того... Ну—у.

— Ни, теперъ не можна.

— Дурный ты и глюпство говорышъ... Тай чому?

Айзыкъ даже отвернулся отъ Мордаша. Наймытъ „распачилъ" люльку и посмотрѣлъ поверхъ костра.

— Дальби що не можна... Бо то отава, продолжалъ Мордашъ.

— Ну, то що? Хиба не все едно, що отава, що перше сино.

— Отавы завше бувае меньше...

— Хиба я не знаю. Першого сина було девяносто копыць, а батюшци далы висимдесять и пять. Отавы мусыть буты нехай висимдесять. Ну...

— А такы мусыть буты, бо трава хороша.

— То буде батюшци и симдесять пять. Жидокъ даже руки долонями повернулъ къ костру. Такъ былъ убѣдителенъ и ясенъ разсчетъ.

— Розумный ты жыдочокъ. Дальби! И рахунокъ ты знаешъ.

— А ты безъ лышнего... Бо нема часу.

Обое нѣкоторое время думали.

— Ни, не можна... говоритъ Мордашъ. Пробачай, другымъ часомъ прыдешь.

— Чому?

— Выдно буде. Догадаюцца. Якъ попадуся, то зовсимъ пропавъ.

— Этъ, ажъ слухаты цёго не хочецця. Еврей отвернулъ свою „морду“ отъ Мордаша. Не познаю я тебе: чи це Мордашъ седыть, чи може хто другій?..

— Ну, а якъ зобачыть хто?

— Хиба це першій разъ?.. Нихто не зобачить. Передъ тымъ якъ громадыты сино, я заиду возомъ нибы на ночлигъ... та гарненько передъ досвиткомъ и наберу въ корчахъ травы. А бабы прыйдуть громадыты, то воны покосивъ не личать. Воны загромадять и выдно не буде. А батюшка пизно прыходять. Тай хиба жъ воны памятають вси покосы, де яки въ корчахъ лежать? Зновъ же и то казаты: мы покосивъ можемо и не браты цилкомъ, а тилько зверху знимемо шматокъ травы. Нехай навить хто хоче поличыть, то и тоди вси покосы будуть цили. Це навить и дытына зрозуміе...

Еврей даже пейсахами повертѣлъ. Стоитъ-ли говорить о такихъ пустякахъ!

— Оце тебе слухаты, то все едно, що тую порцію пыты.

— Ну—у... дыво, що будешъ пыты. Злотыхъ тры дамъ за воза.

Мордашъ захохоталъ... и въ свою очередь отвернулъ „морду“ отъ Айзыка. Но видно было, что друзья сойдутся.

— Якъ-же... Оце я такъ тоби и накладу воза за три злотыхъ.

— Ну, ша—а... тры и пятачка. Тожъ отава повынна буты завше дешевша.

Мордашъ продолжалъ хохотать. Нѣкоторое время они торговались. Дѣло было улажено на пяти злотахъ съ половиною... и притомъ же еще „вдодачу“ Айзыкъ пообѣщалъ три добрыхъ чарки.

— Але це певне зовсимъ въ тебе сино вышло, колы ажъ на Хапуна прыйшовъ... смѣясь, сказалъ Мордашъ.

— Це то и добре... Нихто и не догадаецця, бо вси въ школи.

— А ты не боишься?

— Чого?

— А того...

Мордашъ моргнулъ на небо.

— Этъ, дурный ты... Ну,то памятай-же.

Еврей всталъ уходить.

— Слухай-но, Айзыкъ! А якъ тебе хто стрине зъ возомъ?

— Ну, то що? Кому яке дило? Я скажу, що въ Колёніи въ Абрума купывъ... Але не бійся, нихто не стрине, бо я повезу другою дорогою... Памятай же: завтра въ ночи...

Тѣмъ же путемъ и въ той же позѣ ушелъ Айзыкъ обратно въ кусты.

„Ни, бо такы правду сказавшы, то хытрійшого одъ жыда таки нема у цилому свити, продолжалъ свои думы Мордашъ, глядя вслѣдъ удалявшемуся Айзыку. Земли винъ не мае, и роботы велыкои не мае; чимъ винъ тамъ жыве? Але досыть того, що настане шабасъ,—то въ ёго и хата чыста, и булка, и рыба е на столи... и смаркачкы винъ засвитыть въ теплій хати, и спыть винъ, лыхо ма, на мягкыхъ перынахъ зъ своею Ривкою“.

Мордашъ сплюнулъ.

„И звиткиль оце все въ него берецця? нехай мени хто скаже. Нибы ему хто зъ неба дае? А хрещеный чоловикъ ось тутъ мусыть канаты на покосахъ, мовъ той собака. Зновъ же и собака все жъ такы працюе на себе прынамни, а ты все робы на чужыхъ людей. И якъ дасть тоби хто на харчи за твою-жъ роботу, то ще визьмы та подзинькуй его за ласку.

Багато е на свити людей, котрыхъ завыдки беруть, якъ подывляцця на жыдивське жытте... Та дыво, що ихъ собачыхъ сынивъ Хапунъ бере. Воно бъ то треба, щобъ кожну суботу ихъ хапало. Этъ, якъ бы то тому була правда", заключилъ свои думы полудремавшій Мордашъ и, сотворивъ краткую молитву, окончательно приготовился спать.

Луна высоко стояла надъ землей. Ея блѣдный ликъ то нырялъ въ облака, то выходилъ на ясную лазурь. Охваченныя ея перемежающимся свѣтомъ деревья минуту-другую нѣжились въ кроткомъ лунномъ сіяніи и затѣмъ дремали, погружаясь въ полутѣнь. Тихимъ шелестомъ своихъ раскидистыхъ вѣтвей они какъ бы говорили: намъ однимъ вѣдомо, что дѣлается ночью, но никто никогда не пойметъ нашихъ рѣчей.

Костеръ погасалъ.Но Мордашъ не далъ ему потухнуть: онъ нарочно сходилъ въ корчи и приволокъ не мало сухого толстаго ломачья, чтобы поддерживать огонь цѣлую ночь. Пусть знаютъ, что на лугу—сторожъ... Огненные языки моментально охватываютъ сухой хворостъ, лижутъ его стволы и ихъ отблескъ озаряетъ фантастическимъ свѣтомъ сторожа. Цѣлый столпъ искръ разбрасывается вѣтеркомъ по лугу.

А поверхъ кустовъ и лѣса прямо высится высокая еврейская школа, построенная на горѣ по ту сторону Горыня. Большое старинное зданіе „пануе" надъ всѣми хатами. Это самая выдающаяся постройка во всемъ мѣстечкѣ. На стѣнахъ зданія издавна ростутъ травы и березки. Красный свѣтъ широкихъ оконъ странно смѣшивается съ луннымъ, и издали кажется, что какое то чудовище съ огнедышащими глазами встало по ту сторону рѣки и дмется, и пыжится, и чѣмъ-то кишитъ... Школа дѣйствительно кишѣла въ эту минуту... Изъ оконъ даже до Мордаша доносился галасъ и ляментъ жидовъ, праздновавшихъ Іомъ—Кипуръ.

„А дальби якъ бы оце вхопывъ кого-небудь, гарно було-бъ звици хочь подывыцця", подумалъ Мордашъ, плотнѣе укутываясь въ своемъ „кублѣ". Выкрики голосовъ, выходившихъ изъ

синагоги, смѣшивались съ шумомъ мельничныхъ колесъ и долго стояли въ ушахъ засыпавшаго Мордаша.

V.

Онъ открылъ глаза и схватился съ своего мѣста.

— О—го—го!.. Чи не казавъ но я? Тожъ прылетивъ такы.

Надъ степанской великой школой, размахивая большими крыльями, летало и трепыхалось огромныхъ размѣровъ чудовище. То расправляя крылья въ одну ровную линію, то быстро складывая ихъ внизъ полукругомъ, носилось оно большими кругами, которые тѣмъ болѣе увеличивались, чѣмъ выше взлетало чудовище, и уменьшались по мѣрѣ его приближенія къ землѣ. Вотъ-вотъ, кажется, коснется оно земли... Видно даже вытянутыя его лапы. И вдругъ опять взвивается вверхъ, кружась въ ночной лазури. Хлопанія его крылъ отъ взмаховъ далеко заглушаютъ и молитвенные возгласы жидовъ и шумъ мельничныхъ колесъ. Чудовище по временамъ закрывало луну, и тогда на минуту-другую становилось на землѣ темно, какъ въ безлунную ночь. Вотъ Хапунъ вдругъ ринулся со всей силой на школу и ожесточенно захлопалъ крылами. Въ дребезги полетѣли оконныя рамы...

„О, це жыдкамъ Хапунъ не мали збыткы робыть, думалъ Мордашъ, бо тафли въ школи гарни булы... по злотому, а бо може и бильшъ кожна шыбка... эге"...

Ужасъ нашелъ на всѣхъ степанскихъ жидковъ. Слышитъ Мордашъ, какъ жидочки толпятся, „турбуюцця" у порома, какъ спѣшно переплываютъ они рѣку и спасаются, гдѣ кто можетъ...

„О—го—го! повторялъ про себя Мордашъ, оце то перцю винъ пиддавъ жыдкамъ сегодня пидъ хвистъ".

Робко, согнувшись въ четыре погибели, высоко поднявъ полы своего длиннаго лапсердака, зашагалъ одинъ жидочокъ по Лукѣ, словно цапля, еле слышно перебирая свои худыя длинныя ноги, обутыя въ бѣлыя панчохи. Жидокъ все огляды-

вался назадъ, не то боясь потерять патынки, не то скрываясь отъ кого-то. Мордашъ съ перваго взгляда узналъ путешественника.

— Айзыкъ, а ты зновъ? Чого це ты?

— Иванчыку,голубчыку,сховай ты мене...тожъ ты бачышъ...

— Э... пробачай. Тутечкы батюшка не позволяють всякому ходыты.

Но не успѣлъ онъ остановить одного жида, какъ видитъ, за Айзыкомъ въ такой же позѣ потянулся другой жидокъ Лейба, за Лейбой—Гершко, за Гершкомъ—Абрумъ... а тамъ идетъ самъ фуситъ, іерей степанской клойзы Срулекъ-бемъ-Мардохей.

— Глядя на такое шествіе, Мордашъ почесалъ затылокъ. Чи-жъ для васъ тутъ стежка проложена, чи що? А чого це вы сюды поналазылы, мовъ ти жабы зъ болота?

— Ну, вусысъ?.. Якъ то „поналазылы“? Що то „поналазылы“?.. А куды-жъ намъ втикаты?

— Якъ то куды? Куды хочете, туды и тикайте соби до сто-чортивъ. А це церковна земля... Тутъ для васъ, пархатыхъ жыдивъ, мисця нема... Тутъ навить копанци поставлени. Церковна межа!..

— Ну, а якъ же ты сыдышъ? А тоби ничого?..

— Бо я хрещеный чоловикъ, я степанській мужыкъ... Иванъ Мордашъ.

Вси жыдки „зареготалы“. „Реготъ“ такъ и пошелъ по всему лугу, словно лягушки на всемъ болотѣ заквакали. Смутился Мордашъ.

„Що це таке“? думае соби.

— Якъ-то? Я хиба не мужыкъ?..

— Ни.

— А хто-жъ такій?

— Жыдъ... Мордахей.

И снова всѣ еще сильнѣе засмѣялись, нибы часть школы перешла на Луку́. Оглянулся Мордашъ кругомъ: такъ и есть... „жыдовы штукъ зъ двадцять“. Сильнѣе чешетъ „потылыцю“ Мордашъ.

„Оце напасть... Зовсимъ стопчуть мени покосы“.

— Гей, жыдова, кричитъ Мордашъ, кажу вамъ тикайте звитсиль прочь, зъ Луки, бо ей Богу Рабчыка и Мурчыка пущу.

Передни жыдкы „шарахнулыся трошкы“ въ сторону. А задни стоять и не моргнуть.

Разсердился Мордашъ.

— Гужа! Гужа! Рабчыкъ! Мурчыкъ! Кси!

Какъ не сорвутся съ своихъ мѣстъ собаки, какъ не бросятся на жидовъ... Ни души... Какъ будто никого и не было, словно ихъ помеломъ кто вымелъ. Стоитъ Мордашъ на лугу, опершись въ бока, и хохочетъ, и шапку отъ удовольствія на бакиръ заломилъ.

„Оце то храбри хлопци! Нема що!“

Быстро назадъ прибѣжали собаки, еще быстрѣе сбѣжались обратно и жидки. Было двадцать жидковъ—стало сорокъ...

— Тьфу, мара! Гужа! Куси! Беры жыда! Беры! Гужа!

Вторично крикнулъ изо всей силы Мордашъ. Опять не стало жидовъ и опять явилось ихъ вдвое больше. Было сорокъ—стало восемьдесятъ.

За третьимъ разомъ ихъ стало до двухъ сотенъ. А за четвертымъ не побѣжали уже и собаки. Устали онѣ, сложились калачикомъ подъ стогомъ, вытянули языки и голосъ даже потеряли... Какъ ни кричалъ на нихъ Мордашъ, „скавычать“ собаки и ни съ мѣста... Что тутъ дѣлать?

Оглянулся кругомъ себя Мордашъ.—„Жыдовы“ видимо не видимо. Вся „клойза“—на лугу. Тутъ только понялъ онъ, что дѣло не до жарты. Морозъ продернулъ по кожѣ. Такъ тяжело сдавилось что-то его сердце... Воспользовавшись общимъ говоромъ, вздумалъ Мордашъ улизнуть. Тихохонько, незамѣтно пошелъ онъ на другую сторону копны и... „драла до баркана“.

„Якъ бы мени оце тилько до ривчака, тамъ вже“...

Но на самомъ барканѣ его схватили за свитку. Оглянулся—опять жидки...

— Ну, зачимъ ты втикаешъ? сказали они ему. Хиба такъ можна? Тожъ ты нашъ... Подывысь ты на себе.

Посмотрѣлъ Мордашъ на себя и сплюнулъ. „Що це за навожденье!“... Вмѣсто свитчины на немъ засмарканый лапсердакъ, на ногахъ панчохи и патынки, цицеле коло камизельки... Сталъ искать креста—нѣтъ. Хотѣлось ему почесаться за шеей. Около ушей нащупалъ онъ на себѣ пейсахи, настоящіе еврейскіе пейсахи „зъ калачыками на кинци“.

„Оце то такъ... попався“.

А жидки все къ нему:

— Хиба-жъ то такъ годыцця? Самъ хочешъ втикаты, а насъ покынуты, въ такій часъ... Ни, колы вси, то вси. Нехай Хапунъ кого хоче выбирае соби... А шпрыцоваты не годыцця. Въ насъ кагалъ...

VI.

На Лукѣ вдругъ поднялся вѣтеръ. Сразу какъ то потемнѣло. Вверху сильно зашумѣло, захлопало.

— Ш-ш-асть! Всѣ пригнулись. Словно стогъ сѣна упалъ съ неба...

И Хапунъ—на лугу. Смолкли жидки. Шарахнулись было въ сторону, но напрасно: куда теперь уйдешь?... А если-бы кто и ушелъ, все равно выдадутъ, удержатъ. Кому-нибудь да нужно пропадать. Пускай Хапунъ дѣлаетъ выборъ изъ всѣхъ.

Сталъ Хапунъ на лугу, оправился, поправилъ ермолку на головѣ и началъ—такую „мову“.

— Я, панство шабасове, самый честный Хапунъ. Я завше по правди... Той хто честно живе, нехай не боицця... Мени треба самого шахрайського жида.

„О, успокоительно подумалъ Мордашъ, це розумный якій-сь Хапунъ, певне мене не визьме, бо чи вже-жъ середъ такои-то жыдовы та не найдецця гиршого шахрая видъ мене“.

Поднялся на цыпочки Мордашъ и поглядѣлъ въ середку на Хапуна. Такъ и есть, „точнисенько такій, якъ розсказувавъ косарь“, высокій, съ крылами, хвостомъ... и рожки на лбу.

— Разъ на рикъ я повыненъ вхопыты якого-сь жыдка, продолжалъ Хапунъ. Запевне, що моя воля—кого взяты. Але-жъ я не хочу такъ.—Бо щобъ крывды не було...

— Якъ ваша ласка... такъ и буде, заголосылы жыдкы. Бо мы для васъ завсегда ради вгодыты... по самій чыстій совисти...

Передній рядъ жидковъ даже присѣлъ передъ Хапуномъ для выраженія угодливости.

— То я вамъ такъ скажу теперъ, панство шабасове, заключилъ Хапунъ свою рѣчь. Выберить вы сами якого жыдка, та виддайте безъ шуму и крыку. Тылько щобъ безъ шахрайства.

— Ну-у, зачимъ шахрайство? Мы завсегда для вашои мылосты. Мы сами чесни жыдочкы... начали подлизываться евреи со всѣхъ сторонъ.

Ну, и началось-же у нихъ послѣ этого на лугу. Одинъ кричитъ одно, другой другое, одинъ одного называетъ, другой—другого. Поднялся такой крикъ, что даже „до мисяця паръ пишовъ", а въ „корчахъ" всякая нечисть пробудилась и выставила кто голову, кто носъ, кто „таки очи, що де яки жыдкы зо страху ажъ погыдылыся"...

Тутъ и сова—„на явори блыкае очима, и смердячій удодъ... и вовкулакъ седыть на заднихъ лапахъ въ очерети. И имъ, бачъ, цикаво подывытыся, що тамъ робыцця въ ось таку ничъ на Луци. Ото було"... Насмотрѣлся всего въ эту „гемонську ничъ" нашъ бѣдный Мордашъ!

Крычалы жыдкы, крычалы, а на решти взялы одного мешыгыноватого жыдка и поставылы передъ Хапуномъ.

— Оце, кажуть, для вашои мылосты самый пенькный жыдокъ! Це для вашого смаку настоящій жыдокъ! Далибукъ! Щобъ намъ зъ цёго мистя не зійты, колы брешемо. Це першій въ насъ купецъ!

„Обрадылы жыдка якъ треба: далы ему нови панчохы, патынкы и лапсердака нового далы... Звычайне—жыда на смерть обряжають...

Зовсимъ не той Мойша ставъ! И не пизнаты... Нибы на паньскихъ харчахъ бувъ! Ну, то щожъ, лыхо ма, жыды такы

завше мусять буты жыдамы. Заздристь ихъ взяла, що въ мешыгыноватого Мовши такій новый та шырокій лапсердакъ. Еденъ визьме одирве соби кусокъ лапсердака".

— О, це, каже, самый файный гатунокъ, шабасовый! Другій здере панчохы.

— Бо навищо тоби, каже, панчохы. Все одно ты идешъ на смерть.

И зовсимъ геть обдеруть жыда. Зоставлять его ледве не въ тому, що маты породыла.

А Хапунъ сердытся.

— Що то за шахрайство? крычыть... Вы мени подавайте жыда якъ жé... зо всими гатунками. Я на обдырство не пиду!

Опять выберуть кагаломъ жыдка и опять его всего оберуть, общиплють „до голого тила". Видитъ Хапунъ, что „до ранку" ничего тутъ не выйдетъ, какъ закричитъ, какъ „затупотыть... ажъ по Горыню витромъ подуло и нечысть въ лозахъ зъ переляку на мынутыну поховалася".

— Самъ, каже, теперъ буду выбираты, кого скажу, того и виддавайте, бо вже хутко пивень заспивае...

Притихли евреи.

„Ото дурни, думаетъ Мордашъ, не вмилы сами вправытыся, то мусять теперъ, що скаже, робыты".

— Кажить вы мени по чыстій совисти: чи багато зъ васъ е жыдкивъ, що каждый день за днемъ шахрують до самого шабаса?—пытае Хапунъ.

Ни одинъ жидокъ прямо сознаться не хочетъ. Одинъ на другого все показываетъ. Всѣ и вышли шахраи.

— Чи е зъ васъ таки, спрашиваетъ далѣе Хапунъ, що навить въ суботу шахрують?

Поднялся голосъ. Рѣдкій жидокъ не оказался шахраемъ въ субботу.

Хапунъ повеселѣлъ.

— Ну, а такыхъ що батька и маты обшахровуе, якъ чужыхъ, багато?

И такихъ нашлось не мало.

— А такыхъ, що хвальшыви гроши роблять?

Въ нѣсколькихъ „рожкахъ“ досыть отозвалось степанскихъ жидковъ и „на такій гешефтъ“. Хапунъ задумался.

— Ну, а чи есть, напрыкладъ, таки, що купыть за хвальшыву двадцятку настоящои горилкы и до дому прынесе настоящу двадцятку?

Замолкли жиды въ недоумѣніи.

— Невжежъ нема? пытае Хапунъ. Якіи-жъ вы писля цёго жыды?.. А ще степаньскымы называетесь.

— Якъ то „нема“? Зачимъ „нема“? Ну, есть... Для вашои мылосты....

Притихъ Мордашъ подъ стогомъ. Въ сѣно лицомъ уткнулся... Сердце у него замираетъ. Послышалось ему, что его имя пронеслось по лугу. Такъ и есть.

— Мордашъ, Мордашъ! кричали кругомъ.

Въ одну секунду очутился Хапунъ около Мордаша.

— А, якъ-си-маешъ, оце мени такого треба. Давно чую що таки жыдкы есть, та ніякъ не мигъ до ныхъ добрацця.

Не успѣлъ Хапунъ кончить своихъ словъ, какъ не уцѣпятся за Мордаша ближайшіе жидки... давай его „турмосоваты“. Кто тащитъ съ него верхнюю одежину, кто—нижнюю, а кто—съ головы. Оставили Мордаша въ одной сорочкѣ. Рабчикъ и Мурчикъ покинули своего хозяина. Издали видитъ Мордашъ, какъ его любимыя собаки, повѣсивъ голову и поджавъ хвостъ, бѣжали по мосточкамъ къ порому.

„Сыротамы бидни зостануцця и погодоваты буде никому... Пропадуть безъ мене собаченята“.

Заплакалъ бѣдный Мордашъ. Закинулъ было онъ словцо, не смилуется-ли Хапунъ надъ нимъ. Тотъ и слышать ничего не хочетъ.

А степанскіе жидочки и рады, что, наконецъ, Хапунъ нашелъ себѣ „пожыву“. Поклонившись Хапуну въ ноги и сказавши не одинъ разъ, „що мы для вашои мылосты завсегда одъ щырого серця и по самій чыстій совисти“, пошли они по домамъ.

Уходя съ луга, они бросились всѣ на покосы.

— А що це вы? кинулся было на нихъ Мордашъ. Хиба це ваше?

Жидки и ухомъ не ведутъ, только смѣются.

— Все едно, кажуть, тебе Хапунъ бере. Ты вже тутечкы не наймытъ.

— Абрумку, а ты навищо траву берешъ, тожъ въ тебе ни коней, ни коровы нема, ни козы навить? кричитъ на Абрума Мордашъ.

— Ничого... здасця... не твого розуму дило, отвѣчаетъ Абрумко и забираетъ побольше.

Кто подъ руку беретъ, кто подъ обѣ руки, кто передъ собою несетъ, сложивъ руки колесомъ. Эти и дороги не видятъ, а несутъ. А больше такихъ, что „оберемкомъ" на спину валятъ. Еле-еле тащится жидъ, а все еще набираетъ. А Айзыкъ больше всѣхъ... Проклятый жидъ успѣлъ уже возомъ пріѣхать, словно зналъ...

— Айзыкъ! Айзыкъ! кричитъ ему Мордашъ. Чи-жъ то можна? И тоби сорому нема?

Жидокъ только спиной къ нему повернулся. „Въ тры-мыгá" разобрали жиды траву. Сдѣлался лугъ чистый,—какъ бы совсѣмъ и не было на немъ отавы.—А которымъ меньше травы досталось, тѣ изъ баркана жердье потянули за собой.

Слышно, какъ подошли они къ парому, толкаются, торгуются и спорятъ изъ-за сѣна и одежи Мордаша.

— Ну... вусысъ... Це мени досталося.

— Ни, то мое... Я першъ взявъ.

— Ни, колы я...

— Ну—у, ш—а—а. Дай мени одчипного два злотка, то тоби виддамъ.

— А пивъ злотка не хочешъ?

— Ну, злотъ и двадцять шисть грошей? Ну, двадцять и пять...

— Хочешъ шеснадцять грошей?

Все тише и тише становятся голоса споривших.

Вотъ, наконецъ, и совсѣмъ замолкли.

VII.

Оглядѣлся Мордашъ кругомъ себя... Хоть бы одна крещеная душа. Безлюдно, пустынно кругомъ. Вдали виднѣются за рѣкой степанскія темныя хаты. Давно въ нихъ окна погасли. Люде добри сплять и певне вже на другій бикъ перевертаюцця. Блѣдный мѣсяцъ сонно свѣтитъ своими двумя рожками; да зори безучастно глядятъ на міръ Божій. Нѣтъ имъ дѣла до того, что дѣлается на лугу. Вотъ и круги уже пошли по ковбанямъ... и легкій вѣтеръ, откуда-то взявшись, тихо прошелся по деревьямъ. Слышно, какъ вода сбѣгаетъ по шлюзамъ и „цвиринькае соби по-тыху"... Млынъ давно уже пересталъ молоть. Вздрогнулъ Мордашъ.

А на покосѣ стоитъ Хапунъ, хвостомъ „маталае такъ, що ажъ трава роскыдаецця", и зубы показываетъ.

— Ну, що, Иване, збирайся-но въ дорогу.

— А не диждешъ, отвѣчаетъ ему упрямо Мордашъ, рѣшившійся противиться до послѣдняго.

— Якъ-то?

— А такъ, бо не пойиду.

— Гмъ... Цикавый бы я зобачыты, якъ ты не пойидешъ?

— Бо якъ бы ты розумный бувъ Хапунъ, то може пойихавъ бы...

— Ну—у... а зачимъ я дурный?

— Бо въ тебе розуму нема.

— Якъ то?

— Бо якъ бы въ тебе бувъ розумъ, то ты хиба позволывъ-бы, щобъ оце такы надъ тобою кпылыся жыдкы? Де-жъ це на свити выдано, щобъ надъ Хапуномъ оттаки кпы строилы? Га?

— Ну, добре... А ще що? смѣется Хапунъ.

— Це разъ. А вдруге, хтивъ бы я знаты, чи де найдецця другій такій дурный Хапунъ, щобъ въ кагали на синожати выбиравъ пожыву? Въ кагали воны завше еденъ за другого ховаецця, держыцця крипко еденъ за другого. Тутъ не хутко розберешъ, хто зъ ныхъ шахрай. Знову же, хиба ты не знаешъ, що степанськи жыдочки на увесь свитъ шахраи? Ты не дывысь, що воны таки патлачи, воны розумни, лыхо-ма, воны и Хапуна обшахраютъ... Це сами пекельни жыдкы.

— Хиба-жъ воны и мене надулы?

— А то що-жъ? Зачимъ же и моя ричь? Якъ бы ты розумный бувъ, то ты бъ мене и зъ-роду не выбравъ.

— Хиба-жъ ты не такій шахрай, якъ жыдки кажуть?

— Нехай и такій, не буду сперечацця. Але скажы-но ты мени: де ты бачывъ, щобъ хто недоспилу ягодыну йивъ та ще й хвалывся, що добру йижу найшовъ?

— Ну-у... До чого це?

— А до того, що я ще зовсимъ молодый жыдокъ, то ще зъ мене корысти мало.

— А якъ-же по твоему теперъ зробыты? спрашиваетъ его Хапунъ.

— По моему: якъ есть въ корчахъ спила ягодына, то зелену липшъ зоставыты на писля, вона не втиче.

— Ну, а ця мова до чого?

— А до того, що е на свити жыдкы, котри ще липшъ шахрують видъ мене.—Напрыкладъ, я знаю едного жыдка... то винъ не тилько обминюе хвалшывыкы, та ще и робыть самъ тіи гроши, та возыть ихъ до Ривного.. и тамъ вміе до банку ихъ доставыты... Оце штука!

Хапунъ даже подскочилъ отъ удовольствія.

— А де-жъ винъ, Иване?

— А самъ тлустый жыдюга, товстый якъ улій, що въ борти у батюшкы.

— Та де-жъ винъ, Иванчыку?..

— Тило въ его биле, та пухле... бо йисть винъ завше булкы-шабасувкы, навить въ будни...аппетитно продолжалъ Мордашъ, сидя

подъ стогомъ и не обращая вниманія на Хапуна. О, це то спила ягодына!. Хлиба ячнёго навить не понюхае!

— Иванчыку, скажы-но, де найты цёго жыдка?

— А що мени за те буде?.. улыбнулся Мордашъ.

— Що хочешъ, каже Хапунъ... Бо я дуже голодный, натомывся... Давно повечеряты пора.

— Дыво що пора-бы де чимъ и перекусыты.

— А тлустый лыхо-ма жыдъ... продолжаетъ Мордашъ. Якъ день выпаде теплый, то ажъ десяти сокы зъ него идуть. А въ горячій день все сыдыть на лёдовни та сопе..

У Хапуна ажъ слюна потекла.

— Иванчыку, голубчыку, беры, що хочешъ... оно кажы, де мишкае той жыдюга.

— А одпустышь мене?

— А жыдокъ той далеко?

— Не дуже щобъ далеко, але такъ соби...

Подумалъ Хапунъ. Жаль ему и Мордаша терять. Хочется и того жидка.. А хитрый Мордашъ такъ „роспысуе"...

— Навить, каже, що не дуже старый, литъ буде зъ 37, або и 40... Саме чоловичына въ смаку.

— Ну, добре, иды соби на штыри витры, сказалъ Хапунъ. Кажы, де?

— Ты леты заразъ до Деражного. Тамъ е Файбышъ жыдокъ... Друга хата видъ Горыня. Леты, то ще захопышъ...

— А ты не брешешъ?

— Огъ, нехай я скысну, колы брешу. Такъ и леты на Золотолынъ, Яполоть, Бичаль, а тамъ и Деражне.

Схватился Хапунъ съ мѣста, замахалъ крыльями отъ радости, какъ пѣтухъ... Мордашъ повеселѣлъ. „Оце то допиро, думаеть, надувъ... Та кого? Самого Хапуна... Це якъ и людямъ розсказаты, то не всякій повирыть".

Ободрился совсѣмъ Мордашъ. Хоть и потерялъ онъ и штаны, и шапку, и верхнюю одежду, но, конечно, это ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало его.

„Але теперъ я дурень не буду", соображалъ онъ про себя.

— То ты кажешъ, той жыдокъ недалечко? спрашиваетъ лукаво Хапунъ, собираясь летѣть.

— Ни... въ Деражному. Черезъ пивъ - годыны будешъ..

— Ну, то ось що я тоби скажу. Оце, балакаючы зъ дуже розумнымъ человикомъ, и я порозумнивъ трохы. Пойидемо мы разомъ.

Мордашъ вздрогнулъ. Духъ у него заперло отъ испуга.

— Прыйидемо черезъ пивъ-годыны въ Деражне. Ты мени самъ покажешъ, де той жыдъ. Якъ мы его найдемо, то я тебе отпущу...

Да не долго думая, поставилъ Хапунъ Мордаша середъ луга, да какъ подлетитъ на сажень вверхъ, да съ размаху какъ вцѣпится ему когтями въ спину!.. Ну, и кричалъ же въ эту минуту Мордашъ. Старые люди говорили, „що ще якъ Степань стоить на Горыни, то нихто такъ не крычавъ“.

Высоко поднялъ его Хапунъ надъ Степанемъ. Видитъ Мордашъ: внизу поромъ, и жидки на немъ „зъ оберемкамы попивськогo сина“.. Глядятъ всѣ вверхъ, смѣются да думаютъ: „хвалыты Бога, що не насъ“.

И въ ту минуту заиграла труба около школы. Пошли жидки „на копоресъ“.

Ни души крещеной нѣтъ кругомъ. Крѣпче и крѣпче вступаютъ въ тѣло когти Хапуна... Не своимъ голосомъ кричитъ Мордашъ...

VIII.

Пришелъ на другой день батюшка на Луку посмотрѣть покосы. Глядитъ, чужіе кони ходятъ по покосамъ, а Иванъ „роскарячывся такъ щось не хороше“, лежитъ подъ стогомъ и оретъ во снѣ да тяжко стонетъ.

— Иване, говоритъ батюшка, вставай! Чого це ты?

Еще болѣе оретъ Мордашъ. Толкнулъ батюшка его ногой.

— Пусты—ы! закричалъ Иванъ. Ой, пусты!

— Та хто тебе тримае?..

— Цу—у—сты, кажу тоби... реветъ наймытъ на весь лугъ.

— Та якого це ты биса? Чи ты найився може чого кепського?

— Не душы!.. Не буду... Задыхается наймытъ.

Батюшка сильнѣе сталъ его трясти.

Какъ не схватится въ эту минуту съ просонья Мордашъ. Зыркнулъ туда-сюда выпяченными отъ испуга глазами да кубаремъ, какъ мячикъ, и пролетѣлъ сажня два-три отъ стога...

— А що це таке зъ тобою? спрашиваетъ батюшка.

— Ой, ой, стонетъ Иванъ, тяжело дыша.

— Чы тоби може яка прыкмета прыкметылася?

Всталъ онъ на колѣни, испуганно поворачиваетъ глазами вверхъ, направо и налѣво, хватается обѣими руками за спину и спрашиваетъ не своимъ голосомъ:

— А де винъ? Полетивъ?

— Хто?

— Якъ-то хто? Хапунъ.

— Якій?

— А хиба-жъ я не жыдъ?

— Перехрестыся ты, Иване, що це ты верзешъ?

— Ну, а дежъ... Скажить вы мени, батюшка, що вчора було?

— Траву косылы...

Всталъ на ноги Мордашъ и десятый разъ обводитъ кругомъ лугъ своими испуганными глазами. Смотритъ, около его ногъ виляютъ хвостами Рабчикъ и Мурчикъ...—„Собаченята вы мои, кинулся къ нимъ Мордашъ, и вы тутъ?..“ А батюшка стоитъ передъ нимъ и удивленно глядитъ на своего наймыта... „Зварьёвавъ зовсимъ паробокъ, тай годи“, думаетъ про себя.

Сталъ батюшка ему выговаривать, зачѣмъ такъ крѣпко спалъ и лошадей позволилъ на лугъ напустить. Куда тамъ! ничего не слушаетъ Мордашъ... и все говоритъ что-то свое. Наконецъ спрашиваетъ:

— А що, покосы цили?

— Та яке тамъ цили...

— Ото проклятущи жыды... то воны...

— Зовсимъ бо не жыды, возражаетъ батюшка. Иванъ Цецыкъ коней нагнавъ.

— Якъ то, хиба жыдивъ не було тута зъ школы?

— Зъ якои школы?

Наконецъ, наймытъ пришелъ въ себя и говоритъ.

— А дяковаты Бога, що я ще жывый и не жыдъ... Бильшъ не буду, ей Богу, бильшъ не буду, и дитямъ навить закажу. А въ недилю свичку поставлю.

Такъ и не понялъ батюшка, что было ночью съ его наймытомъ.

IX.

Погода благопріятствовала уборкѣ. Траву на Лукѣ собрали въ пору. Копенъ вышло почти столько-же, сколько и отъ первой „косовыци". Это было немножко странно... Трава была хуже первой и портили ее чаще, чѣмъ первую, а копенъ вышло не меньше. Не зналъ батюшка, чѣмъ это объяснить.

Могъ это объяснить его наймытъ, который далъ себѣ твердое слово больше не шахровать. И дѣйствительно, Иванъ Мордашъ много исправился послѣ этой „гемонськои" ночи.

Ѳ. Кудринскій.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ*).

(На малорусскомъ языкѣ).

1858—1859.

53.

Прышлить мыни, панычу, 300 р. на мня Виктора Мих. Бѣлозерскаго въ Борзну. У дорози стривъ усякыхъ бидолахъ, то пороздававъ доволи грошей. Да зайихавъ у Воронижъ и вбачывъ, що прытьмомъ треба оддилыть мою хрещеныцю изъ великои семьи, котора іи зайидае; такъ ій давъ 106 р. ср. Отъ и не стане грошей до Брюсселя. Може воно й стане, да все страшно йихать,—и оддыхать тутъ хочетця. Такъ дождусь одъ Васъ грошей да тоди вже й пойиду—може на колесахъ, бо й теперъ не всюды снигы лежать.

А. М. совершенно здорова и Вамъ любéнько кланяетця и дякуе Васъ, що Вы мене усякъ запомогалы и доглядалы

Вашъ П. Кулишъ.

1858; февр. 10. Мотроновка.

54.

Берлинъ 1858, апрѣля 5 нов. ст.

Ну, бувъ же и въ того Эхеля зъ Бахманомъ. Условія: 300 р. выслать ёму заразъ; якъ прыйиде машына въ Петербургъ, заплатить за іи перевозъ рубливъ изъ сотню, въ щотъ суммы; якъ поставлять іи въ друкарни, заплатить до 1000 р. изъ сыми трома стамы и перевозомъ тому, хто явытця зъ креды-

*) См. Кiев. Ст. 1898 г. № 7 и 8.

тивомъ одъ Эхеля и Бахмана; а остатокъ 700 р.—черезъ годъ. Машына буде шырше одъ Вольфовои на пядь. Передайте Макарову 300 р. и мою запыску; винъ перешле безъ утраты въ Берлынъ.

Эхель и Бахманъ ище не стари люде и тилько почалы розжыватысь, то сылкуются все робыть по людськи: тымъ уповаю, що машына буде добра! Прыйшлы мы до ихъ на другый день празныка,—одынъ же такы прыбраный, а въ другого рукы чорни, працёвавъ уже сердега. Фабрыка въ ихъ невелычка. Се нашого десятку люде.

Берлынъ закандзюбывсь на Петербургъ, тилько що народъ ходыть поволи, курыть соби сыгары, всюды весела биготня и реготъ; дитворни я нигде стилько не бачывъ, и все гарненько попрыбыране,—нема такого убозтва, якъ у Петербурзи. Нимци—люде учтыви и ласка́ви. Въ кого поспытаешъ чого, то покаже и доведе, ще й поклонытця прыязне́нько. Извощыкы—однымъ конемъ карета. Скажешъ ёму улыцю и нумеръ; винъ заразъ дасть карточку, на карточци ёго адресъ, ознака йизды и цина; а якъ по часамъ, то покаже часы. Гостынныця—якъ виночокъ; що подадуть, то якъ зъ неба знято, чысто да любо. Скатерть, рушныкъ чи на́волочка—все якъ снигъ биле. Що дня тоби подасть нове полотенце втертысь, що ажъ мять жаль, и все дешевше, нижъ у поганій Варшави. Тамъ такъ, якъ у насъ по гостынныцяхъ. Молоко розвозять по городу собакамы, а инша нимка й конемъ. Сама встане, до якои господы зайде, а собака на вози стереже молоко. Хотилы мы тилько переночовать, да такъ же то любо тутъ оддыхать зъ упокоемъ и на все дывытысь, що загаялысь самохить. Нимци навчылысь добре жыть на свити—щобъ на всихъ добро дилыты и щобъ усяке за свою працю мало смачный кусокъ и затышокъ. Не такъ, якъ у насъ, що одынъ у роскоши купаетця, а другый у грязи тоне. Лакей подае тоби йисты и бачышъ, що винъ тожъ соби панъ. Одбуде свое дило—и пишовъ до веселого товарыства, визьме пыва, закурыть люльку и гадкы не мае. Пыво въ Берлыни (Berliner-Bier) смачнійше Варшавського *старопольского* и чысте, якъ

медъ, а йграе такъ, що въ стакани трейтя часть буде пины. Улыци чыстыи, скризь колодязи зъ насосами, и по насосахъ наклеюють що дня афыши. Хто прыйде за водою, то й знае, яка дывовыжа де въ городи, яка кныга выйшла або-що. Не выдно ни одного пьяного, а вси ходять весели и ничого не боятця. Салдатъ офыцеру тилько руку пидниме до козырка, а не зупыняетця. На часахъ стоить, а кругомъ гуляе дитвора, а винъ весело поглядуе на дитвору, перекынувшы рушныцю черезъ плече и одставывшы ногу, мовъ якый панъ. Гарно, такы й геть гарно въ Берлыни! Сюды[?]бъ можна прыйихать зимоваты, щобъ ходыть на лекціи, бо тутъ печи краще зроблени, нижъ у насъ, и хаты нагриваютця добре. Зъ дороги намъ було холодно, звелилы мы затопыть; прынисъ хлопець дрова у корзыни, мыттю пидпалывъ и закрывъ дверци. Згорило все до тла, и груба розгорилась, якъ жаръ, а груба кахляна! Винъ уже й не входывъ, бо труба закрываетця якъ кранъ. Колы хочъ—поверны, а не хочешъ, ёму байдуже: винъ зробывъ свое дило не сопучы, не наскучывшы тоби вознею; все на ёму чысте, якъ на панычеви. Дивчына ввійде—прынесе жерстяне видро, все туды позлыва, все поперетырае, зробыть порядокъ тыхо и скоро, gute Nacht—и пишла соби. Ну, прощайте жъ! Бувайте здорови й весели.

Вашъ П. К.

Съ боку приписка: Алекс. Мих. Вамъ любо вклоняетця. Кланяюсь Вашому брату Сергію Семен., а такожъ и Ивану Ивановычу.

55.

5 окт. 1859. Москва.

Що се зъ вамы зробылось, що й Вы по людськи лыста напысалы?

Ато, якъ насупывсь, то й прыступу до ёго нема!...

Пры друкарни добре жыты, да не зовсимъ,—тисне́нько! Да вже ничого робыты; тилько нехай Мыхайло купыть про-

стеньки шыромкы, або ще лучче—нехай столяръ зробыть неподвыжни шыромкы у куточку, де высивъ колинкоръ, да й обклеить ихъ обоямы; а за шырмамы поставыть купывшы машынку, що зоветця ватерклёзъ,—такый ящыкъ зъ суденцемъ, що одъ ёго нема запаху. Колы на се пидійметесь, то будемо жыть; колы жъ ни, то треба прохатыся у сусиде до якоись нимоты. И вже колы куповать и впоряжать те дило, то—не гаявшы часу. Мыхайло, здаетця, знае въ сёму дили сылу, служывшы по панахъ; а знайде на Апраксыному двори. Нехай же ще купыть гарне́нькый столыкъ до вмывання, изъ рукомойныкомъ, щобъ поставыть у кабынети за шырмамы. (Чужого не треба! щобъ ёго й духу не пахло!) Отъ и все. Старый шкапъ вынесты, а новый щобъ стоявъ тамъ, де бувъ старый, у вашій хати. Да ще колыбъ оддалы обойщыку обтянуть софу, на которій Вы спалы, чысте́нькымъ сытцемъ, чи що, бо той замаслывсь. Да колы бъ обои залатать на тому мисти, де стояла та софа. Бачте, яка катавасія! Да ще—повисыть, гарно вымывшы, шторы. Да ще—повисыть сыни занависы и въ кабынети и въ другій хати—значыть—на тры окна́. Отъ и все. Колы все спорядыте, то перейдемо до васъ у сусиде. Не хапайтесь дуже да й не гайтесь же! Романъ мій ище все въ цензора. Тымъ я й не знаю, чи хутко выйидемо звидсы. Думка була така, щобъ и зовсимъ тутъ остатьця, да здаетця, що тамъ скорій дило пійде, а то то за тымъ, то за сымъ да й тпрру!

Друковаты ничого до якогось часу не буду тутъ, опричъ хиба романа въ журнали, а готовлюсь такъ, наче *оглядy* нема й на свити.

Кланяемось Вамъ обое щырымъ поклономъ.

Сповистить, чи можно все такъ зробыты, щобъ було до ладу пры друкарни. Колы жъ не те, то й не розводьте дурно праци. Нехай усе такъ буде, якъ було. Щось мыни здаетця, що дуже буде тисно й не выго́дно, да й зовсимъ погано. Може, лучче наймемо соби чужи хаты? Да, правду сказать, и тамъ добра одъ сусидъ и господынь не ждать. Мы тутъ одъ одной хаты одцуралысь, бо студенты за дверыма—якъ скажени кры-

чять. То й тамъ таке буде,—або холодно, або сыро, або злодіяки яки-небудь обсядуть кругомъ, або смородъ, або чадни будуть хаты, або ни ввійты, ни выйты, або темно, або грукотня буде надъ головою, або прыслуга розмучыть, або дрова таки, що тилько сычять, або пидъ самою дзвиныцею, або пацюкы, або яка инша бида, тилько ничого доброго не жду. Усякъ погано и всюды погано у Васъ у тому бурси! То подумайте, которе изъ золъ менше, да такъ уже и зробымо.

Шевченку прошу кланятьця одъ насъ обохъ. Отъ у васъ велике дило—публычна бібліотека! Отсе бъ уже развивъ зъ 20 збигавъ туды! А тутъ нема и завбду иншои кныжкы.

П. К.

56.

28 окт. 1859. Москва.

Вышлить мыни заразъ папери, що одъ Мизко—вси. Вышлить *Пана Мурла*, безъ цензорськыхъ замарокъ. Вышлить и мои сочыненія, прыготовлены для переиздання, про котори я вже пысавъ. Надпысь: Ивану Вас. Базунову въ собств. книжн. маг. на Страстномъ Бульварѣ, для передачи такому-то. А мене двома словцямы сповистить, що выслани, и оттакъ выслани! ту жъ саму почту сповистить, щобъ я дурно не ныкáвъ до Базуна.

Мы наняли квартырю до 10 ноября; тилько цензоръ чытае повагомъ мій романъ, и вчора я бачывъ—ище тилько 50 лысткивъ прочытавъ, четверту частыну; да ще жъ якъ пійде торгъ изъ журналомъ, колы то ще пидійде пидъ духъ (се взявся Гиляровъ рншыть и Каткову рекомендовать, бо Гиляровъ теперъ у велыкій повази),—то, може и загаемось дальше 10-го ноября, а вы на 10 чысло выготовте дви хатыни, колы можно, не тиснывшы друкарни; колы жъ треба, для сёго тисныть, то мы прытулымось въ шамбрахъ garnies або-що. Про се пысныть два слова.

Гроши Гоголышыны заразъ положить у банкъ и одошлить, а вона якъ схоче, то й тамъ визьме навпосли; намъ же абы *свое* дило зробыть.

Колы буваете въ Над. Мих., то нехай покажуть вамъ, яки лысты мы пышемо одынъ до одного зъ Вас. Мих., который ище и въ колодочкы не вбывся, а вже орломъ литае и нашому брату дорогу зъ высоты́ вказуе и ледащомъ, непутящымъ чоловикомъ взываe—звисно деликатненькымы словцямы, по свойому звыча́ю. То нехай хоть прышлють вамъ, колы не хочете, або не маете часу сами ходыты Отъ и циаулочка. Не буде пуття зъ журнала, якъ попалы ёго въ свои лапы паны съ паненятамы! Треба якъ-небудь будовать хату, хоть обихидчасту, абы була на свити *хата*, щобъ тилько слава була—що *хата есть*! А тамъ одлыгне цензура, то й періодычна *хата* явытця. Я пышу до В. М., щобъ ишовъ старою дорогою, а не коверзовавъ по-панськи, то не буду особно розводыть свого дила, ато далеби не втерплю—и за́разъ винъ явытця чоловикомъ будынко́вымъ, якъ тилько навпротывъ ёго хату збудую.

Ту статью, якъ сами знаете, такъ и тулить—про Волгу. Колы жъ ни Макаровъ, ни хто сёго на себе не визьме (Вас. Мих. хоть и не кажить: буде зъ ёго, що занапастывъ *Лито въ Малороссіи* колысь изъ Жемчужниковымъ и мою статью про *Ужинокъ*), то прышлить изъ посылкою сюды. Може, тутъ можна въ якій журналець прымкнуты. Тилько, щобъ и не гайно надрукoвалы, колы куды визьмуть у Васъ черезъ Макар., або-що, и гроши булы вирни, бо се не така статья шобъ іи напысаты, не двыгаючысь изъ свого кутка.

Александра Мыхайловна Вамъ нызенько кланяетця.

Закончивъ печатаніе писемъ Кулиша къ Д. С. Каменецкому, приводимъ здѣсь о послѣднемъ нѣсколько свѣдѣній, написанныхъ Г. С. Вашкевичемъ, близко знавшимъ покойника.

Данило Семеновичъ Каменецкій, уроженецъ одного изъ селъ Глуховскаго уѣзда, Новгородъ-Сѣверскій гимназистъ сороковыхъ и студентъ Кіевскаго университета начала пятидесятыхъ годовъ, въ 1860 и 1861 годахъ управлялъ типографіей, принад-

лежашей П. А. Кулишу. Пользуясь, можетъ быть, этимъ обстоятельствомъ, Д. С. Каменецкій занимался изданіемъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, преимущественно предназначенныхъ для народа. Издательская дѣятельность Данила Семеновича была на столько значительна и обширна, что историку южно-русскаго литературнаго движенія шестидесятыхъ годовъ едва-ли можно труды Д. С. Каменецкаго пройти молчаніемъ. Очень извѣстный въ то время южно-русскій журналъ „Основа“ печатался также въ типографіи Кулиша. Техническая и отчасти хозяйственная часть журнала была въ рукахъ г. Каменецкаго.

Въ это же время онъ на собственный страхъ и коштъ печаталъ народныя изданія. Мысль издавать для народа въ дешевыхъ брошюрахъ все, что было лучшаго и талантливѣйшаго въ литературѣ, принадлежитъ Каменецкому. Онъ первый издалъ дешево и очень изящно множество брошюрокъ для народа, какіе потомъ издавались въ Кіевѣ подъ названіемъ „метеликовъ“. Великорусскія изданія подобнаго рода появились гораздо позже. Работы по этимъ изданіямъ и по изданію „Основы“, требовавшія благодаря нѣкоторымъ недочетамъ въ хозяйскихъ дѣлахъ журнала, по убѣжденію Д—ла С—ча, его личнаго участія и личнаго труда, привязывали его къ типографіи, которой онъ посвящалъ изумительную и самоотверженную энергію. Собственныя изданія Д. С. едва-ли покрывали затраченныя на нихъ деньги, не говоря о трудѣ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ онѣ отдавались добрымъ пріятелямъ въ кредитъ и, благодаря обычной халатности, далеко не всегда исправно оплачивались. Это, впрочемъ, мало смущало Данила Семеновича. „Лишь бы шли въ дѣло“, обыкновенно замѣчалъ онъ, когда рѣчь шла объ этомъ щекотливомъ вопросѣ. Изъ ничтожной платы, которую давала ему типографія, значительная доля засчитывалась за печатаніе его собственныхъ изданій. Трудно было повѣрить, какими ничтожными средствами удовлетворялись личныя потребности Д. С—ча. П. А. Кулишъ мечталъ о блестящемъ будущемъ своей типографіи и въ своихъ письмахъ охотно связывалъ съ успѣхами типографіи судьбу ея управляющаго; но точный и здравый умъ Д. С. не могъ раздѣлять увлеченій

его патрона; какъ уже сказано, совсѣмъ не это привязывало его къ типографіи.

Впослѣдствіи, когда прекратилось изданіе „Основы" и типографія Кулиша перешла въ другія руки, Д. С. служилъ въ Государственномъ Контролѣ и Главномъ Казначействѣ. Въ турецкую войну онъ былъ полевымъ казначеемъ. Все это время онъ жилъ болѣе чѣмъ скромно въ квартирѣ изъ трехъ крошечныхъ комнатъ, изъ которыхъ средняя, самая большая, была завалена тюками брошюръ его изданія. Этотъ грузъ, сложенный правильными уступами, возвышался почти до потолка, оставляя узкіе проходы вдоль стѣнъ. Кажется, именно для этого богатства и содержалась квартира въ три комнаты. По крайней мѣрѣ, въ тѣ нѣсколько лѣтъ, когда Данило Семеновичъ, по службѣ, жилъ въ Перми, квартиру онъ оставлялъ за собою исключительно для книгъ.

Что касается собственныхъ литературныхъ работъ Данила Семеновича, то мы можемъ указать только два выпуска сборника народныхъ пѣсенъ, положенныхъ на ноты съ голоса издателя (Д. С. зналъ множество народныхъ пѣсенъ и очень красиво и задушевно ихъ исполнялъ), и этнографическую замѣтку, напечатанную въ „Основѣ".

Жилъ Данило Семеновичъ одинокимъ и умеръ „въ возрастѣ здравомъ, со старостью смежнымъ", также одинокимъ. Это одиночество по собственной волѣ не мѣшало ему имѣть обширный кругъ друзей и почитателей, изъ которыхъ многіе и теперь здравствуютъ. Живутъ еще и работавшіе съ нимъ на одномъ полѣ. Можетъ быть, кто нибудь изъ нихъ пополнитъ скудный запасъ сообщенныхъ здѣсь фактическихъ свѣдѣній о жизни и трудахъ этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка и дѣятеля на родной нивѣ. Умеръ Д. С. весною 1879 или 1880 г.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ*).

(На малорусскомъ языкѣ).

1856—1857.

19.

Шановный друже мій Васыль Васылёвычъ!

Хоть и не багато здобувсь одъ васъ лыстивъ, а пысать до васъ хочетця, а найбильшъ теперъ, якъ прыихала до мене моя землячка зъ Кыева да поросказувала про васъ и про вашу любую семью, якъ вы коло неи впадалы и скучать ій на чужій сторони не давали. Дякую вамъ, обнимаючи васъ и вашого сына молодого, козака лейстровóго.

Може вы тамъ соби зумляетесь, чому я й доси не высылаю вамъ *Записокъ* о *жизни Гоголя*, а того й не знаете, що тутъ ось яка бида склалась. Пославъ я ще у вербну суботу до цензуры въ Москву, черезъ Аксаковыхъ, одну кныжку, щобъ прыпечатавъ билетъ на выпускъ изъ друкарни; пославъ да й жду соби безпечно того билету. Колыжъ мынають и велыкодни свята, а билета немае! Я мовчу, бо знаю, що за щири люде Аксакови: не впустять воны дурно ни дня, ни годыны. Ажъ ось до мене лыстъ: „чому не высылаете намъ кныжку? чого вы зъ нею гаетесь?" Я тоди на почту: де моя посылка? чомъ не

*) См. Кіевск. Стар. 1898 г., № 4.

одослана въ Москву? „Одослана вона, кажуть, у той же самый день, а що іи не одибралы, то се трапляеться, якъ не гараздъ выпышуть на объявленіи адресъ. Нехай сами навидаюцця на почту“. Оттакъ у мене пропало два тижни, да ни на кого й сердыцця! Теперъ жду билета дай вышлю заразъ вамъ одну кныжку у Качанивку, а одну молодому козакови въ Кыевъ, щобъ чытавъ да набиравсь розуму. Не говорите мини сёго, прыятелю коханый, що Гоголь нашъ изъ пантелыку збывся. Воно правда, да не зовсимъ. Збывся винъ изъ пантелыку одъ великои мукы за грихи людськіи, а въ ёго велыкихъ помылкахъ треба чытать помылки всёго нашого мыру хрещеного. Обернуцця намъ на добро; и ёго розумніи речы, и ёго безуміе. Ось побачыте, що съ сёго буде, якъ выяспыцця все жытые ёго и не зостанетця надъ чымъ ламаты голову. Хоть я надрукувавъ два томы ёго лыстивъ и всякыхъ про ёго звистокъ,—отъ же се тилько часточка того, що надрукуе Трушковскій и инши люде. Нехай лышень выявытця все оте на Божій свитъ, тогди побачыте, що выйде за кныжка зъ жыття Гоголевого и для старыхъ, и для молодыхъ, и для фылософивъ, и для людей богомильныхъ...

Записокъ о Южной Руси печатаю 2400 экземплярывъ, а для чого? такъ ось. Роскуплять ихъ литъ черезъ десять, якъ хочете, бо якъ выдамъ томивъ дванадцять, то нельзя буде обійтысь безъ ихъ, хтобъ ни задумавъ довидацця правды про Южну Русь изъ самого джерела, а не одъ исторіографивъ. Може, первый томъ пійде мижъ пысьменный людъ воловою ходою; дарма—якъ покажутця инши, то обернутця й до первого, да й зачнуть куповать, щобъ эдыціи не ризныты. А що вже морокы мени зъ друкованнемъ: що слово, то й помылка. У мене напысано *мене*, а воны набирають *шепе*, бо ничогисенько не второпають, мовъ по-турецьки. Не швыдко дождемось кинця первому тому!

Завдала мени велыкого жалю моя пани, якъ роскавала, що билый китъ вашъ утикъ у іи въ дорози. Мужыки й бачылы, якъ винъ утикавъ, да кажуть: „мы думалы, що то чортъ!“ Не-

хай бы ваша кыевська полыція кынулась да знайшла ёго,— хоть одно бъ добре дило зробыла. Колы жъ полыція не схоче, то вже якъ небудь, а знайдить мени, будьте ласкавы, сёго котюгу; якъ прыиду на Вкраину, то визьму ёго зъ собою сюды, щобъ просвитывсь у болоти. Прощайте жъ да не забувайте вашого щыропрыхыльного земляка П. Кулиша.

Кланяемось зъ жинкою нызенько усёму вашому мылому домови.

1856, апр. 25. С. Петербургъ.

20.

Посылаю оце вамъ, коханый друже, свою кныжку про Гоголя, да ще трынадцять экземплярив для охочыхъ, а що вона коштуе, прыпечатано ззаду на обгортци. Щежъ посылаю одну кныжку *Воспоминаній Дѣтства*, которую бажала на щось купыть Емылія Васылёвна. Куповаты сёго добра не треба, бо въ мене ёго доволи. Колыбъ я знавъ, що се для неи самои, то й пидпысъ изробывъ бы,—не казавъ бы то авторъ; а то боявсь попсовать экземпляръ. Посылаю и для васъ одну кныжку *Воспоминаній* и одну *Однорога*. Може, схочете кому подаровать, або-що.

Перешлить, будьте ласкавы, пакетъ мижъ кныжкамы Г. П. Галагану.

Пани моя усимъ вамъ добрымъ здоровьемъ поклоняетця, и я зъ нею.

Пысавъ бы й бильшъ, да дуже николы.

Щыро прыхыльный землякъ

П. Кулишъ.

1856, мая 2. С. Петерб.

Цензоръ Крузе узявъ уже на цугундеръ *Чорну Раду*,—не мовъ бы нашому теляти да вовка пійматы!

За дирочку на сёму лысти выбачайте: треба було, бачте, роспечатать, щобъ добавыть кинець фразы, бо такъ захапався,

що напысавъ *на цугундеръ*, а що таке—не скоро бъ вы доро-зумовалысь, якъ бы не схаменувсь, що запечатавъ лыстъ, не допысавшы речи.

21.

Спасыби вамъ, друже коханый, що не полинувалысь поспысуваты речи своихъ гостей про мое пысанне, а найбильшъ спасыби за лыстъ пана Павлова, прымазанный грецькымъ языкомъ наче паляныця сметаною. Казать, да й ничого! бо розумна голова ёго пысала; а треба, бачу, вернутьця ще разъ до старосвитськыхъ кныжокъ, да помизкуваты добре надъ имы, щобъ изъ насъ люде не сміялысь. Колы жъ ничого не врадымо, то, мабуть, чы не липше буде надруковаты *Чорну Раду* такъ якъ вона есть, безъ мудрованння. Кыевъ такы розумный чоловикъ—ничого сказаты! Шкода, велыка шкода, що мени не довелось пожыть у ёму! А треба бъ, дуже треба намъ, южнымъ Русынамъ, прожываты вкупи на Вкраини, бо тыняючысь оттакъ по чужыхъ земляхъ, мы одвыкаемъ одъ своихъ землякивъ и не знаемо, якъ воны жывуть на свити и чого имъ треба. Отъ хоть бы и паны наши позавозять дитокъ то въ Московщыну, то въ Нимещыну та й ждуть, щобъ изъ ихъ бувъ ужытокъ, була честь и слава риднiй земли. Захопыть чоловикъ сёго щастя й нехотя, щобъ попоисты хлиба зъ чужои печи, а вже якъ одъ свого зъ малечку одвыкне, то не прыманешъ до дому й пшенышнымы бу-ханцямы. Де зрисъ, туды ёго й тягтыме зъ усима ёго достат камы, що землякы прыдбалы, намулявшы рукы.

Оттакъ соби тутъ миркуючы, зъ велыкою радистю прочытавъ у вашому лысти, що й мыни зъ кныжкамы буде прытулокъ у вашыхъ панськыхъ будынкахъ. Оддышу й я трохы писля столычнои праци, одпочыну одъ усякои суеты мырськои, которои не знае нашъ братъ на Вкраини. Тилько жъ ище не хутко наступыть та благодатная годына, що полечу до васъ орловымы крыламы. Ледви лизе, мовъ цилыну оре, московська друкарня зъ моимы думамы да старосвитськыми спомынкамы.

За моею корректурою и самого набору не знать, стилько помылокъ; да що робыть? треба друковать на столыци, а не де инде, се вже певно!

А то ще отъ що подаю вамъ на увагу, друже коханый. Есть у насъ надруковани по нашому проповиди Гречулевыча, тилько плохенька мова, да ще й по подольскому слебызованню. Такъ я сю кныжку гарненько выправывъ и Гречулевычъ оддае мени—що хотя зъ нею чыныты. Якъ бы надруковаты іи вдруге да пустыть по Вкраини, то велыке бъ зъ того добро було народу хрыстіянському. А трата на іи 300 рубливъ, котори певне якъ небудь и вернутця. Тутъ и чоловичокъ знаходытця такый, що корректовавъ бы іи залюбкы подъ моимъ доглядомъ. Такъ отъ, якъ бы вы выслалы 300 руб. на се дило, то и въ нашыхъ церквахъ зрозумилы бъ мыряне, що панотець глаголе. А по сёму слиду може бъ хто й безъ бороды напысавъ таке, якъ пышуть бородатыи. Робыть, якъ Богъ вамъ на серце положыть, и якъ своимъ розумомъ зрозуміете; а зъ мене буде й свого дила, до которого взявся.

Щыро васъ обіймаю П. Кулишъ.

1856, мая 8. С. Петерб.

22.

Пославъ я вамъ невелычкый лыстокъ, та згадавшы, що не напысавъ про одну ричъ, ажъ злякався! Кажуть добри люде, що вы щось гарне скомпонувалы про наши письни и хочете бъ то послать у *Руську Бесиду*. То я вамъ скажу, що тому вашому пысанію не слидъ иты въ московськую Бесиду, колы въ насъ е своя. У мене вже належенъ до цензора другый томъ *Записокъ о Ю. Р.* и ото заразъ первый артыкулъ: *Сказки и сказочки*; другый: *Разсказъ современника поляка о походахъ противъ гайдамакъ*, изъ моею передмовою и моимъ эпилогомъ; третій: *Универсалъ Остряныци съ замѣчаніями М. Грабовскаго* и зъ моими *дополненіямы* до тыхъ замичаній; четвертый *Критиче-*

скій обзоръ источниковъ для исторіи Малороссіи Костомарова а пятый нехай буде вашъ, да й буде сёго. Такъ отъ доведить до ладу свою рукопысь, покы я прыиду до васъ на одпочынокъ, а тоди я пошлю іи до цензора, а вертаючысь заберу да й надрукую. Отъ и все, бо гораздъ николы бильше й гуторыть.

Іюня 6, 1856.

Не одвитувавъ я вамъ про Ш. Не бійтесь, лыха ёму не заподіемо, а хиба допоможемо, бо теперъ не такъ дывлятьця на громадськый судъ, якъ колысь перше дывылысь: теперь бажають изгожуватыся зъ нымъ, а не протывъ шерсти гладыты; бо за основу взято, що паны для людей, а не люде для панивъ. Ще жъ и те скажу вамъ, що воно выйде у свитъ колы то ще,—хиба ажъ икъ Покрови, або къ Риздву; то що жъ воно ему завадыть? Напысавъ же до мене й панъ Грабовськый про передмову до Чорнои Рады. Сей каже, що праведно вознисъ я Квитку, а отъ колы бъ не пересолывъ на Тарасови. А про Гоголя, то ажъ дывуетця, якъ мы можемо изглаголаты праведный судъ про такого чоловика середъ такои литературнои заверухы. И я такъ думаю, що художныцькои славы Гоголевои я не зныщывъ, сказавшы, що въ одному дили, або въ одну пору винъ бувъ ище гогоцюцькомъ, а въ другу зробывся пидлиткомъ, а потимъ такъ пурхнувъ, що й не піймаешъ. А то бъ оце вже зробыть автора Бульбы своимъ оракуломъ та й ни ступня у историю дальше? Нехай хто хоче контетуетця Бульбою, а мы, не казавшы про ёго ни слова, тильки огласымо свои росправы про ту старосвитчыну (отъ хоть бы и въ другому томи *Запысокъ*), то всяке й побачыть, що пидъ Тарасомъ Бульбою земли немае и що не разъ винъ воюе зъ марою, а не зъ людьмы, бо ничого того не було, або було зовсимъ не такъ, якъ у ёго. Що бильше познаватымемъ свою старосвищыну, то все бильше будемъ давать догану Гоголевій поэзіи, и зостанетця вона для правдывого знавци тилько доводомъ, що зможе чоловикъ почуть душею, не маючы кругомъ себе наукового свиту.—А про Квитку мои райци не въ сылахъ булы мени добре пораяты, колы чыталы ёго тилько въ московськыхъ жур-

налахъ. Хоть же иншій чытавъ и ёго власни кныжкы, то, не знаючы добре нашого люду, не знае, скилько добра у тыхъ звычаяхъ, що такъ просто росказано въ Квиткы! Воистину глаголю вамъ, що Вальтеръ Скоттъ ридко, ридко пиднимавсь до такого ясного и свободного малёвання селянъ шотландськыхъ, якъ нашъ харькивець позмалёвувавъ своихъ дивчатъ, молодыць и чоловикивъ! Тутъ наче й художества немае, бо дывысся, якъ на саму правду, що отъ передъ твоимы очыма совершаетця; а було художество велыке у души въ того чоловика, колы винъ змигъ пиднять мужыка въ свыти и въ дёгтяныхъ чоботахъ на таку вышыну, що хочъ визьмы та й посады коло престола Божого! Хоть же вы й правдыво Квитци доганяете, що въ ёго знай выходять пидъ кинець губернаторы та паны велыкодушніи; то й тутъ ёго велыкый талантъ себе не зневажае, бо кладе винъ на папиръ те, що сами селяне думають, не вкладаючы селянамъ свого власного розуму, до которого воны ще не додумалысь и жызнью своею—такъ якъ мы доходымъ—не дойшлы. Народъ бо нащъ розчовпавъ добре, чого стоять становыи, исправныкы и всяки судови панычи, котори ёму щодня наче та оводня докучають, а маючы серце чысте и душу Божымъ поглядомъ просвищенну, не знае того гриха, що зоветця *упынистъ* и не накыдае на ввесь мыръ чорнои хмары, якъ отъ мы, байронысты, звыклы накыдаты. Бо, правду мовыть, винъ и не заглядуе въ велыки будынкы, у которыхъ усе лыхо коитця; до его й чутка но доходыть про те людоидство, которого мы на соби й на другыхъ дознаемо щодня, що годыны. Тымъ то бувъ бы народъ велыке ледащо, колыбъ не знавшы, шо й якъ—ганывъ и лаявъ усе на свити; и бувъ бы винъ погыбшая тваръ, колыбъ загасывъ и надію, що люде ще одумаются, бо е мижъ нымы праведни и ясныи души, котори не дадуть имъ до кинця зледащиты. Зъ такою вирою народъ не може розлучытысь, не розлучытця николы, бо се вира повсесвитня миждо всима добрыми и высокымы душамы. Тилько мы, люде освичени наукою, знаемо, де шукаты спасытеливъ роду людського; знаемо, що зъ оцихъ убогыхъ сылъ пидпимутця во спасеніе наше пророкы и

праведныи лыцари; що миждо гонымыхъ правды рады знайдемо твердыхъ и крипкыхъ волею, котори не злякаютця й самого демона, стоючы за правду. А народъ, не маючы нашои освиты, жде соби спасытеливъ зъ якоись далекои стороны, куды винъ не заходыть, и чае тамъ ёго знайты, де трепещуть и сами ёго нашыйныкы. Такъ розсудите жъ и уважте, добродію, чы не по народному духови, чы не по розумови людському компонувавъ Квитка свои повисти? Винъ бравъ саму ныжчу ноту; винъ розмовлявъ изъ чытателемъ за селянына, а не за себе самого; то й не повыненъ бувъ селяныновн укладувать у голову свого досвидчення, своихъ надій; а найпаче, покы не прыйшла пора до самосознання повсесвитнёго, и покы одна людына може повернуть якъ захоче громадою. Теперъ може й правда буде зъ того, що було перше въ Квиткы оманою, настануть праведни й губернаторы, котори защытять селянъ Отъ же хотивъ зробыть маленьку прыпысочку да й допысавъ до самого краю. Бувайте здорови та не забувайте мене.

Не втерплю, щобъ ище не пыснуть, бо до смаку розмова. Чы не забулы вы, якъ отти кныжкы Квитчыны надруковани? И въ рукы взять огыда! та ще друковалысь у Москви, то яка. тамъ корректура. Тилько правдывый знавця може чытать зъ уподобаныемъ тыи незграбныи шпаргалы. Годылось бы намъ надруковать уновъ Квитчыны повисти. Велыке бъ съ того було добро и велыка була бъ вамъ шаноба одъ землякивъ. А я пиднявъ бы не себе працю знайты корректора и самому догледить Велыкои вагы було бъ се дило!

23.

Москва. 1856, іюля 24.

Скоро сказка говорится,
Дѣло медленно творится.

На-сылу да на превелыку сылу скончывъ я друкомъ *Записки о Южной Руси*, да й то покынувъ ихъ тамъ изшываты

и до ладу доводыты, а самъ ухопывъ дви чы тры кныжкы да й лечу оце на Вкраину до своихъ любыхъ землякивъ. Про *Чорну Раду* завтра довидаюсь. У Москви загаюсь днивъ зъ чотыри чи що, а посли вже до васъ простоватыму. Уже жъ хоть сердьтесь, хоть нарикайте на мене, а думка тутъ така, щобъ усюды повештатця, усячыны наслухатьця, доброго розуму набратьця, а за роботу засисты хиба вже вернувшысь до столыци. Такъ оце, недовго загаявшысь у вашій ласкавій господи, помандрую свитъ за очыма по всій Украини, щобъ обернуть соби на добрый пожытокъ остатокъ лита и початокъ осены. А то, якъ прыйдетця часомъ пысать про землякивъ на чужыни, то забувшысь, яки воны есть, удеремъ такыхъ троянцивъ, що всяке одцураетця.

Будьте же ласкови, шановный и коханый друже, не одлучайтесь на сей часъ никуды на довго зъ господы, бо *душа* моя жадае до васъ аки елень на источныкы водныи. Поговорымо въ смакъ, подывывшыся одынъ на одного да й розлучымся до мого поворотного переизду черезъ Качанивку. Отъ бы вы добре вчынылы, якъ бы досталы мыни той документъ одъ кыевськои коммыссіи, про который колысь спомыналы.

Закинчаю жъ мій коротенькый лыстъ потишною звисткою, що есть певна надія вызволыть изъ неволи нашого Перебендю *). Будуть старатьця про се въ праведного царя пидъ часъ коронаціи усяки шановни и высокоповажныи люде. Отоди бъ то въ насъ на Вкраини зійшло середъ ночи сонце!

Покланяюсь добрымъ здоровьемъ усимъ вашымъ любымъ семьянамъ.

П. Кулишъ.

Колы благый юноша прывезе до дому кобзаривъ изъ альбома, то нехай воны пидождуть мого прыизду.

---

*) Т. Г. Шевченка.

24.

1856, декабря 24. С.Петерб.

Спасыби вамъ за 500 рублывъ. Бувъ я симы часамы у велыкій нужди; усе, що взявъ то за кныжкы, то-що, усе вгатывъ на папиръ да на друкъ, а дила свого, слава Богу, не попсовавъ и не зневажывъ. Не хотилось мыни друковаты скоро переводу *Чорнои Рады*, да прышлось круто. Продавъ я ёго у Руськую Бесиду. Спасыби москалямъ, заплатылы добре: по 100 цилковыхъ за печатный аркушъ, да ще й 500 особыхъ экземплярывъ. Другый томъ *Записокъ о Южной Руси* дойшовъ до конця да й зупынывсь, бо й доси не получывъ я статьи про Остряныцю, котора дуже въ ёму потрибна. На те мисто, щобъ часу не гаять, печатаю *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ. Чтеніе для молодыхъ людей.* Дорогый буде другый томъ, бо въ ёму 25 писень изъ нотамы и 4 картынкы. Шкода, що отсе вы, дорогый друже, звоптпылы объ *Запыскахъ*. Тыкыи кныгы, якъ *Чорна Рада*, дуже потрибни и вжыточни, да самы по соби не поставлять на ногы литературы, бо вона повынна буть пидкована на вси чотыри наукою. На те не вважайте, що кныжкы не йдуть по рукамъ; пійдуть, не бійтесь. Абы мени зъ грошыма вправытьця, а *Записокъ о Южной Руси* я не покыну, покы моеи снагы, и вы побачыте, що зъ ихъ выйде! Выпускать художественни утворы безъ пиддержкы крытикы, этнографіи и історіи—все одно, що высылать полкы безъ обозу. Се наша харчъ, се наши запасы, се наша сброя, се наши гарматы. Колы бъ мыни сыла да гроши, я бъ объявывъ, що выйде шисть кныжокъ у годъ, да й бывъ бы огненнымъ боемъ поты, покы всякый розумъ до мене прыхылывся бъ. Ище нема на свити печатнои Руськои історіи, и не буде поты, покы не розберемо мы, южныи русычи, своихъ дилъ изъ Польщею й Москвою и покы самы въ себе дома не роздывымся. Чы не опасуетесь вы, добродію, щобъ я не втонувъ въ каламари, заклопотавшысь надъ *Запыскамы?* Не бійтесь и сёго. Навчыла мене бида служыты чурою, навчыла жъ и отамануваты, бо недурно сказано: „Терпы,

козакъ, отаманомъ будешъ". Колы бъ тилько все йшло по моему, зробывъ бы я такъ, що й нимыи въ мене бъ заговорылы; дававъ бы я тилько зерно на посивъ, а оралы бъ, сіялы, жалы и молотылы бъ у мене люде, и було бъ у мене въ засикахъ завсегда повно. Да вже, якъ бы ни пійшло мое дило, а чогось же такы дороблюсь я на свити, бо кажуть: „робы, небоже, то й Богъ поможе". Отсе, гулящымы днямы напысавъ я добру кныжку: „*Граматку для людей, котори бажають просвитыть свій розумъ наукою.* На сю кныжку грошей у васъ не просытыму, бо вже знайшлысь такыи, що дають на іи гроши, якъ на церкву. Хочу пустыть по 6 копіёкъ, а найдорожше по грывеннику (що стоятыме друкъ и папиръ), а напечатать 10,000 экземплярывъ. Колы бъ тилько давъ Богъ, щобъ пропустылы. По сей часъ Господь мыни ище помагае. Остряныця бувъ у князя Вяземського, яко у найвыщого цензора; прыйшовъ я його прохаты, и винъ слухавъ мое чытанне дви годыны, похвалывъ, порадывъ трошкы прыпысаты и обищавсь пропустыть. Почытають добри люде й на столыци „насъ знаты и добрымъ словамъ поклыкаты", якъ спивавъ покійныкъ Архыпъ. Бачять, що чоловикъ лыха не мыслыть, а бажае дойты до правды и другыхъ просвитыты. Колы бъ не зопсовалась моя доля, то можна бъ де-що поробыть на свити добре.

Що жъ вы, добродію, чыталы мои проповиди? Не лінуйтесь-бо до мене пысаты, бо далеби туга обіймае душу, якъ не чуешъ довго ніякого гласу зъ Украины. Руку вашу розбираю я добре, сёго не бійтесь, бо почытавъ я на свойому вику усякыхъ рукъ.

Колы розжыветесь на гроши, то прысылайте, щобъ черезъ гроши я не турбовавсь и свого дила не кыдавъ. Якъ дасть Богъ мени розжытьця, тоди й самъ не захочу. Оце жъ перше всёго дошлить мыни 300 р. *моихъ* грошей одъ першого року*), а посли вже якъ зможете и схочете. Велыка шкода, що вы сами

---

*) Изъ сихъ грошей я прошу васъ передать одъ мене 45 р. сер. Надежди Васыливни.

сюды не прыихалы. Порадылысь бы мы де про що объ кныгахъ, яки друковать, якыхъ не треба, бо одною головою всего не збагнешъ. Колы думаете, що не треба бильшъ выдавать *Запысокъ о Ю. Р.*, то я вамъ не вказоватыму. Вы свого розуму и своеи воли панъ. И ни крышечкы на васъ не нарикатыму. Колы розжывусь на гроши зъ иншого боку, добре; а не розжывусь—нехай буде такъ, якъ угодно Богу. А думаю и вирую, що си кныжкы пидопруть наше дило нà-довго, и що треба бъ намъ добре посылковатысь.

Бувайте жъ здоровы, да не самы собою,—съ усею семьею. Пани моя нездужае, а такы кланяетьця всимъ вамъ.

Вашъ П. Кулишъ.

Шкода велыка Журавського! Колы бъ же хоть намъ изъ вамы пожыть довше на свити. Жатва многа, а дилателей мало!

25.

Напышу я до васъ, дорогый мій друже, маленькый лыстокъ, да бильше вы зрадіете, нижъ тыи, до кого пышу довши: Шевченка одпустылы на волю! Вернувшысь изъ Москвы (я, бачте, у Москву издывъ за диломъ), заставъ я два лысты, и обыдва гласять и прывитають мене тилько симы словамы: Шевченко на воли! Ище винъ не вернувсь, да вже певно знаемо, що ёго мылосердный нашъ Царь простывъ.

Пославъ я на имя пана Галагана два ящыкы *Проповидей*, бо не знавъ, чы вы въ Кыёви, чы въ дорози. Робить зъ ными? що хотя, гуртомъ.

А знаете, що робытця съ предысловіемъ до *Чорнои Рады*—перенеслы ёго ажъ у совищательный комитетъ главнаго правленія цензуры. Подилылысь голосы: одни репетують, що прытьмомъ треба розришыты, не вычеркуючы ничого, а други: „Ой ни! помиркуйте, що зъ сёго буде!“ А комитетъ той засидае разъ у мисяць, да ще покы черезъ канцелярське мытарство проведуть, то наждемось у волю. И статья Грабовського про Остря-

ныцю изъ моимъ хвостомъ ніякъ не пролизе. Уже й князю Вяземському я чытавъ, и той сказавъ, що добре; а все такы опасуются не казенної, не-Устряловськои історіи; а за тымъ и другый томъ *Записокъ о Ю. Р.* не выходыть.

Душею Вашъ
П. Кулишъ

1857, стычня 19.

Завтра ждемо Василія Мыхайловыча зъ титкою. Пойихавъ женытьця, бо ще й доси не знае, почимъ кившъ лыха. (Отъ яке *лыхо* напысалось, що, може, й не розберете!)

26.

Здравствуйте, мій друже едыный
Васыль Васылёвычъ!

Пронеслы булы не знать—що про Шевченка. Винъ, слава Богу, вже въ Ныжнёму-Новгороди и добре ёму тамъ живетця. Тутъ же клопочутця, де ему викъ віковаты, чы на Вкраини, чы въ столыци. Надіемось, що въ столыци.

Граматка напечатана, да хочется, щобъ уся була переплетена, то ще треба трохы часу.

Костомаровъ у Саратови. Надіемось побачыть ёго на петербурськії (устряловскій) каөедри.

Мои дила идуть добре, дякувать Богу и вамъ, що положылы каминь во главу угла. Колысь—а може й хутко—выплатымось чысто.

Всёму вашому дому ныэенькый поклонъ.

Вашъ П. Кулишъ.

1857, окт. 25. С. Петерб.

27.

Посылаю вамъ, шановный друже Васылю Васылёвычу, одну кныжку *Граматкы*. Такъ уси будуть оправлени, якъ ся: затымъ и дило загаялось, бо ихъ не мало.

Панычъ вашъ купывъ 500 экз. по 15 к., а теперъ выходыть, що така цина дуже мала; треба по 20 к. за кныжку. Вышлю жъ я вамъ си кныжкы черезъ транспортъ не въ Кыивъ, а въ Нижень, на имя Мих. Яковл. Попова, служащого къ уиздному суди. Сёго панка рекомендую вамъ, яко чоловика правдыного и на всяке добре дило готового. Получывшы кныжкы винъ самъ васъ увидомыть, що кныжкы вже въ ёго, а вы тогди за нымы прышлете пидводу. До ёго жъ прышлютця и для Галагана.

На обгортци напечатано: Ц. 50 к. Се для кныжныхъ лавокъ, а изъ рукъ въ рукы сотнямы буде всегда продаватця *Граматка* по 20 к. за кныжку.

Прочытайте, да колы що не такъ, то й переправте. Може дожывемо до другого изданія; тогди переправымо, якъ наймудрійше, порадывшысь гуртомъ.

Эманцыпація вже зроблена для трехъ польскыхъ губерній и здаетця, для Петербургськои. Публикацій нема и не буде, а тилько напечатають въ *Журнали мыныстерства внутренныхъ дилъ*, который выйде днивъ черезъ тры. Тулятця якъ изъ кражею, да царське слово благородне; винъ почынае ричь такъ: „Внявъ настоятельнымъ просьбамъ дворянства и находя ихъ просвѣщенныя и человѣколюбивыя побужденія вполнѣ соотвѣтствующими"... и такъ дальше. Пышу по слухамъ. Якось на 12 литъ крестяне прыдержани на мисти; имъ у собственность даютця дворы, горòды, коноплянныкы, а землю, котору панъ отдасть имъ пидъ соху, вя[illegible]ае права продать, чы заложыть. Щось прехимерне,—не [illegible] розумни [illegible]юде. Да вже жъ начатокъ дилу есть!

Вашъ П. К.

1857, дек. 10.

„ПОПОКЪ“.

*(Продолженіе *).*

XV.

Солнце уже склонилось совсѣмъ къ закату, когда Хведько проснулся, потягиваясь па земляномъ полу сѣней своей хаты. Мутно и тяжело было въ головѣ, сухо во рту. Не совсѣмъ отчетливо вспомнилъ онъ, какъ попалъ домой и какъ заснулъ. Припомнилось ему его собесѣдованіе въ хатѣ Жульчихи, Йосыпъ, его соболѣзнованія и наконецъ обѣщаніе *„навернуться“* къ нему.

— Не то ли опять, что было у него съ Шляховымъ—думалъ Хведько и порѣшилъ отказаться отъ всякаго участія въ подобныхъ дѣлахъ.

Сполоснувъ заспанное лицо водою, онъ выглянулъ изъ сѣней и увидѣлъ, что уже вечеръ. Нашелъ кусокъ хлѣба, поѣлъ и пошелъ въ садокъ, не желая попадаться кому-либо на глаза. Ему совѣстно было его ничего-недѣланіе среди занятыхъ работою людей,

Въ саду вишнякъ краснѣлъ уже поспѣвающими ягодами, и кислота нѣсколькихъ сорванныхъ имъ вишень была очень ему пріятна на похмелье. На огородѣ никого не было:—капусту уже поливали не каждый день. Только на одномъ изъ сосѣд-

---

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 11.

нихъ слышенъ былъ говоръ. Онъ усѣлся на берегу рѣки и тупо смотрѣлъ на воду, на прибрежную осоку, на заброшенную на той сторонѣ полуразвалившуюся старую винокурню. На гладкомъ плесѣ рѣчки кой-гдѣ показывались круги отъ хватавшей павшихъ на воду мошекъ рыбешки; вскинулась подъ кугою противоположнаго берега какая-то большая рыба; лягушечье стрекотанье доносилось съ мочажины около Саги. Задумался Хведько; тоскливо вспомнилось ему прошлое лѣто, поливка капусты на арестантскомъ огородѣ, за душу хватающая пѣсня арестантовъ..... Грусть-тоска еще больше нахлынула на его душу, еще больше ёжилось его сердце, еще больше ему стало жаль себя, обидно отъ неудающейся попытки стать на ноги, сдѣлаться хозяиномъ, начать жить, какъ живутъ и другіе. Припомнилъ онъ разсужденіе своего новаго знакомца Йосыпа о трудности полученія своихъ денегъ и, подумавъ, вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Что дѣлать, какъ устроиться—самъ онъ не могъ придумать. И такъ жить вовсе не приходится. Не могъ онъ считать себя настолько уже знающимъ сапожное дѣло, чтобы начать жить съ этого ремесла, а въ своемъ хозяйствѣ, какъ говорится, „*ни за що було зачепыться*“. Да наконецъ и работать онъ, собственно говоря, по хозяйству не умѣлъ. Пробывъ все свое отрочество и юность въ наймахъ, онъ только и умѣлъ ходить за волами, орать, пасти воловъ.

— Та вырисъ я въ наймахъ—въ недоли,
Та не знавъ я ни щастя ни воли,—

Вспоминалась ему гдѣ-то слышанная пѣсня... Опять идти наниматься, потирать чужіе углы, кормиться чужимъ хлѣбомъ!..

А между тѣмъ отдай только ему Сугыба своевременно деньги—онъ бы теперь уже былъ хозяиномъ, имѣлъ бы свою лошадь, холилъ бы ее, жалѣлъ, зарабатывалъ бы ею... Ехъ, хе, хе! Да мало ли что... Не попадись онъ въ тюрьму — теперь бы ужъ былъ женатъ на Мелашкѣ и былъ бы такимъ же, какъ и другіе, хозяиномъ.—Мелашка?. Такъ бы и полетѣлъ къ ней, въ тѣ же конопли... Теперь, небось, уже не сама: вся семья, кромѣ свекрухи, дома... Пораеться она по хозяйству, его вспоминаетъ,

управитъ всѣхъ и мужа, постелется въ коморѣ..... Эхъ—хе, хе!...

Давно уже пали сумерки; жизнь затихала по селу; варившіе на огородахъ вечерю разошлись, заливъ огнище; мошка и комары начинали донимать; замолкли лягушки-скрекотухи; бѣлесоватый туманъ сталъ стлаться на мочажинахъ луга; выпь загудѣла гдѣ-то въ камышѣ; печально запугикалъ сычъ на винокурнѣ; яснѣе слышался шумъ на лотокахъ Богатыревой мельницы; рыбакъ Хряпко куда-то на ночь поплылъ на лодкѣ; мало-по-малу одна за одной зажглись звѣзды на безоблачномъ небѣ. А онъ все сидѣлъ, думалъ, тосковалъ, метался мыслями, переходя отъ грусти къ озлобленію и наоборотъ. Не хотѣлось ему идти въ хату, гдѣ придется ожидать Йосыпа, который не съ добромъ навернется къ нему.. Опять какая-нибудь недобрая шутка.—Ну, да пускай!—Походитъ около хаты, постучитъ, да и пойдетъ себѣ—думалъ Хведько, отмахиваясь отъ мошки и комаровъ, которые все больше и больше донимали его.

— Машка, значитъ, такъ и не приходила: видно, тамъ и ночуетъ на бакшѣ. Теперь уже поздно, а то бы къ Сохвѣ пойти—она знаетъ, гдѣ Машка. Сохва—хорошая, добрая „людына“, жалѣетъ его: ишь какъ она тогда оставила его съ Мелашкой....

— Теперь Мелашка....

— Це ты тутъ?—обозвался около него чей-то голосъ. Присмотрѣвшись, Хведько узналъ Йосыпа.

— Сыдышъ, та думы думаешъ?.—

— А що жъ робыть?.

— А то, що слидъ. Думаешъ, тебе пожаліють—шкода, братъ! Ихъ треба повчыть, щобъ зналы, якъ чуже добро зайидать. Отъ якъ бы туды и Сугыбыного коня направыть, куды ты завивъ у вивторокъ того коня. О, то бъ винъ не пойихавъ зъ дому!

Во всемъ сказанномъ Хведька поразило то, что Йосыпъ зналъ про отводъ коня. Онъ припомнилъ, что когда выѣзжалъ изъ камышей, то видѣлъ тамъ еще какого-то человѣка около

Шляхового. Это былъ, вѣрно, этотъ же Иосыпъ—подумалъ онъ и стоялъ въ раздумьи, не находя что сказать.

— Ходимъ оттакъ городамы, щобъ мало хто насъ и бачывъ, а тамъ выдно буде.

Хведько мимо воли послѣдовалъ за Йосыпомъ. Они прошли огороды, перешли мостъ и направились вверхъ по рѣчкѣ лугомъ и шли, пока Йосыпъ не сказалъ:

— Оттутъ давай роззуваться—перебредемо ричку. Тутъ хоть и вьязко, та глыбче якъ по поясъ не буде.

Хведько было заупрямился, но Йосыпъ подбодрилъ его фразою:

— Пидкуемо бисову Сугыбу на вси чотыри...

Перешедши рѣчку, они съ сапогами и нижнимъ бѣльемъ дошли до какой-то кладки, гдѣ уже могли пообмыть выше колѣнъ загрязненныя ноги, надѣть штаны и обуть сапоги.

— Ты жъ теперъ отъ якъ зробы: иды городамы до стійла а тамъ по вулыци иды ажъ до Сугыбыного двора. Якъ дойдешъ, то стань и почухайся объ ворота; якъ забрешуть собакы, такъ ты зновъ, почухайся; колы хто выйде, такъ скажы, що грошi прыйшовъ правыть. Та такъ-такы и домогайся, наче пьяный. Дарма, що може й полають—быть не посміють. Чуешъ! Такъ и зробы. Позмагаешься трохы, тай иды до дому; а тамъ—самъ побачышъ.

Хведько такъ и сдѣлалъ. На улицѣ было пусто, нигдѣ никого не было видно. Гдѣ-то на заводахъ слышались колотушки сторожей. Онъ прямо пошелъ по проулку до двора Сугыбы, но еще не успѣлъ, какъ ему было приказано, потереться объ ворота, какъ уже залаяла цѣпная собака. Онъ остановился и сталъ тереться спиной о планки воротъ. Хведько еще потерся разъ и, когда послышались чьи-то шаги по направленію къ воротамъ, онъ мимовольно отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ.

— Хто тутъ?—послышался голосъ Сугыбы и въ отпертой калиткѣ показалась его фигура въ выпущеной неподпоясанной рубахѣ. Хведько стоялъ на мѣстѣ. За лаемъ собаки не слышно было, что говорилъ съ кѣмъ-то Сугыба, а затѣмъ онъ

съ какою-то палкою подвинулся по направленію къ маячившему во тьмѣ Хведьку.

— Ты хто такый? Што тоби надобно?—спросилъ Сугыба, и узнавъ Хведька, сразу закричалъ:

— Каравулъ! воры!

На этотъ крикъ выбѣжала на улицу Сугыбыха и, ничего не разбирая, завопила:

— Каравулъ! воряги, злодіи!

Хведько сразу хотѣлъ было бѣжать, но эти крики его такъ испугали, что онъ не могъ съ мѣста двинуться. Выбѣжали изъ сосѣднихъ дворовъ нѣсколько человѣкъ и чей то испуганный голосъ крикнулъ:

— Бый його!—

Сугыба ударилъ Хведька палкою по головѣ и, когда тотъ, успѣвъ схватить ее руками, сталъ вырывать, кто-то изъ набѣжавшихъ схватилъ его сзади за воротъ черкески, а другой ударилъ его кулакомъ въ бокъ. Хведько освирѣпѣлъ: моментально вырвалъ онъ изъ рукъ Сугыбы палку и отшвырнулъ вцѣпившихся въ него двухъ человѣкъ, сталъ отбиваться отъ нападавшихъ. Сугыбыха неистово кричала; люди сбѣжались. Кой у кого въ рукахъ были колья, и они угрожающе наступали на отмахивающагося Хведька. Дѣло принимало плохой для нападаемаго оборотъ, какъ вдругъ одинъ изъ надбѣжавшихъ крикнулъ:

— Постійте! Кого це й завищо бьють?. Треба роспытаться.

— Эге жъ! Треба роспытаться!—поддержалъ кто-то.

— Винъ до мене у двиръ лизъ—отозвался Сугыба.

— Якъ лизъ, куды?

— У ворота.

Кто-то изъ молодежи сказалъ:

— Це Попокъ. Я його знаю. Це той, що Сугыба грошей йому не отдае.

— А! Отъ яке! Та колы жъ винъ до тебе лизъ?

Сугыба понялъ, что весь эффектъ его крика уже пропалъ, что у сбѣжавшихся онъ не найдетъ сочувствія, и со слезами:—

я засудю його, до мырового, у-въ окружный подамъ... пошелъ къ воротамъ. Нападавшіе на Хведька пошли домой, а около него остались нѣсколько человѣкъ разспрашивавшіе его.

— Якъ це у васъ выйшло?

Хведько тутъ только вспомнилъ наставленіе Йосыпа, чтобъ притвориться пьянымъ. Его испугъ и раздраженіе помогли ему въ этомъ. Онъ ничего не могъ отвѣтить, кромѣ краткаго:

— Не оддае....

— Що не оддае?—спросилъ кто то.

— А же чувъ що; грошей не оддае—отозвался другой.

— А ты оце й пійшовъ правыть?

— Правыть—отвѣчалъ Хведько.

— А винъ тебе быть.

— Быть....

— Гмъ, гмъ оттаке! Щей каравулъ крычыть! Оттаки воны багачи! и сбѣжавшіеся стали расходиться.

Хведько и себѣ пошелъ вдоль по улицѣ, унося отнятую у Сугыбы палку.

XVI.

Все успокоилось на улицѣ и во дворѣ Сугыбы. Мало-помалу замолкли и супруги Сугыбы, потолковавъ вполголоса между собою о томъ, что нужно будетъ завтра же пожаловаться въ волости на „*нього*“. Они даже и не называли Хведька по имени отчасти потому, что понимали другъ друга, о комъ идетъ рѣчь, а во вторыхъ и потому, что они не совсѣмъ твердо и знали его имя.

Всѣ поснули подъ сіяніемъ звѣзднаго неба, которое мало-по-малу стало бѣлѣть на сѣверо-востокѣ. Еще немного спустя стало свѣтать, показалась на горизонтѣ большая бѣлояркая звѣзда, запѣли пѣтухи, загоготали гуси гдѣ-то по рѣкѣ, „запидпидьомкалъ“ въ просѣ на горѣ перепелъ... Востокъ забѣлѣлъ и затѣмъ стать алѣть, выплыли маленькія подзолоченныя снизу облачка—наставало утро, и жизнь на селѣ пробуждалась.

Проснулась и Сугыбиха, потянулась и, умывшись и перекрестившись, кинулась въ обору съ доенкой доить коровъ, для чего ей нужно было пройти мимо конюшни. Она обратила вниманіе на то, что дверь конюшни была отперта и тутъ же лежалъ навзничь цѣпной песъ, съ туго затянутою на шеѣ тонкой веревочкой и съ высунутымъ языкомъ; цѣпь на рыскалѣ была натянута. Лошади въ конюшнѣ не было, а отложенныя на огородъ ворота указывали, куда она была выведена.

Доенка выпала изъ рукъ бабы, и она даже крикнуть не могла, а только кинулась къ крыльцу, гдѣ на *„подушкахъ“*, разметавшись, спалъ ея мужъ. Она такъ дернула за откинутую руку, что онъ моментально проснулся, схватился съ подушекъ и растерянными заспанными глазами смотрѣлъ, ничего не понимая изъ какихъ-то шепотомъ сказанныхъ ему словъ:

— Вставай—коня у насъ вкрадено!

Только вторично повторенную ту же фразу понялъ Сугыба и кинулся къ конюшнѣ; тамъ увидѣлъ перекрученную и изломанную цѣпь, и затѣмъ уже всей семьей и сбѣжавшимися сосѣдями прослѣдили путь, какимъ лошадь была проведена на огороды и на далекій край слободы, гдѣ на улицѣ слѣдъ затерялся.

Вору или ворамъ пришлось въ трехъ мѣстахъ ломать некрѣпкіе плетни, отдѣляющіе зады огородовъ, а въ одномъ мѣстѣ переводить лошадь черезъ ровъ.

Сбѣжались всѣ уличане, и всѣ соглашались съ убѣжденіемъ супруговъ Сугыбъ, что ночное посѣщеніе ихъ двора Хведькомъ имѣло связь съ уводомъ лошади.

Посланные за Хведькомъ застали его еще спящимъ „на прысинкахъ“ (крыльцѣ), причемъ ничѣмъ не сказывалось его отсутствіе ночью изъ дому, такъ какъ онъ спалъ вполнѣ раздѣвшись и постлавшись, что имъ было сдѣлано по возвращеніи домой послѣ столкновенія съ Сугыбою и его сосѣдями.

За нимъ былъ посланъ одинъ изъ старшихъ десятниковъ, съ которымъ пошли двое добровольно назвавшихся уличанъ Сугыбы. Рѣшено было не говорить ничего ему до привода его въ волостное правленіе, а онъ вызовъ его понималъ, какъ по-

слѣдствіе ночного столкновенія, и шелъ, озабоченный только этимъ, совершенно забывъ про Йосыпа.

Время было рабочее и потому заинтересованные было сначала дѣломъ увода лошади сосѣда мало-по-малу разошлись по своимъ дѣламъ; остались только ожидающіе разрѣшенія дѣла человѣкъ пять сопровождавшихъ Хведька и братъ Сугыбы Трохымъ, тотъ, къ которому Хведько было присталъ въ трактирѣ Вовка. Всѣ они были въ расправѣ, ожидая привода Хведька и прихода волостного писаря, такъ какъ старшина еще съ вечера поѣхалъ въ городъ. Староста и сотскій были уже въ волости. Здѣсь же была и Сугыбыха, кой какъ обмотавшая голову платкомъ.

Собравшіеся, своею крестьянскою сметкою, успѣли уже совершенно ясно установить исторію событія. „Попокъ" подошелъ нарочно, чтобы отвлечь вниманіе домохозяевъ, а другіе тѣмъ временемъ подкрались съ огорода, прихватили оселомъ собаку и успѣли увести лошадь".

Когда въ сѣни вошелъ съ своими провожатыми Хведько, то неумолкаемый и оживленный разговоръ о происшествіи затихъ, и глаза всѣхъ устремились на дверь, по лѣтнему открытую настежь. Староста, уже не тотъ, который въ числѣ прочихъ годъ тому назадъ былъ въ кабакѣ Жердева, а слѣдовательно не имѣвшій представленія о силѣ Хведька, при входѣ послѣдняго подошелъ къ нему и съ дѣланнымъ спокойствіемъ спросилъ:

— Ну, молодець, кажы, зъ кымъ ты бувъ въ-ночи у ныхъ у двори?—показывая въ сторону супруговъ Сугыбъ, тоже приподнявшихся со скамьи.

Хведько молчалъ, не понимая вопроса.

— Ну! наступая на него, еще сказалъ староста.

— Я прыходывъ свои гроши правыть—отвѣтилъ Хведько, не подымая опущенной головы.

— Знаемъ, якъ вы ходыте опивночи гроши правыть... Я тебе пытаю, зъ кымъ ты прыходывъ?

Хведько вспомнилъ Йосыпа, и понялъ, что что-то недоброе совершилось, но не успѣлъ онъ хорошо сообразить, какъ староста самъ разъяснилъ дѣло.

— Ты мени тутъ не прытворяйся, а прызнавайся: съ кымъ вы коня вкралы у ныхъ?

Всѣ молчали, у всѣхъ вниманіе и нервы были напряжены до нельзя: слышно было, какъ мухи жужжали подъ потолкомъ. Супруги Сугыбы впивались злыми глазами въ допрашиваемаго. Ихъ немного впередъ выгнутыя фигуры какъ-бы собирались кинуться на поблѣднѣвшаго, оторопѣвшаго Хведька.

— Якого коня?—спросилъ какимъ-то глухимъ голосомъ онъ, понявшій суть дѣла.—Я ніякого коня не кравъ, я тилькы свои гроши прыход... не договорилъ онъ, такъ какъ со всего размаху ударъ кулакомъ старосты чуть не сбилъ его съ ногъ.

— Такъ ты ще й одмагаться!—закричалъ староста и замахнулся другой разъ ударить, но Хведько отшатнулся къ дверямъ и одною изъ протянутыхъ для охраненія себя рукъ безсознательно схватилъ старосту за сукно черкески, при чемъ въ его руку попала и борода старосты. Какъ прихваченный подъ устцы конь рванулся было послѣдній впередъ, но сильная рука Хведька, какъ рычагъ какой, не давала ему ходу.

— Берить його, Быйте!—крикнулъ староста и съ этими словами полетѣлъ въ сторону. Но его крикъ былъ сигналомъ, разрѣшившимъ общее напряженіе: всѣ кинулись къ успѣвшему отступить въ сѣни Хведьку и стали его бить.

Началась свалка. Освирѣпѣвшій не менѣе нападавшихъ Хведько разметывалъ всѣхъ, но отлетѣвшіе отъ него подымались и злобно опять кидались къ нему, никто даже не кричалъ, и въ этой кучѣ слышалось только какое-то шипѣніе. Мальчики, десятскіе и какія-то двѣ съ улицы бабы впирались въ двери съ крыльца. Сугыбыха, оттиснутая изъ свалки, съ растрепанными волосами, забѣгала съ разныхъ сторонъ, стараясь достать и ударить и себѣ Хведька, котораго всѣ силились свалить и сбить съ ногъ. Онъ прихватилъ лѣвою рукою за горло совсѣмъ посинѣвшаго и уже высунувшаго языкъ старшаго Сугыбу, пра-

вою тычкомъ и ударами отшвыривалъ другихъ. Наконецъ Сугыбыха попала дверной засовъ и со всего маху ударила по головѣ Хведька—онъ пошатнулся, выпустилъ изъ рукъ своего противника и повалился на полъ. Всѣ стали колотить руками и ногами тяжело застонавшаго Хведька. Разъ, другой застоналъ онъ, и затѣмъ замолкъ. Только лопотъ ударовъ раздавался. Примѣрявшаяся еще разъ ударить его Сугыбыха не могла выбрать момента, такъ тѣснились на немъ молотившіе его. Бабы на крыльцѣ заахали:

— Ой, Боже жъ мій! Це жъ воны його доконалы! говорили онѣ... Вбылы, вбылы!...

Расталкивая столпившихся на крыльцѣ десятниковъ, бабъ и мальчишекъ, въ дверяхъ показался волостной писарь, а за нимъ мѣстный одноглазый діаконъ.

— Что вы? Что вы? Опомнитесь! Бога побойтесь! Васъ засудятъ! кинулся уговаривать писарь бойцовъ, но никто не слушалъ.

— Уйми ихъ, Андрей Павловичъ! просилъ испугавшійся діаконъ, и когда увѣщанія писаря остались опять тщетными, онъ самъ, феноменально сильный человѣкъ, переступилъ порогъ и, хватая за шивороты одного за другимъ, сталъ вышвыривать бьющихъ въ другую комнату. Староста, устранившійся раньше изъ общей свалки, тоже сталъ унимать разъяренныхъ бойцовъ. Послѣднюю пришлось оттащить Сугыбыху, всю растрепанную, запотѣвшуюся. Удерживаемая уже мужемъ и еще кѣмъ-то, она все-таки успѣла послѣдняя толкнуть ногою совершенно безчувственнаго Хведька. Онъ лежалъ весь измятый, окровавленный, затоптанный. Лица не видно было, такъ оно все было измазано пылью и кровью, волосы тоже были слипшіеся отъ крови и грязи, изъ-подъ нихъ не переставала струиться кровь, образовавшая цѣлую лужу. Одна рука подвернута подъ бокъ, а другая безсильно откинута съ притоптанною, очевидно сапогами кистью. Онъ дышалъ. Отъ времени до времени тяжело вздымалась спина и изо рта показывались кровяные пузырьки. Дидъ Смалько и втиснувшіеся въ сѣни мальчишки, десятники въ

какомъ-то оцѣпенѣніи смотрѣли на него, пока діаконъ и писарь распростертыми руками удерживали все-таки рвущихся къ нему еще не остывшихъ въ остервенѣніи бойцовъ. Наконецъ, дидъ Смалько первый пришелъ въ себя и сказалъ, обращаясь къ десятникамъ:

— Бижы за попомъ! Та швыдче! А то отъ-отъ дойде— сконае!

На его слова повернулся писарь и діаконъ и скомандовали принесть воды, кинулись къ умирающему.

— Что жъ вы стоите?! Приподымайте! его на вѣтеръ нужно!—сказалъ кто-то изъ нихъ. Мальчикамъ помогли бабы, приподняли совершенно безжизненнаго Хведька и потащили на крыльцо. Староста и сотскій тоже засуетились, брызнули водой, при чемъ изъ-подъ потековъ грязи показалось мертвенно блѣдное съ закрытыми глазами лицо. Голова моталась изъ стороны въ сторону. Вздохи учащались, при чемъ высоко поднималась грудь. Его прислонили къ периламъ крыльца и стали поливать свѣсившуюся на грудь голову водой. Вода окрашивалась кровью и красною струей стекала съ крыльца. Народу стало сбѣгаться все больше. Преимущественно сбѣгались женщины, очевидно бросившія только-что домашнюю уборку. У каждаго изъ прибывавшихъ, вслѣдъ за любопытствомъ, на лицѣ появлялось выраженіе ужаса, сдвигались брови, расширялись зрачки глазъ, слышались вздохи и даже причитыванія...

— Ой, Господы!

— Боже мылосердный!

— Яке жъ то все люте, та немылосердне буває!

— Добувся, сердега!

Изъ дверей волости мало-по-малу, крадучись и не поднимая глазъ на присутствующихъ, выходили бойцы, пока не ушли всѣ. Остались только въ комнатѣ два брата Сугыбы надъ истерически рыдающей на лавкѣ Сугыбыхой. Пришелъ священникъ. Протиснулся сквозь дававшую ему дорогу толпу, шепотомъ справился о происшедшемъ у писаря и діакона, спросилъ, не слѣдуетъ ли подождать станового, хотѣлъ приступить къ исповѣди

но увидавъ, что прибитый не приходитъ въ сознаніе, не рѣшался что дѣлать. Явился Жердевъ, что-то началъ говорить; но оглянувшись на безмолвствующую толпу и узнавъ въ чемъ дѣло, отошелъ въ сторону со словами:—Ахъ ти! грѣхи-то, грѣхи!—Послали на Бемовку за фельдшеромъ, а пока все-таки не переставали взбрызгивать въ лицо водою и даже, опрокинувъ голову назадъ, влили въ ротъ воды. Послѣднее какъ-будто подѣйствовало: вода была проглочена и одинъ глазъ открылся. Дыханіе участилось, влили воды еще больше,—онъ захлебнулся и харкнулъ, на губахъ показалась кровь и вслѣдъ за тѣмъ два зуба. Діаконъ послалъ за нашатырнымъ спиртомъ и на заводъ за льдомъ. Мигомъ мальчуганы примчали то и другое. Стали тереть льдомъ около сердца, дали понюхать спирту, и Хведько мало-по-малу открылъ глаза—мутные съ приспущенными вѣками, одна изъ которыхъ припухла и была синебагроваго цвѣта. Голова однако же все еще не держалась прямо, а шаталась или вскидывалась назадъ. Всѣмъ стало его жаль, и всѣ—кто словомъ, кто дѣломъ старались ему помочь. Онъ приходилъ въ себя, и когда, по общему совѣту, снесли его подъ пожарный навѣсъ, гдѣ и положили на постланную, взятую отъ лошадей свѣжую траву, то у всѣхъ явилась надежда, что его отходили отъ смерти („*одволалы*"), и стали расходиться; оставались при немъ только десятскіе и діаконъ. Среди этихъ хлопотъ никто не видѣлъ, когда ушли всѣ трое Сугыбы. Священникъ, поговоривъ въ волости съ писаремъ, ушелъ, сказавъ, что прійдетъ, если позовутъ. Какая-то сердобольная баба принесла чистые штаны и рубашку и, перекрестившись, положила на травѣ около Хведька. Скоро на сверткѣ бѣлья явилось нѣсколько мѣдныхъ монетъ...

Писарь и староста толковали, какъ съ нимъ быть. Поразспросили и, узнавъ, что сестра его гдѣ то,—*мабуть* на роботѣ, порѣшили не трогать его до вечера—до пріѣзда старшины, а становому донести рапортомъ. Прибывшій уже къ полудню фельдшеръ, осмотрѣвъ Хведька, нашелъ, что у него переломлено два ребра, но что черепъ цѣлъ—развѣ гдѣ-нибудь трес-

нулъ, и что самое опасное, если селевенку повредили, а обморокъ могъ быть послѣдствіемъ обильнаго кровоизліянія. Во всякомъ случаѣ фельдшеръ совѣтовалъ дать знать начальству и напутствовать побитаго.

— Богъ знаетъ, чѣмъ это можетъ кончиться!—добавилъ онъ внушительно.

XVII.

Когда послѣ вечерни зашелъ провѣдать Хведька въ волость сердобольный діаконъ, то онъ уже былъ въ чистомъ бѣльѣ съ повязкой на головѣ, рана была промыта и залѣплена липкимъ пластыремъ. Священникъ еще передъ вечерней его поисповѣдывалъ и запричастилъ. Онъ лежалъ все на той же травѣ, былъ при памяти, но повернуться не могъ и стоналъ. Мухи надоѣдали ему и назойливо насѣдали на синебагровые кровоподтеки на всей лѣвой сторонѣ лица, особенно подъ глазомъ. Десятники и пожарные стойщики отъ времени до времени подавали ему напиться воды. Вмѣстѣ съ діакономъ зашли посмотрѣть на него двѣ-три бабуси изъ числа немногихъ въ лѣтнюю пору богомольцевъ, бывшихъ у вечерни. Имъ и навернувшемуся въ волость писарю діаконъ сказалъ:

— Напрасно парня загубили: батюшка говоритъ, что онъ лошади не кралъ.—Ему лучше знать. А могутъ отвѣчать, не дай Богъ чего...

Къ вечеру пріѣхалъ старшина и совѣтовался съ писаремъ, какъ быть. Всѣ проходящіе заходили взглянуть на побитаго. Постоявъ немного, они мотали головами и, выражая лаконически свои мнѣнія, отходили.

— Отъ таке!

— Добувсь, сердега!

— Отъ такъ упоралы—говорили любопытствующіе.

Начальство порѣшило до полученія приказа отъ станового на ночь приставить къ нему сторожу.

Поздно уже вечеромъ возвращались въ веселой компаніи съ далекой бахчи Сохва и Машка. Только спустившись съ горы на ярмарочную площадь, замолкла ихъ пѣсня, и стали отдѣляться изъ всей компаніи тѣ, кому нужно было поворачивать *„на свою улыцю"*. Красноселовцы прямо шли мимо завода. Около сушки онѣ встрѣтили нѣсколькихъ парней верхами на лошадяхъ, ѣдущихъ на ночное пастбище. Кто то изъ парней нарочно сталъ наѣзжать на дивчатъ. Послышались визгъ и шуточная ругань.

— Ой боюсь!—стопче! визгнула одна.

— Куды тебе несе на людей!—крикнула другая.

— А ты його тяпкою!—отозвался еще кто-то.

— По голови быйі—отозвалась ище одна.

— Не быйі по голови, а то вбъешь, такъ якъ ото Попка вбылы.

— Якого Попка? спросили дивчата.

— Якого?! А же винъ одынъ у насъ на Красноселивци. Тамъ лежыть на пужарни. Сугыбы упоралы. Кажуть, вже й запрычастылы—говорилъ парубокъ, въ сумеркахъ не замѣтивши сразу между дивчатами Машки. Она какъ-то „ойкнула", и тогда только парни замолкли и поѣхали своей дорогой.

Машка сѣла на земь, и всѣ обступили ее. Она такъ испугалась, что онѣмѣла. Сохва кинулась къ ней, перекрестила ее и съ помощью другихъ приподняла на ноги. Тяжело вздохнула дивчина разъ, другой, и на слова Сохвы:—ходимъ туды—безсознательно пошла за нею. Оставшіеся стояли въ нерѣшительности, и когда только въ сторонѣ отправившихся Сохвы и Машки послышался плачъ, то и себѣ направились за ними.

Черезъ минутъ пять въ затихающемъ вечерѣ послышалось „голосинья" подъ пожарнымъ навѣсомъ.

— Братику жъ ты мій, соколоньку. Шо жъ воны оце зъ тобою сподіялы?. За вищо жъ воны тебе вбылы?—мене зовсимъ несчасну сыротою зробылы! Ой Боже жъ мій! доленько жъ моя!—рыдала-причитывала Машка, припавъ къ плечу тяжело

застонавшаго брата. Сохва съ другой стороны его стояла на колѣняхъ и ощупывала его; всѣ остальныя дивчата только хныкали.

— Шо жъ вопы його тутъ положылы?—первая пришла въ себя Сохва.

— Це десь треба пидводу знайты, та забрать до дому. Гмъ!—соображала она. Теперъ и пидводу якъ його знайты: уси вже на пашу погналысь...

— Та ще треба спытать начальныкивъ, чы дозволять забирать його, а то й на пожарныхъ можна бъ одвезты...—сказалъ наряженный на ночь сторожъ, которому хотѣлось позбыться этой повинности.

— Ты побижы до Андрія Павловыча, тамъ и старшына—воны туды пишлы—и попросы, щобъ дозволылы узять,—объяснилъ старшій десятскій.

Сохва, оставивъ тяпку и верхнюю „куцыну“ (свиту), побѣжала къ писарю, котораго застала у воротъ съ провожаемымъ имъ старшиною. Безъ особыхъ затрудненій разрѣшили взять Хведька домой.

Когда вернулась Сохва, то уже не застала своихъ уличанъ-дивчатъ. Только Машка сидѣла около Хведька, да десятскіе отвязывали дежурныхъ пожарныхъ лошадей для перемѣны ихъ приведенными другими. Засуетились всѣ, сняли съ пожарныхъ дрогъ багры, на полстяномъ пожарномъ же щитѣ наслали травы, на которую бережно уложили стонущаго Хведька, запрягли въ дроги одну лошадь и повезли его на Красноселовку. Одинъ изъ посланныхъ десятниковъ несъ Хведькову шапку съ нѣсколькими мѣдными грошами и двумя кѣмъ-то положенными еще днемъ восковыми свѣчами.

Хотя село ужъ улеглось на покой, но тѣмъ не менѣе къ хатѣ Самченковыхъ посбѣгались сосѣди посмотрѣть на привезеннаго и, когда оказалось, что у нихъ не было чѣмъ свѣтить, то сейчасъ же принесъ кто-то „каганець“ и сала. Десятскій хотѣлъ было зажечь восковую свѣчку, но Сохва не позволила.

— Оце! наче надъ мерцемъ свитытымуть!—огрызнулась она.

Вздыхая, а кой кто и крестясь, разошлись любопытные. Сохва побѣжала позвать знахарку—бабу Юдыху. Въ слабо освѣщенной хатѣ осталась безмолвная Машка; сверчекъ трещалъ гдѣ-то за печкою, да стоналъ въ валькирѣ Хведько.

Приведенная баба Юдыха принялась ощупывать больного, заставила развесть огонь на „прыпичку“, что-то варила въ двухъ горшкахъ, однимъ снадобьемъ напоила, а другимъ стала парить грудь и животъ больного. Все это она дѣлала съ какими-то нашептываніями. Машка и Сохва молча исполняли ея краткія, строго въ полголоса произносимыя приказанія.

Такъ провозились почти всю ночь, и только ужъ на зарѣ, когда ушла лѣкарка и видимо облегченный въ страданіяхъ больной заснулъ, Машка и Сохва свалились, подмостивъ что-то подъ головы на лавкахъ, и задремали, забывъ даже запереть двери.

Не видѣли онѣ, какъ разсвѣло, какъ восходящее солнце заиграло узкими полосками сквозь щели разсохшихся притворенныхъ ставень, не слышали и благовѣста къ заутренѣ, спали усталыя физически и переволновавшіяся. Первая проснулась Сохва. Она сквозь сонъ еще послышала какое-то всхлипываніе и тихій говоръ. Проснувшись, она поняла, что кто-то есть около Хведька, и сейчасъ же сообразила, что это должно быть Полька пришла; но когда заглянула въ валькиръ, то увидала, что это была Мелашка, припавшая съ плачемъ къ Хведьку, что-то ей говорившему. Она такъ была поражена этой сценой, что при всей ея бойкости не нашлась даже, что сказать.

— Чого це ты тутъ? спросила она, прійдя въ себя, Мелашку, разсмотрѣвъ, что та была даже и непріодѣта, а въ обыденномъ платьѣ и въ кой-какъ повязанномъ на головѣ платочкѣ. Для Сохвы ясно было, что Мелашка или гдѣ-то здѣсь на Красноселовкѣ ночевала, или прибѣжала сюда изъ дому, не успѣвъ даже одѣться такъ, какъ бы ей слѣдовало, направляясь въ другое село да еще и въ воскресенье.

— Чого це ты такъ прыбигла? Це жъ ты соби славы наробышъ на весь мыръ!—сказала Сохва, но Мелашка даже и не отвѣчала ей, а плакала, припавъ къ откинутой рукѣ Хведька.

— Годи! иды! Прыховай іи—говорилъ больной слабымъ голосомъ.

Сохва взяла ее за руку и увела въ сѣни и тамъ отъ нея узнала, что когда ей, выгнавшей *„до череды“* скотину, сказали о томъ, что Хведько убитъ, то она *„и не стямылась“* и, не заходя домой, прямо побѣжала сюда; что ей не страшенъ ни поговоръ, ни *„людська слава“*, что она сама соби смерть *„заподіе“*, если только умретъ онъ, единственная радость ея жизни. Все это она разсказывала всхлипывая, утирая слезы и чмыхая носомъ.

Но Сохва въ своемъ умѣ порѣшила иначе: она уговорила Мелашку теперь поспѣшить городами да *„лукамы“* домой, а ужъ послѣ прійти сюда въ Андреевку, какъ будто къ своимъ, и провела ее сама черезъ садокъ на огороды, по случаю праздника безлюдные.

— Кого це ты проводыла? спросила сосѣдка возвращающуюся изъ садка Сохву.

— Та це до мене жинка прыходыла—отвѣтила та неохотно и пошла въ избу, гдѣ еще спала Машка.

Она подошла къ Хведьку и участливо спросила:

— Ну, що? Якъ тоби? хоть трохы полегчало?

— Болыть,—отвѣтилъ тотъ, смотря на нее однимъ открытымъ глазомъ.

— Прыховала? спросилъ онъ.

— Цыть! Щобъ и Машка не знала!—шепнула Сохва.

Мелашка между тѣмъ успѣла добѣжать по плотинѣ и понадъ огородами Бемовки въ свою леваду, и тутъ только передохнувъ и оправившись, пошла черезъ огородъ къ себѣ во дворъ.

Свекоръ сидѣлъ на крыльцѣ и ожидалъ, пока разбуженная имъ его дочь—золовка Мелашки—вынесетъ ему чистое бѣлье; хлопчикъ дѣверь еще *„не прыгнався“* съ ночной паши. Отсут-

ствія ея, очевидно, никто не замѣчалъ, такъ что она, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась за обычное воскресное „поранье“ около печи.

Но не пришлось ей, какъ совѣтовала Сохва, пойти по праздничному „*къ своимъ*“ на Андреевку: не успѣла она помыть „*мыскы—ложкы*“ послѣ обѣда, какъ явилась съ богомолья свекруха. Нужно было привѣтить ее, собрать ей пообѣдать, слушать ея разсказы о путешествіи по святымъ мѣстамъ, да и вообще неловко было идти изъ дому, когда та только что пришла.

Все время она была зла и хмурилась. Свекруха по-своему истолковала ея надутость: „она не рада ея приходу, не довольна малымъ „гостынцемъ“ (крестикомъ), принесеннымъ изъ Кіева отъ святыхъ угодниковъ. Нерадостною этою встрѣчею только усиливались давно взаимно-питаемыя антипатіи.

Переодѣтая и пообѣдавшая старуха Дейнечыха отправилась отдохнуть въ комору на „*подушкы*“, старикъ отправился въ волость, а Мелашка съ „*зовыцею*“ осталась поприбрать въ избѣ.

— Чула ты—спросила зовыця—що на Андреевци спіймалы ворягу, тай прыбылы до смерти. Якогось то Попка называли. Ажъ трое коней вкралы, та тилькы одного цього й спіймалы, а ти такъ й втеклы—пересказывала „зовыця“ уже успѣвшую разростись исторію съ Хведькомъ.

Мелашка сразу было вспыхнула, но послѣ, спохватившись, отвѣтила коротко:

— Чула.—

— Винъ той воряга, кажуть, нашій Ярчыси, Горпыни, зъ родни доводытся — продолжала „зовыця“. Такъ росказувала Стеценкова Параска,—на двое голову—мизокъ такъ и вывалывся.

Какъ ножемъ острымъ рѣзали эти слова Мелашку, хотя послѣднее указывало на преувеличеніе разсказа.

— Такъ и лежыть на юлыци—сторожа стоять. Ярчыха заразъ же й подалась туды, якъ тилько почула—закончила Дашка и пошла изъ хаты.

Такъ и осталась молодица съ перемытою посудою въ рукахъ. Она убѣдилась, что Дашка переврала или передавала перевранное, но тѣмъ не менѣе допускала возможность увода Хведькомъ лошадей совмѣстно съ другими. Онъ и для нея, какъ и для многихъ, представлялъ собою уже не прежняго парубка—мужика, а такъ или иначе уже обтертаго въ тюрьмѣ человѣка, способнаго на все необычайное въ сельской жизни и въ томъ числѣ на кражу лошади. Но все-таки онъ дорогъ ей, и потери его она, казалось, не въ состояніи будетъ перенесть. Такъ бы и полетѣла она туда, опять бы припала къ нему и поплакала бы вдоволь, слезами слила бы свое горе, свою боль сердечную! Но нельзя ей идти теперь туда: тамъ теперь изъ ихъ деревни Ярчыха, тамъ теперь люди вездѣ на улицѣ, злая свекруха дома... Слезы такъ и закапали изъ ея глазъ, и она не повернулась, когда зовыця изъ сѣней въ отворенныя двери сказала, что идетъ *„на улыцю“* и чтобы ее позвали, когда маты встанетъ.

Хата Самченковыхъ, дѣйствительно, въ тотъ же день была полна народа. Пришли Полька съ мужемъ, „титка Горпына“ изъ Деревни, вдова дядына, сосѣди—перебывали всѣ *„кутчане“*, и въ концѣ концовъ приходилъ сотскій узнать о состояніи здоровья Хведька, такъ какъ посылаемый съ донесеніемъ къ становому возвѣстилъ скорое—на дняхъ—его прибытіе въ Андреевку.

Больному стало какъ будто легче, но все еще безъ острой боли въ полости груди и живота онъ не могъ приподняться, хотя и былъ въ полномъ сознаніи. Рана на головѣ сильно саднила и воспаленіе чувствовалось во всемъ кожистомъ покровѣ головы около раны и вызывало сильную припухлость лѣвой стороны головы и лица. Слабость была причиною постояннаго дремотнаго состоянія. Фельдшеръ, не смотря на обѣщаніе, данное писарю, такъ и не приходилъ провѣдать Хведька, а баба Юдыха явилась уже сумеркомъ съ какимъ-то снадобьемъ, которымъ присыпала рану, отмочивъ предварительно пластырь. Когда она принялась было парить и разминать грудь и животъ, то Хведько такъ застоналъ, что пришлось остановить этотъ массажъ.

Когда ушла лѣкарка вмѣстѣ съ Сохвой, которая обѣщала прійти еще посидѣть съ вечера, оставшаяся при больномъ Машка услышала, что кто-то стучитъ пальцемъ въ окно.

На ея окликъ—кто тамъ?—ей отвѣтилъ незнакомый голосъ—выйды сюды!—Вышедши на *„прысинки"*, она увидала какого-то крестьянина, ей вовсе незнакомаго, который спросилъ ее:

— Ну, що, якъ винъ?

— Лежыть.

— На оци гроши—та никому не кажы—тилько йому скажешъ. Винъ самъ знае... сказалъ человѣкъ и сейчасъ же пошелъ въ ворота и по улицѣ.

Машка, привыкшая серьезно относиться къ деньгамъ, хотѣла поразспросить, какія это деньги и сколько ихъ, но его и слѣдъ простылъ. Она такъ и осталась въ недоумѣніи и стояла на крыльцѣ. Приходъ Сохвы даже смутилъ ее, и на вопросъ той—чого це ты тутъ стоишъ?—она замялась и ничего не могла отвѣтить, но когда вошли въ хату, то она не выдержала и разсказала все, какъ было.

Сохва нахмурилась, замотала головой и съ своей стороны сказала, что она встрѣтила сама этого человѣка, но, какъ ни присматривалась, узнать его не могла. Денегъ оказалось десять рублей.

— Гмъ! Це чудне!—соображала Сохва, и въ ея мысляхъ роились разныя предположенія. Первое, что она подумала, это то, это что были деньги отъ Мелашки, второе, что это былъ одинъ изъ участниковъ увода лошади у Сугыбы, третье что это ктонибудь изъ бившихъ Хведька, раскаиваясь, далъ деньги, чтобы хоть этимъ покрыть свой грѣхъ, и наконецъ то, что это Сугыбы измыслили какой либо подвохъ, чтобъ этимъ путемъ еще больше запутать Хведька... Эту послѣднюю мысль она порѣшила сообщить Машкѣ и тѣмъ самымъ обязать ее къ храненію тайны.

— Це вже не що, якъ Сугыбивськи штукы?—сказала она. Дывысь, ще й гроши може мичани, яки небудь прыметы на ныхъ поставляно. Ну, та нехай! Тамъ выдно буде, а теперъ

якъ то кажуть, ни пары зъ рота. Одно слово—никого не бачыла, ничого не знаю, ніякыхъ грошей не брала... И йому, покы що, не кажы... Ну, а я оце подывлюся, якъ винъ тамъ, тай пійду—спать пора.—Якъ що, може, прокынется, то дасы ще йому напытыся молочка... приказывала дѣловитымъ тономъ Сохва и пошла, провожаемая Машкой.

XVIII.

Сугыба кинулся разыскивать свою пропажу, побывалъ на Бемовкѣ у Шкавра, поилъ и подкупалъ разныхъ людей, по указанію однихъ ходилъ къ другимъ, былъ и въ кабакѣ Стрибуля, по его порученію побывали и у знаменитаго Сирыка—ворожбыта; по указанію послѣдняго опять пошли и разспрашивали новыхъ лицъ... ничего не помогло: пропала лошадь. Всѣ разсужденія сводились къ тому, что если бы не били „Попка“, а толкомъ бы взялись его допытывать.., а то теперь что съ него возьмешь? а вотъ, если умретъ, то еще прійдется отвѣчать.

Еще съ вечера изъ Бемовской расправы десятскій принесъ въ Андреевское волостное правленіе записку о томъ, что становой приказываетъ на завтра собрать людей, нужныхъ по дѣлу о кражѣ лошади и нанесеніи побоевъ. Записка была написана Бемовскимъ сельскимъ писаремъ по словесному приказу станового, проѣхавшаго ночевать „до Карла“, какъ объяснилъ десятникъ.

Заповѣданный пріѣздъ станового былъ совсѣмъ не въ пору: всѣ почти слобожане собирались на косовицу, такъ какъ въ воскресенье еще были розданы ярлыки и за эти дни успѣли уже подѣлить траву, побить „долобы“, а нѣкоторые уже и начали косить. Начальство тоже было занято этою косовицею, да главное, самогопотерпѣвшаго отъ кражи—Тимохы Сугыбы—не было дома: онъ поѣхалъ на нанятой лошади въ хуторъ Майданъ, по указанію Сирыка, къ братьямъ Кленовымъ, извѣстнымъ конокрадамъ, ведущимъ дѣло съ Битюцкими конокрадами.

— „Кони проведено прямо на симъ зирь, помижъ деревомъ. Два русявыхъ—одынъ высокый, другый осадкуватый—добре та гараздъ знають. Знайдется, та не скоро“—вотъ что было сказано Сирыкомъ, и понятно, что лошадь уведена на сѣверъ (симъ зиръ—Большая Медвѣдица) черезъ большой лѣсъ, а братья Кленовы именно „русявые“.

Между тѣмъ присутствіе Сугыбы, по мнѣнію начальства, теперь было необходимо потому, что онъ могъ *„де чимъ поклоныться“* становому и смягчить дознаніе о нанесеніи побоевъ Хведьку въ присутствіи и съ почина самого начальства въ самомъ волостномъ правленіи. Сихъ ради соображеній порѣшено было настроить саму Сугыбыху, чтобы она *„де чимъ—ну хоть краснымъ былетомъ—поклонылась“* становому.

— Ты вже, Демьяновна, якъ-небудь поакуратнійше прохай, щобъ, значыть, нащотъ коня—вашой пропажи, порозыськувалы, а то, не дай Богъ чого, щобъ ще й намъ у одвити не буть, щобъ не було якои халепы... толковалъ старшина Сугыбихѣ, зазванной въ волостное правленіе, когда она выгоняла *„до череды“* коровъ.

Наставляемая молча слушала наставленія и видимо соображала что то. Она поняла, что въ дѣлѣ этомъ *„началныкы“* настолько же заинтересованы пріобрѣтеніемъ снисходительности станового въ дознаніи объ истязаніи „Попка“, насколько и они, Сугыбы, въ розыскѣ лошади, и подумавъ сказала:

— Та воно звисно—безъ цёго вже ніякъ не можна: тилькы я не знаю, якъ безъ Семеновыча, що у нього гроши—винъ ихъ пры соби носыть,—въ мене нема й копійкы...

— Ну, вже якъ небудь роздобудь, прыхваты у кого—безъ цього ніякъ не прыходытся—сказалъ старшина и, видя, что она что-то думаетъ и не спѣшитъ идти *„роздобувать“*, добавилъ:

— Такъ о-такъ-то! иды, а то ось вже люды йдуть...

— Турбота одна зъ вамы—просто халепа!..

Сугыбыха медленно вышла въ сѣни и, еще постоявъ тамъ немного, пошла домой.

Часамъ къ двѣнадцати на почтовой тройкѣ пріѣхалъ становой—Александръ Ивановичъ Дойковъ въ Андреевское волостное правленіе. Сотскіе Андреевскій и Бемовскій, съ бляхами на грудяхъ и, разумѣется, безъ шапокъ, встрѣтили станового около волости и одинъ даже кинулся помогать сойти изъ тарантаса, но становой только кивнулъ ему взять портфель и пошелъ на крыльцо. Въ сѣняхъ почтительно былъ на чеку староста при медали и уже въ комнатѣ правленія поближе къ порогу стоялъ въ цѣпи Васыль Прокоповычъ (старшина) около стола; опираясь одной рукой на сложенныя бумаги, стоялъ писарь Андрей Павловичъ. (Этотъ этикетъ встрѣчи вездѣ по волостямъ какъ-то самъ собою установился).

Становой кивнулъ на отвѣшенные поклоны головой, скинувъ парусинный балахонъ на руки старостѣ, бережно его положившему на кассовый сундукъ, усѣлся за столъ и, придвинувъ поданный портфель, устало откинулся на спинку кресла.

— Ну съ! Что тутъ у васъ?—спросилъ онъ старшину и писаря.

— Да вотъ кража со взломомъ и..... сказалъ писарь.

— У кого кража?

— Здѣсь въ Андреевкѣ, у здѣшняго крестьянина, Сугыбы.

— Что жъ? Напали на слѣдъ? Есть указанія на кого?— обратилъ онъ рѣчь къ старшинѣ.

— Наказувать—не наказувалы, а звисно, народъ озвирывся, ручаться ставъ, такъ помялы—отвѣтилъ старшина, понявъ по своему предложенный вопросъ..

— Да! такъ помяли подозрѣваемаго? А? Онъ у васъ здѣсь лежитъ?

— Нѣтъ. Его тогда же отослали на домъ, такъ такъ не смѣли безъ Вашего Высокородія задерживать подъ арестомъ— вмѣшался на выручку старшины писарь.

— Почему же на него пало подозрѣніе?

— Да сказываютъ, что онъ отводъ сдѣлалъ, пока другіе вывели лошадь.

— Какъ это отводъ?

— Говорятъ, собаку сталъ дразнить отъ воротъ, а тѣ тѣмъ временемъ сломали замокъ и цѣпь и..

— Какъ дразнить? Какимъ способомъ?

— Въ ворота будто, сказываютъ, сталъ стучать, а тѣ собаку прихватили оселомъ и удавили.

— Что жъ, хозяинъ лошади спалъ или дома не былъ?

— То есть, собака кинулась по рыскалу къ воротамъ, стала брехать, а хозяева вышли на улицу, а они тѣмъ временемъ...

— А! значитъ подозрѣваемаго прихватили около воротъ и пока его тамъ били—лошадь увели? Такъ что ли?

— Нѣтъ! Они это его только разспросили, а ужъ утромъ кинулись—пропажа, тогда за него и взялись...

Становой наконецъ уразумѣлъ отчасти дѣло.

— Значитъ, уже на другой день они его нашли и поймали?

— Его привели сюда...

— Уже помятаго?

— Нѣтъ, разсказываютъ—я тутъ не былъ—что его привели, да ужъ тутъ... поступили съ нимъ строгонько..

— То есть, здѣсь въ Правленіи?

— Нѣтъ! Въ сѣняхъ—разсказывали...

— Въ сѣняхъ?—что жъ въ сѣняхъ? спрашивалъ становой, смотря поочередно то на писаря, то на старшину.

— Воны, значыться, хотилы його рештувать, а винъ ставъ пручаться,—розсказують—я тоди саме у городъ йиздывъ... тутъ воно якось то й выйшла уся тая публикація... отозвался старшина.

— Какая публикація?

— Да, это... вмѣшался опять писарь—онъ сталъ будто бы буянить, а тѣ стали его унимать и, то есть—,помяли немного... Я въ ту пору не былъ въ волости...

— Кто же это они?

— Староста, говорятъ, былъ, сотскій и такъ еще кой кто... эти самые Сугыбы...

— Ну, и помяли? Здорово?—уразумѣвая суть дѣла спросилъ становой уже самого писаря.

— Ну, ужъ извѣстно... народъ необразованный, а тутъ своего жаль...

— Гмъ! Какъ же такъ? Въ расправѣ, при старостѣ...

Писарь сдвинулъ плечами, какъ бы въ свою очередь не могшій понять, какъ это могло случиться.

— А лошадь нашли?

— Уѣхалъ искать.

— Гмъ!—задумался становой... Актъ составили?

— То есть, какъ это самое случилось, значитъ пришлось провозиться съ этимъ... а послѣ Сугыба отправился на Бемовку разыскивать... мы это рапортомъ Вашескородію донесли... Все ожидали прибытія...

Становой молча слушалъ все это и соображалъ, какъ въ данномъ случаѣ поступить.

Наконецъ, очевидно рѣшился что дѣлать

— Выберите двухъ-трехъ человѣкъ понятыхъ, а я тутъ пока подготовлю. Выйдите всѣ, а вы останьтесь со мною здѣсь,— сказалъ писарю.

Всѣ вышли чуть не на цыпочкахъ.

— Садитесь и пишите заголовокъ акта, ну хоть сегодняшнимъ числомъ. Пишите, что вотъ прибылъ по донесенію волостного правленія такого то числа, за №.—ну, сами знаете...

— Сейчасъ.—Писарь принялся за знакомое ему дѣло, а становой всталъ, зѣвнулъ, закурилъ папироску и сталъ ходить по комнатѣ.

Въ сѣняхъ между тѣмъ шепотомъ старшина и староста толковали о томъ, что вотъ Сугыбыхи по сю пору нѣтъ и что ходившій справиться о состояніи здоровья Хведька видѣлъ его спящимъ и блѣднымъ, а отъ его сестры узналъ, что онъ цѣлую ночь стоналъ.

Запыхавшійся хлопецъ—десятникъ съ развѣвающимся выцвѣтшимъ отъ солнца и купанья чубомъ сказалъ:

— Отъ иде.

И дѣйствительно, вскорѣ взошла на крыльцо Сугыбыха— серьезная, степенно вывязанная большою шалью. Старшина поманилъ ее въ сѣни.

— Справылась?

— Справылась, та не зовсимъ.

— Якъ не зовсимъ?

— Та такъ, що не раздобулась ничымъ.

— Та якъ же такъ?

— Бигала й до Толочка, й до Котляра, и до своихъ--то дома нема, а то й такъ не дають, одмагаются.

— Я вже й сама не знаю.. Якъ бы Семеновычъ дома, а то хто його знае якъ.

— Гмъ! Гмъ!—соображалъ старшина.

— Колы бъ не ставъ докопуваться до побоивъ,—сказала Сугыбыха, очевидно за эти дни усвоившая себѣ это слово и смыслъ его.

— Мы, що жъ? хоть може й не втерпилы—усякому своего жалко, та тилько жъ не мы сами, тутъ и началныкы булы... какъ бы высказывая программу своихъ объясненій становому, говорила хитрая баба.

— То то й е! Сами прохаете, клянчыте, а якъ що до чого, такъ и одвичай за васъ! сказалъ староста, понявшій, *„куды вона гне“*.

— А до кого жъ намъ подаваться, якъ не до васъ, нашыхъ началныкивъ, щобъ наставылы насъ дурныхъ?.. Я жъ и не одмагаюсь, та сами жъ бачыте, якый случай. Якъ бы винъ тутъ бувъ, такъ може бъ и мени не прыйшлось оце хлопотаться, та мизкувать, якъ його що й говорыть... и баба сбѣднилась, зашатала своей чалмой и вотъ-вотъ готова была расплакаться.

— Може бъ тутъ якъ у кого можна бъ перехватыть покы що... сказала она, еще больше сбѣднившись.

— Гмъ! Вже не що! Якъ що есть, такъ ты Петровычъ дай, а тоди вже, якъ прыйиде Семеновычъ...

Староста поскребъ потылыцю и полѣзъ въ карманъ, но у него оказалось только восемь рублей съ мелочью.

Въ это время писарь показался на дверяхъ и сказалъ, обращаясь къ Сугыбыхѣ:

— Иди... а самъ вышелъ въ сѣни и затѣмъ въ другую комнату.

„Началныкы“ замялись, старшина сунулъ Сугыбыхѣ еще два рубля и она, оправляя рукою платокъ и обтирая горстью ротъ, пошла къ становому, велѣвшему ей запереть за собою двери.

Не долго продолжался спросъ Сугыбыхи, какъ потерпѣвшей. Стоявшимъ въ сѣняхъ слышно было, какъ она всхлипывала и плачущимъ тономъ разсказывала становому; изрѣдка слышался голосъ послѣдняго, очевидно прерывающаго хныканье бабы вопросами.

Когда позванный писарь, досмоктавшій и затоптавшій на ходу папироску, вошелъ, чтобы писать дальше актъ, то Сугыбыха, сбѣднившаяся, съ красными отъ слезъ глазами, стояла, подперши одною рукою щеку около стола, и чмыхала носомъ.

Въ актъ занесено цѣликомъ показаніе Сугыбыхы, сходное со сложившеюся уже совсѣмъ исторіей событія: около полуночи, когда они уже спали, кто-то у воротъ сталъ дразнить ихъ цѣпную, бѣгавшую на рыскалѣ собаку. Хозяинъ вышелъ въ калитку и около воротъ засталъ „крестьянина той же слободы Андреевки Федора Самченкова, по уличному „Попка“ который началъ съ хозяиномъ спорить, „*змагаться*;“ туда же на споръ вышла и она, а ужъ утромъ, проходя на обору къ коровамъ, замѣтила похищеніе лошади и увидѣла удавленную собаку. Когда собака перестала лаять—за споромъ съ Попкомъ не замѣтили, а соображаютъ, что воры, подкравшись, накинули на нее петлю, придѣланную на тычку (хворостину), такъ, какъ арканятъ лошадей въ табунѣ, и моментально удавили, а послѣ ужъ сломали замокъ, перекрутили конскую цѣпь и огородами на Куколевщину увели лошадь; что хотя при спорѣ съ Попкомъ и были сбѣжавшіеся на шумъ сосѣди, но кто именно, за темнотою она не замѣтила.

По прописаніи всего этого становой, въ сопровожденіи сельскаго начальства, самой Сугыбыхи и понятыхъ, разспросивъ, что дворъ Сугыбовъ не далеко отъ волости, пошелъ туда. За ними, разумѣется, побѣжали всѣ той улицы дѣти, и къ мѣсту осмотра явились неушедшія въ поле сосѣдки-бабы.

Осмотрѣли взломанный затворъ конюшни, перебитую у яселъ конскую цѣпь, тычку и обоняніемъ заслышали вонь вытащенной въ ровъ огорода вздувшейся уже цѣпной собаки.

Когда становой, передъ которымъ шарахнулись въ разныя стороны сбѣжавшіяся ко двору дѣти, выходилъ въ калитку, на улицѣ его увидѣлъ, проѣзжавшій на дрожкахъ мировой судья Махалевскій. Онъ удержалъ свою кобылу и, отдавъ возжи сидѣвшему сзади кучеру, подошелъ къ становому.

— А! Знаете смотрю, мальчишки бѣгутъ: я догадался... Это вы того побитаго смотрѣли... Здорово уходили? Дойдетъ, вѣроятно? Хе! хе! Знаете, дико еще у насъ... затарантилъ судья, между тѣмъ какъ становой почтительно жалъ ему руку.

— Я, знаете, думалъ докторъ съ вами...

— Нѣтъ! Якова Николаевича я счелъ лишнимъ безъ времени безпокоить: сначала хотѣлъ самъ убѣдиться.

— Теперь только значитъ пошлете за нимъ? Знаете—хотѣлъ было попросить заѣхать ко мнѣ: что то, знаете, жена не совсѣмъ здорова... Е—е! попрошу васъ передать ему мою просьбу завернуть къ намъ... Вы бы съ нимъ вмѣстѣ... Е—е!

— Я, то есть, еще право не знаю, прійдется ли его приглашать, такъ какъ...

— Е—е! знаете, развѣ безъ вскрытія можно будетъ обойтись?

— Да вѣдь, говорятъ, онъ немного помятъ: уже почти здоровъ.

— А! А я знаете, слыхалъ, что совсѣмъ убили. Прислуга разсказывала... говорятъ, знаете, голову разрубили на двое. Это, знаете, любопытно... знаете!

— Нѣтъ. Вотъ старшина говоритъ, что только такъ немного...

— Э, э! Это чей же: нашъ, Андреевскій, или сторонній?—спросилъ судья старшину.

— Нашъ. Ото може Вашій мылости у памьять, що прысуженый бувъ у тюрьму за бурякове симмя.

— А! Помню—э, е!—такой грубый, знаете...

— Винъ зъ Красноселивкы... якъ пакъ йихъ прозываютъ?

— Самченковы... подсказалъ кто то.

— Э—э! До свиданья. Знаете!—Я думалъ, и въ самомъ дѣлѣ на смерть ухлопали... Спѣшу еще, знаете, къ Карлу Теодоровичу... Его только въ эту пору застать можно.

И судья, подавъ руку становому, сѣлъ на дрожки и укатилъ, взбивая пыль по улицѣ.

Становой со всѣми, кромѣ оставшейся дома Сугыбыхи, вернулся въ волость, гдѣ и закончилъ актъ о кражѣ со взломомъ лошади „у крестьянина Тимофея Семенова Сугыбина“.—Но...

Этимъ не кончылся визитъ становаго. Онъ спросилъ, нельзя ли еще поразспросить подозрѣваемаго, и когда старшина и писарь сказали, что тотъ боленъ и не можетъ быть приведенъ въ волость, становой велѣлъ на поданныхъ лошадяхъ свозить его къ Хведьку.

Когда къ Самченковыхъ дому подкатилъ на тройкѣ становой со старшиною, а староста съ сотскимъ на другой парѣ, когда послышались эти колокольчики и погромки у ихъ воротъ, то Машка такъ испугалась, что не могла даже и выйти на окликъ старшины, звавшаго подъ окномъ:

— Выйдить, хто тамъ есть!

Она стояла посреди хаты, какъ была, и не могла двинуться съ мѣста и даже что либо отвѣтить, когда уже старшина вошелъ впереди становаго въ избу. Сотскій, по приказу старшины, открылъ оконницы... Она задрожала и вдругъ разразилась плачемъ.

Становой и старшина стояли и не знали, съ чего начать. Послѣдній подумалъ, что Хведько уже умеръ; староста оставался на крыльцѣ.

— Чого ты, божевильна? Угомонысь!—попробовалъ унять ее старшина.

— Це сестра його, дивка—объяснилъ онъ немало смущенному становому.

Машка отступила къ лавкѣ и, припавъ къ столу, истерически рыдала. За перегородкой послышался стонъ. Заглянули

туда. Тамъ на помостѣ лежалъ все еще съ закрытымъ опу холью лѣвымъ глазомъ и съ обвязанною головою Хведько. Онъ хотѣлъ приподняться и при каждомъ усиліи стоналъ, ложился и откидывалъ голову назадъ.

— Да! Такъ это вотъ что! Хорошо „немного помяли"!— сказалъ становой.

— Какъ же это ты, старшина, такъ оставляешь?—Здѣсь безъ доктора нельзя. Этакъ, голубчики, вы меня подведете.— Тутъ нужно поразобраться.

— Я... Ваше Высокородіе, не бувъ саме у слободи, якъ воно тутъ скоилося—замялся старшина и самъ не думавшій, что побитый еще по сю пору находился въ такомъ положеніи...

— „Не бувъ". Нѣтъ, тутъ не тѣмъ пахнетъ!—сказалъ становой, выходя изъ хаты и направляясь къ тарантасу, на который уже не пригласилъ старшину.

Не скоро послѣ того, какъ уѣхали посѣтители, Машка пришла въ себя, перестала плакать и могла отвѣтить на вопросъ вошедшей къ ней вь избу сосѣдки—зачѣмъ пріѣзжали „началныкы"?

— Я й сама не знаю...

Становой только вечеромъ выѣхалъ изъ Андреевки послѣ того, какъ у него побывали фельдшеръ, котораго онъ подробно поразспросилъ о томъ, насколько опасно положеніе побитаго, староста и всѣ бойцы до пріѣхавшаго съ поисковъ лошади Тимохи Сугыбы. Всѣхъ онъ разспрашивалъ по-одиночкѣ и каждый, кромѣ фельдшера, выходилъ отъ него, какъ изъ бани, красный и на всѣ лады скребущій голову. Въ концѣ концовъ порѣшено было, что староста и Сугыба побываютъ еще въ воскресенье у него въ становой квартирѣ, въ Цапинкѣ.

Послѣ отъѣзда становаго фельдшеръ тоже раза три провѣдывалъ Хведька, ощупывалъ его, промывалъ на головѣ рану свинцовой примочкой и давалъ какіе-то порошки.

Однакоже, не смотря на лѣченіе фельдшера и чередовавшейся съ нимъ бабки, Хведько пролежалъ до Спасовки. Пришлось нанимать косаря скосить хлѣбъ и затѣмъ возчика, чтобы свозить и сложить его на огородѣ.

У Машки тоже лѣто пропало: ей нельзя было оставлять Хведька, пока онъ самъ не сталъ вставать и ходить. Провѣдывала ихъ не больше трехъ разъ Полька, занятая работой, да Мелашкѣ удалось на Ильинъ день, когда Машка ходила нанимать возчика, отъ Сохвы забѣжать къ больному. Онъ уже могъ вставать и, держа за руку гостью, уговаривалъ ее не плакать и „не журыться“. Сохва, какъ добрый геній, чисто по-родственному, какъ и чѣмъ могла, помогала Хведьку: она и знахарку приводила, и сама, какъ только можно было, прибѣгала къ нимъ, и указывала, кого нанять на уборку, и то того, то другого „прыдбаного“ приносила, и вишни помогла собрать и продать, и наконецъ поспособствовала Мелашкѣ провѣдать Хведька. При всемъ этомъ ея участіе важно было тѣмъ, что она не давала падать духомъ Хведьку, какъ то осунувшемуся, готовому потерять надежду на возстановленіе своего здоровья и на возможность хоть какъ-нибудь устроиться.

— Э! плюнь на все! Молысь Богу. Винъ, Мылосердный, якось-то дасть запомогу, видкиля й не думаешъ... Ще ты молодый человикъ, ще й нажывешся й безъ дила не будешъ... Мало чого не бувае... уговаривала добрая женщина..

Еще передъ Спасовкой на „*Палія саме*“ 27 іюля Хведько уже могъ пройти въ волостное правленіе, вызванный туда нарочно присланнымъ за нимъ десятникомъ. Тамъ писарь прочиталъ ему какую-то небольшую на видъ бумажку и сказалъ, чтобы онъ шелъ въ домъ Кучерки, гдѣ его будетъ спрашивать судебный слѣдователь. Значеніе этого „начальства“ Хведько узналъ еще въ тюрьмѣ и потому понялъ значеніе этого призыва. Но ему страннымъ показалось то, что писарь, оставшись нарочно съ нимъ однимъ въ волостномъ правленіи, сталъ его научать, какъ и что отвѣчать на вопросы слѣдователя.

— Ты прямо скажи, что былъ выпивши и надумался зайти къ Сугыбѣ потребовать свой долгъ, а что про кражу лошади ничего не знаешъ и вовсе не знакомъ ни съ Саенкомъ, ни съ Кленовымы. А про то, что было тутъ съ тобою въ волости, Боже сохрани ни слова!

Хведько такъ и сдѣлалъ: на вопросы слѣдователя отвѣчалъ коротко, слѣдователь даже и не записывалъ ничего, и только сказалъ—ступай.—

Дѣло въ томъ, что еще при дознаніи станового порѣшено было по возможности обойти нанесеніе побоевъ.

Больше никто Хведька не вызывалъ, такъ какъ „дѣло о крестьянинѣ Федорѣ Самченковѣ, подозрѣваемомъ въ соучастіи въ совершеніи похищенія со взломомъ лошади", было направлено слѣдователемъ къ прекращенію.

XIX.

Прошла Спасовка, силы Хведька шибко возстановлялись: отъ раны на головѣ остался только небольшой шрамъ, на лицѣ не стало синяковъ и кровоподтековъ, про ребра же ни онъ, ни знахарка не могли уже съ достовѣрностью сказать, цѣлы ли онѣ, или поломаны. Осталась только блѣдность въ лицѣ, все больше и больше опушающемся бородою и усами.

Съ возстановленіемъ здоровья и силъ у него появились опять стремленія какъ-нибудь да устроиться, обзавестись хозяйствомъ и... страстное желаніе повидаться съ Мелашкой. Послѣднее много превышало первое. Онъ, кажется, отказался бы отъ всѣхъ благъ, лишь бы только хоть на часокъ повидаться съ нею, обнять ее... Чуть закрывалъ онъ глаза, какъ образъ ея такъ и вставалъ передъ нимъ, возстановлялся до мельчайшихъ подробностей... Душа его рвалась къ ней, онъ постоянно думалъ о ней, страстно ждалъ случая возможности свиданія. Инстинктъ молодого сильнаго самца игралъ не малую роль въ этихъ стремленіяхъ.

Слобода позолотѣла стожками хлѣба, кой-гдѣ слышался лопотъ молотьбы; за темною зеленью садковъ и картофельной ботвы на огородахъ къ рѣчкѣ свѣтлѣли гряды капусты, зажелтѣли оранжевые цвѣты „*гвоздыкивъ*"; тыквы, какъ каменные валуны, виднѣлись тамъ и сямъ, торчали высокіе стебли съ кругами подсолнуха; бѣлесоватые мѣстные арбузы появились на пол-

кахъ сельскихъ лавочекъ и цѣлыми возами по праздничнымъ днямъ около церкви—однимъ словомъ, сезонъ сельскаго изобилія насталъ въ полномъ разгарѣ. Многіе уже посѣяли озимину. Начинаются осеннія ярмарки, храмовые праздники, а дальше и свадьбы.

У Самченковыхъ на фонѣ темной зелени садка виднѣется небольшой стожокъ—всего $4^1/_2$ копы жита. Приходится его молотить, такъ какъ вотъ-вотъ скоро не станетъ того небольшого запаса, какой у нихъ имѣлся, припасенный еще покойною матерью. Хведько уже смастерилъ себѣ цѣпъ, употребивъ на „*капыци*“ (кожаныя или сыромятныя петли, которыми прикрѣпляется одна часть цѣпа—*бычъ*, къ другой—*ципылно*) найденные въ коморѣ заскорузлые кусочки кожи, и уже практиковался молотить у Сохвы. Оказалась эта работа не тяжелою, но требующей навыка и сноровки. Нужно бить такъ, чтобы „*бычъ*“—короткая часть цѣпа ударяла по снопамъ всей своей длиной, и затѣмъ—чтобы при подъемѣ „*бычъ*“ только отлеталъ вверхъ, а не закидался назадъ, при чемъ очень легко самому себя задѣть по головѣ. Сохва и Машка кой-какъ научили Хведька владѣть этимъ нехитрымъ орудіемъ. Молотили они коноплю „*матирку*“, собранныя Сохвою на ея пайкѣ „пидмети“. Онѣ смѣялись надъ нимъ, показывали ему, какъ бить, какъ отхватывать цѣпъ; сосѣдка, смотрѣвшая черезъ плетень, тоже со смѣхомъ говорила, чтобы не учили его, а пусть „набье соби гулю на лоби“, тогда и самъ научится. По улицѣ безпрестанно проѣзжали, поскрипывая, нагруженные снопами возы и торохтѣли ѣдущія порожнія телѣги.

Сосѣдка первая замѣтила, что около хаты Самченковыхъ кто-то остановился и входилъ во дворъ, и сказала объ этомъ Хведьку. Пока онъ вышелъ на улицу, заѣхавшій уже велъ лошадь свою отъ воротъ, и въ немъ Хведько узналъ Йосыпа.

— Де бъ тутъ воды попрохать напыться?—спросилъ Йосыпъ, какъ бы впервые увидавъ совершенно ему незнакомаго Хведька, и пошелъ во дворъ той же сосѣдки Сохвы. Хведько понялъ эту манеру и спокойно смотрѣлъ на „справный“ возъ

и добрую запряженную въ него лошадь. Очевидно, Иосыпъ не за снопами ѣхалъ, а откуда-то издалека: у передка виднѣлась конская цѣпь и къ *„пидтокамъ“* воза была привязана мазница. Сосѣдка подала кухоль воды и поклонилась. Йосыпъ снялъ картузъ, перекрестился и, напившись, поблагодарилъ. Когда сосѣдка пошла съ кухлемъ въ избу, онъ, оправляя лошадь и смотря въ сторону, сказалъ:

— Прыходь ничью до Стрибуля. Свыснешъ у вышняхъ... и сейчасъ же сѣлъ и поѣхалъ, оставляя въ полномъ недоумѣніи Хведька.

Домолотили до вечера и у Сохвы же повечеряли борщомъ съ саломъ и кашей, а послѣ съѣли два небольшихъ не совсѣмъ спѣлыхъ кавуна. Помогли собранное въ лантухъ вымолоченное, но еще не провѣянное, конопляное сѣмя внесть въ комору и отправились домой.

Машку на улицѣ задержали какія-то ея подруги дивчата, а Хведько пошелъ самъ раздумывая, какъ быть съ этимъ приглашеніемъ Йосыпа.

Онъ хорошо понималъ, что затѣвается опять что-то недоброе и ему не хотѣлось принимать въ этомъ участіе; съ другой стороны, ему хотѣлось повидать Йосыпа и почему-то думалось, что тамъ и Шляховой. Какъ бы ни было, а никто изъ посторонних, кромѣ Сохвы, не явилъ такого участія къ нему во время его невзгодъ, только они передали ему деньги, десять рублей, тогда какъ онъ былъ безнадеженъ. Да при томъ и у Стрибуля онъ можетъ только повидаться съ ними и тамъ же отказаться отъ предложеній, если бы они были того же пошиба.

Раздумывая такъ, онъ вошелъ на крыльцо своей хаты и хотѣлъ посидѣть, подождать Машки. На скамейкѣ лежала какая-то одежа; онъ, не разсматривая, скомкалъ ее вмѣсто подушки и прилегъ на лавкѣ. Машка нашла ключъ и пошла въ избу, откуда немного погодя вынесла рядно и подушку для Хведька, спавшаго постоянно на крыльцѣ. Онъ сказалъ, что ему ничего не нужно, и вынесенную постель приказалъ убрать въ хату, добавивъ:

— Засунься.—

Машка поняла, что онъ, какъ парубокъ, не будетъ ночевать дома.

Долго не успокаивалась жизнь по селу: скрипѣли возы со снопами, перекликались голоса, кой-гдѣ побрехивали собаки, высоко гдѣ-то просвистѣли крыльями утки. Хведько все лежалъ и думалъ про назначенное свиданіе, даже обычныя мысли о Мелашкѣ не приходили ему въ голову на этотъ разъ. Отлежавъ бокъ на твердой лавкѣ, онъ захотѣлъ перемоститься и, взявъ бывшую подъ головами одежу, нащупалъ въ ней, вмѣсто обыкновеннаго сукна, какую-то мягкую матерію. Сталъ еще щупать, осматривать—оказалось, что это была не обыкновенная крестьянская одежа, а почти новый *чесанаго* лавочнаго сукна халатъ на подкладкѣ изъ какой-то мягкой матеріи. Ни у нихъ въ домѣ, ни у кого изъ сосѣдей ничего подобнаго и быть не могло.

Какъ огорошенный сидѣлъ онъ на лавкѣ, держась за эту непонятную находку. Припомнилось ему, наконецъ, что Йосыпъ чего-то заходилъ въ ихъ дворъ, что, какъ лошадь, такъ и вся запряжка, видѣнная имъ, не подходила подъ общій видъ крестьянскихъ приспособленій, и онъ понялъ, что Йосыпъ прихватилъ гдѣ-то эту лошадь со всѣмъ, что было при ней, а вотъ эту часть добычи оставилъ у него съ цѣлью, чтобы онъ припряталъ или чтобы больше заставить его явиться на условленное свиданіе. Во всемъ этомъ его убѣждало еще и то, что Йосыпъ ѣхалъ черезъ Красноселовку съ той стороны, откуда нѣтъ обыкновеннаго проѣзда.

Сообразивъ все это, Хведько схватилъ халатъ, припряталъ его подъ стрѣху коморы и, вытащивъ изъ-подъ повѣта давно торчавшій тамъ кіёкъ, пошелъ со двора.

Одиннадцать пробило на колокольнѣ, когда онъ разувался и раздѣвался около бродка. Воды было по случаю усиленнаго помола на Богатыревой мельницѣ не много, но она была уже холодна. Перебрелъ онъ рѣку, обулся и пошелъ огородами, стараясь попасть въ садъ Стрибуля. Это было не трудно, потому

что садъ этотъ былъ крайній въ слободѣ. Остановившись въ садку, Хведько передохнулъ и прислушался. Было тихо, и только гдѣ-то по большой дорогѣ слышался грохотъ проѣхавшаго обоза. Онъ потихоньку свистнулъ. Отвѣта не было. Подождавъ немного, онъ заложилъ въ ротъ два пальца и свистнулъ, что называется, во всю мочь, такъ что даже самъ испугался и присѣлъ въ густомъ вишнякѣ. Черезъ нѣсколько минутъ кто-то кашлянулъ въ сторонѣ двора и затѣмъ направился къ вишняку. Хведько узналъ Шляхового и вышелъ изъ чащи. Тотъ только сказалъ:

— Ходимъ—и повелъ его во дворъ, а послѣ и въ домъ Стрибуля черезъ задній ходъ. Снаружи не видно было огня, но задняя комната была освѣщена. Тамъ, кромѣ хозяина, былъ еще какой-то неизвѣстный рябоватый москаль. На Хведька и Шляхового никто и не обратилъ какъ будто бы вниманія. Стрибуль отсчиталъ москалю какія-то деньги, при чемъ послѣдній чего-то сердился.

— Оце дывысь, та добре доглядайся на цього, щобъ не забувъ, якый винъ есть—сказалъ вполголоса Шляховой Хведьку.—

Считавшіеся покончили свое дѣло и повернулись къ вошедшимъ.

— Ну, отъ тоби той, що я казавъ, парняга зъ Царевщыны!—сказалъ Шляховой обращаясь къ москалю и, сжавъ за локоть, добавилъ:

— Зватымешъ його Мыкытою...

Рекомендуемый понялъ, что его нарочно переименовалъ рекомендующій.

-- Мнѣ все равно: Никита, такъ и Никита--лишь бы дѣло пашло.

— Дило пайдёть, абы ты тилько бувъ справный, та щобъ не ошыбся, бувае..

— Чего тамъ ошибся.—Не ошибались по сю пору, а тамъ, что Богъ дастъ... Ну, теперь поднеси, хозяинъ, да и въ путь дорогу. Телѣгу-то получше припрячьте.. а мерина мы ужъ спровадили, теперь небойсь ужъ въ рукахъ.

Стрибуль взялъ въ шкафикѣ бутылку и, наливъ большой шкаличный стаканъ водки, подалъ москалю, который, честь честью перекрестившись и кивнувъ въ сторону присутствующихъ головою, выпилъ ее залпомъ и сейчасъ же вышелъ, провожаемый самимъ хозяиномъ.

Возвратившійся въ „кимнату" Стрибуль спросилъ какъ бы не хотя:

— Шо жъ, выпьете по одній?

— Та давай... Выпыть тай гайда—отвѣтилъ Шляховой и, выпивъ, тотъ же стаканъ водки поднесъ Хведьку, послѣ чего они вышли отъ Стрибуля.

— Теперь тоби можно йты прямо черезъ Богатыреву греблю—сказалъ Шляховой, когда они прошли рядъ хатъ и вышли на небольшой пустырь, гдѣ виднѣлись общественные магазины. Хведько шелъ молча и передумывалъ видѣнное и слышанное.

Шляховой остановился и вполголоса сказалъ:

— Шожъ, гроши справывъ?

— Ни.

— Гмъ! Ты отъ що: оце у насъ на тимъ тыжни буде писного Ивана Головосика,—у городи ярмарокъ. Ты роздобудь хоть трохы грошенятъ—ну рубливъ десятку, а то хоть и 6—8, тилько такъ, щобъ хто-небудь знавъ про ци гроши. Попробуй, може й той оддасть—а у ярмарку хоть поганеньку шкапу добудемо. Небезпреминно добудемо. Тебе треба справыть—щобъ у тебе була коняка—воза добудешъ якъ-небудь—збрую... Ты тилько держыся насъ, и все гараздъ буде. Грошей добудь. Якъ що таке, позычъ у кого хоть на мисяць—а тамъ ужъ наше дило. Тамъ на ярмарку на конній мене знайдешъ. А теперъ ходимъ, проведу тебе до вулычкы побиля заводу, тамъ и розійдемось.

— Ага! Ще отъ що: отту одежу, що тоби сёгодни прыкынуто, ты у мишку вынесы у ярмарокъ; тамъ скажу, куды іи дивать. Ходимъ...

— Постій, дядьку! Я отъ-що хочу сказать: мени, чуете, не хочется у ти дила встрявать.—Ото, бачъ, тоди у лисъ водывъ, а то зновъ зъ Йосыпомъ... Мени, бачъ, якъ воно вкоилося!.. сталъ говорить Хведько.

— Гмъ! отъ таке! Гмъ! Це давай я тебе проведу ще— сказалъ Шляховой и они пошли по улицѣ, а послѣ по дорожкѣ около завода. Съ одной стороны тянулась каменная ограда завода, съ другой выходили ряды какихъ-то построекъ крайняго крестьянскаго двора, а послѣ плетень огорода. Такъ дошли они до мостика, перешедши который, сошли на лугъ, гдѣ теперь не слышно было лѣтняго свисту, чириканья птичекъ и обычнаго кваканья лягушекъ. Только шумѣли верхушки старыхъ вербъ, да отчетливо доносился грохотъ Богатыревой мельницы, да шумъ воды на лотокахъ.

Шляховой остановилъ за рукавъ одежи Хведька и сталъ говорить:

— Слухай сюды! Бояться тоби ничого, бо усього, що навику трапытся, не убоисся. Ото батько твій, де вмалывъ соби вику?—на роботи.—Хиба мало нашого брата такъ пропадае? Умирать разъ, а не два, и ты не знаешъ, де тебе твое спиткае. А такъ по добру не проживешъ. А же о то за вищо укуталы тебе у тюрягу? За те, що кабаччыкъ узявъ за бутылку водкы рублывъ на два товару... А оцей твій сватъ, що твои гроши не оддае—хиба не чуже зайидае? А уси воны купци, щетынныкы, прасолы... Шо думаешъ, по правди живуть?—Усяке норовыть зъ другого пожывыться... А оце тоби дается у рукы. дило, такъ ты й не отказуйся. Отто знаешъ Вовка, що трахтырь у нього: чымъ забогативъ, зъ чого хазяиномъ ставъ?. А Стрибуль? А Обрывокъ у Залымани?... Похвортуныло, отъ и хазяины... И въ церкви попереду усихъ становляться, и усяка честь имъ. А такъ, парень, пропадешъ, вороны заклюють. Треба розумомъ жыть. Такъ не проживешъ. Одуры другого, а ни, такъ винъ тебе одурыть. Ты ще свита не выдавъ. Подывысь у Шереметивци, у Залымани... тамъ, братъ, наши хахлы тижъ купци—паны.. Ступай, парень, не рано вже. Та робы такъ, якъ я кажу...

Долго стоялъ Хведько на мѣстѣ и передумывалъ сказанное ему. Небо заволоклось тучами, сильнѣе шумѣли вербы. Послышались голоса на мельницѣ, очевидно помольщики просыпались. Онъ пошелъ прямо по дорогѣ. Дѣйствительно, на мельницѣ было завозно: было много возовъ, шевелились люди. Когда онъ вошелъ въ свой дворъ, уже стало свѣтать и пошелъ дождь. Онъ только постучалъ и, вошедши въ отпертыя сѣни, завалился спать.

XX.

Уже Машка вытопила въ печи и усаживалась за какую-то починку, когда проснулся Хведько. Не переставалъ идти дождь, что называется обложной; небо заволоклось сплошною сѣрою тучею, а вскакивающія на лужинахъ дождевыя шляпки пророчили продолжительность слякоти. Постоялъ Хведько на крыльцѣ, взялъ заступъ и прочистилъ протокъ воды около хаты. Работы по селу остановились, нельзя было ни возить, ни молотить. Намоклые люди возвращались на такихъ же мокрыхъ телѣгахъ и лошадяхъ ко дворамъ. У Хведька имѣлась кой-какая сапожная работа, и онъ принялся „*шевцювать*“, устроившись въ сѣняхъ около вынесенной туда небольшой лавки. Прибѣгала къ нимъ босая, подтыканная, съ какою-то „*куцыною*“ на головѣ Сохва, поговорила о хлопотахъ съ уборкою коноплель и пошла домой, обѣщая надойти къ нимъ съ работой. Пришли двое недалекихъ сосѣдей съ просьбою починить обувь и расположились тутъ же въ сѣняхъ посидѣть, поговорить на досугѣ, пока Хведько пришьетъ оторвавшійся подметокъ къ сапогу одного и латку къ башмакамъ другого.

Одинъ изъ этихъ заказчиковъ разсказалъ, что вчера на Бемовкѣ какой-то прасолъ нанималъ лошадей догонять украденную у него по Лосневской дорогѣ лошадь съ телѣгой и коекакой „*худобой*“, бывшей на возу. Онъ, этотъ прасолъ, по словамъ разсказчика, отвязавъ отъ воза ведро, спустился въ балку

къ Терещенковому колодезю набрать воды, но пока вернулся, кто-то угналъ лошадь. Слѣдъ шелъ до Лаптевого кардона по жнивьямъ прямо, а тамъ и затерялся. Кто-то видѣлъ послѣ похожую лошадь и телѣгу на Бемовкѣ по пути на Залиманъ, и вотъ онъ туда нанималъ подводу.

Хведько, работая шиломъ и дратвою, мрачно выслушалъ этотъ разсказъ и понялъ, что это былъ не кто иной, какъ Йосыпъ, и что лошадь пошла черезъ руки видѣннаго имъ у Стрибуля москаля на Битюгъ, т. е. не въ ходъ, а по обратному направленію того пути, откуда ѣхалъ прасолъ.

На смѣну ушедшихъ заказчиковъ, въ то время, когда Хведько усаживался обѣдать, пришла Сохва съ какой-то работой.

— Чеше, не перестае!—сказала она, сбрасывая въ сѣняхъ съ головы мокрую „одежыну"—Хлибъ та силь!—добавила она, переступая порогъ хаты.

— Мылосты просымо!—отвѣчали ей одновременно и Хведько, и Машка.

— Та я такы ничого й не варыла—полинувалася: сьогодня въ мене усе одно дижа учынена икъ вечеру, такъ, думаю соби, чого-небудь и зварю на вечерю, а такъ самій щось не хочется—объяснила вошедшая.

— Такъ ще й лучше. Сидай зъ намы! Сидай оттутъ!—приглашалъ ее Хведько, отодвигаясь дальше къ *„покутю"* за столъ. Машка подала ложку.

— Такъ що жъ—сидать, такъ и сидать; посунься ще, я якъ княгыня на посади побиля тебе сяду—сказала, смѣясь, Сохва и безцеремонно усѣлась за нероскошный обѣдъ, состоящій изъ борщу, „затовченого" саломъ, и крутой пшенной каши.

Въ разговорѣ, начавшемся во время обѣда еще, они втроемъ обсуждали вопросъ о добытіи денегъ у Сугыбы, и порѣшено было, что, когда прійдетъ въ воскресенье Полька, которой нужно объ этомъ переказать, то Машка съ ней пойдутъ вмѣстѣ *„правыть грошы"*.

Къ вечеру выпогодилось немного, и за ночь жадная земля такъ впитала влагу, что Сохва съ Хведькомъ отправились на Бемовку на базаръ.

Вчерашній дождь сдѣлалъ то, что базаръ противъ обыкновенія былъ люднѣе, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ рабочую пору. Возовица пріостановилась по крайней мѣрѣ до обѣда, пока намокшіе снопы обсушатся вѣтромъ, „*протряхнуть*“, и въ свободное утро можно было сбѣгать кой за чѣмъ на базаръ.

Подымаясь около кузницы съ луга на Бемовку, идущая рядомъ Сохва указала Хведьку на группу женщинъ, идущихъ впереди ихъ, между которыми виднѣлась стройная фигура Мелашки.

— Ты жъ оце пійдешъ куповать ременю, а мени де-чого у крамаривъ треба, такъ гляды не завійся де-небудь. Якъ управышся, такъ мене знайдешъ помижъ крамамы, онъ тамъ, де саме онъ та била таша напьята—сказала Сохва, когда они уже вошли въ базаръ.

Хведько направился прямо къ возамъ, гдѣ торговали кожевники, и сталъ выбирать какіе-то „*переды*“ и „*полувалг*“, присѣвъ на корточки около разложеннаго на рогожѣ товару. Ему нужно было выбрать „ременю“ на головки къ старымъ, но еще крѣпкимъ „халявамъ“, какъ себѣ, такъ и Машкѣ. Выбравъ, что нужно, онъ приподнялся и сталъ торговаться съ продавцемъ—старымъ сѣдымъ кожевникомъ, и въ это самое время его глаза встрѣтились съ глазамы Сугыбы, Тимохи, тутъ же рядомъ расположившагося съ своимъ товаромъ. Неожиданная эта встрѣча ужасно взволновала его: какъ бы полымямъ сразу зажглись глаза его, и онъ почувствовалъ то знакомое ему чувство озлобленія и ярости, какое онъ испытывалъ еще на ярмаркѣ, правивши свои деньги съ этого рыжаго торгаша. Настолько блеснули глаза, что даже тертый калачъ Сугыба почувствовалъ себя неловко и сейчасъ же отвернулся отъ него. Онъ не могъ торговаться и, отдавъ, сколько съ него запросилъ торговецъ за „*переды*“ и пару подошвъ для Машки—себѣ, ничего не купивъ, пошелъ изъ этого ряда.

Проходя дальше, онъ около одного воза увидѣлъ Шкавра, о чемъ-то разговаривающаго съ двумя какими-то человѣками, но какъ онъ ни смотрѣлъ на него, тотъ не узнавалъ его.

Купивъ еще въ лавкѣ Лапаса *„вару, гвоздивъ“* и три шила, Хведько направился къ условленному мѣсту встрѣчи съ Сохвою въ крамарскій рядъ.

Хотя рядъ-то этотъ и составляли пять наметовъ торговцевъ краснымъ товаромъ и двѣ лавочки мелочной галантерейной торговли, тѣмъ не менѣе тамъ была цѣлая толпа бабъ, молодыцъ и дивчатъ, дорвавшихся, наконецъ, за всю страдную пору къ своему товару: *„Одна купуе, а десять торгують“*— поговорка наиболѣе подходящая къ настоящему *„натовпу“*. Выбирали, примѣряли, торговались и такъ себѣ между собою бесѣдовали женщины.

Какъ разъ при началѣ этого ряда стояла въ числѣ прочихъ Сохва и Мелашка. Онѣ о чемъ-то тихо разговаривали. Послѣдняя только метнула глазами на приближавшагося Хведька и, опустивъ свои длинныя вѣки, сильно покраснѣла; онъ же остановился и ожидалъ Сохву, которая очевидно что-то досказывала.

— Ну, що жъ, справывся? Отъ и я заразъ—сказала Сохва, увидавъ Хведька, и, еще что-то сказавъ Мелашкѣ, пошла въ рядъ *седухъ*, гдѣ между прочимъ продавались астраханскія селедки—*бешенки*.

— Давай оце по однiй бешонци купымо, та хоть трохы кавунивъ, а то сьогодни ни въ васъ, ни въ мене ничого йисты.. Якъ що важко буде, такъ до кого-небудь впросымося на визъ.—

Но Хведько взялся донесть все купленное.

Встрѣча съ Сугыбою и съ Мелашкою взволновали его, и въ первый разъ въ жизни у него появилось самостоятельное желаніе выпить. Но онъ не зналъ, какъ это сдѣлать, а совѣстился спросить объ этомъ Сохву.

Такъ и пошли они къ базару, нагруженные покупками; но только что вышли на дорогу, какъ изъ-за грохота колесъ послышался чей-то знакомый голосъ:

— А! Хведько! Слыхомъ слыхать, у вичи выдать! Отъ, братець ты мой, и не думавъ!—Это былъ Цюпа, ѣхавшій на хорошей цѣнной лошади, запряженной въ тарантасъ...

— Подходь, братець! Подвезу ажъ до заводу.—Подошли къ тарантасу и разговорились. Оказалось, что Цюпа служитъ работникомъ у одного изъ арендаторовъ, а теперь, заведши своего хозяина въ экономическую контору „до Карла“, ѣдетъ домой на Андреевку взять кой-что изъ дому и берется подвезти и Сохву, и Хведька съ ихъ покупками до завода и даже на Красноселовку.

— А може, братець ты мой, почастуешъ?—сказалъ Цюпа, указывая на тутъ же надъ дорогою стоявшій кабачекъ.— Хведько не смѣло глянулъ на Сохву.

— Що жъ, идить, я постою тутъ,—сказала она—Та и довго тамъ!—добавила.

Вошедши въ кабакъ, знакомцы, во исполненіе послѣдняго наказа Сохвы, выпили сразу по шкалику и въ краткомъ разговорѣ освѣдомились о дѣлахъ другъ друга, и Цюпа успѣлъ скрутить и закурить цыгарку. Водка еще больше возбудила Хведька, Цюпа собою припомнилъ ему прошлую весну, первую пору его любви, его *„обиду“*, и онъ спросилъ:

— Шо жъ, купышъ и ты? но когда Цюпа сказалъ, что у него и есть только одинъ рубль, который онъ долженъ отдать матери, то Хведько потребовалъ „косушку“ и вдругъ пожелалъ непремѣнно угостить и Сохву. Такъ какъ послѣдней нельзя было отойти отъ лошади, то Цюпа подъѣхалъ къ самому кабаку и привозжалъ лошадь къ плетню. Какъ ни отговаривалась Сохва, а въ концѣ концовъ должна была выпить вынесенную ей рюмку водки и разрѣшить пріятелямъ *„повыдаться“*. Роспитая по рюмкѣ косушка разобрала еще больше друзей, и они потребовали еще. Цюпа между прочимъ въ разговорѣ намекнулъ не совсѣмъ скромно на отношенія къ Сохвѣ.

— Тю дурный! Вона для мене не то що якъ небудь, а якъ ридна маты. Це така людына, що я безъ неи пропавъ бы— отъ що!—возразилъ Хведько, и ему захотѣлось опять во что бы

то ни стало еще поподчивать Сохву, но она ни за что не захотѣла идти въ кабакъ и только на умильныя просьбы пьяныхъ уже совершенно парней выпила еще рюмку, но поставила условіемъ сейчасъ же ѣхать.

Цюпа, усадивъ Сохву и Хведька въ тарантасъ, самъ сѣлъ на передокъ и крупною рысью погналъ лошадь.

Хведьку хотѣлось пѣть и въ то-же время плакать, но онъ только моталъ отяжелѣвшею головою и взмахивалъ рукой. На поворотѣ на плотину они обогнали идущую въ числѣ прочихъ женщинъ Мелашку, но не увидалъ ее Хведько своими посоловѣвшими глазами, а Сохва, видя такое его опьяненіе, не указала ее.

На плотинѣ народу было мало, потому что всѣ пѣшеходы ходили на базаръ черезъ лугъ, а такъ какъ съ утра всѣ лошади и волы были еще на пастбищѣ, то почти всѣ базаряне были пѣшіе. Пьяный совершенно Хведько пробовалъ затянуть пѣсню, но дѣло какъ-то не ладилось, а все ограничилось лишь восклицками. Цюпа не захотѣлъ сидѣть на передку и ввалился въ середину тарантаса, при чемъ нескромно сталъ себя держать съ Сохвой, но та оттолкнула его руку и только сказала:

— Сивъ, такъ сыды, а то я й злизу.

Когда они доѣхали до послѣдняго моста, то Сохва, не смотря на предложенія Цюпы довезть ихъ *„до двора“*, не пожелала въ такой компаніи показываться на своей улицѣ и, взявъ съ собою большую часть поши и Хведька, отправилась пѣшкомъ на Красноселовку, а Цюпа, загикавъ на лошадь, укатилъ на село.

Они все-таки опередили многихъ возвращающихся съ базара и потому успѣли, мало кѣмъ замѣченные, прійти къ ней въ хату.

Мрачный, съ повисшею головою, сидѣлъ Хведько въ хатѣ на лавкѣ, пока Сохва прибиралась съ покупками и смѣняла головной уборъ.

— Ну що жъ, чуманіешъ, чмеливъ слухаешъ?—сказала она Хведьку, подошедши къ нему.

— Иды до дому, та выспысь, бачъ якъ нарюхався!

Но Хведько обнялъ ее и, прижавшись къ ея груди головою, вдругъ заплакалъ.

— Ну, чого?. Ичъ якъ вона (водка) стала вылываться! Буде, чого ты? Оце побачывъ, тай жалько стало? Буде!—успокаивала его добрая женщина, но онъ не унимался.

— Буде, иды отъ умыйся, такъ може й справди, ляжъ оть тутъ у мене въ валькири—уговаривала, гладя по головѣ парня и мимовольно какъ-то вздрагивая, сказала Сохва и розняла хватавшія ее руки.

Въ это время послышались чьи-то шаги на крыльцѣ, и въ отпертыя двери въ сѣняхъ появилась Машка.

— Хряпчиха сказала, що вже вы вернулись зъ базарю—пидождала, тай пишла. Може що донесты?—бормотала она, видимо сконфуженная мелькнувшею ей на одинъ мигъ сценою объятій.

— Вернулысь то вернулысь, та бачъ яки!... сразу оправившаяся сказала Сохва.

Машка замѣтила, что братъ ея былъ пьянъ, и опьяненію приписала красноту лица и заплаканныхъ глазъ и молча участливо смотрѣла на него.

— Ну, отъ що! Якъ що таке, такъ давайте трохы пидъобидаемо, та де що й поробыть треба, а то завтра, може, якъ що провитріе, домолочувать цихъ трохы конопель.

Хведько свалился тутъ же на лавкѣ и заснулъ. Сохва, подмостивъ ему какую-то „*одежыну*“ подъ голову, порѣшила идти „*пидъобидать*“ къ нимъ въ домъ, заперевъ свою хату.

— А то, бувае, хто увійде, такъ побачуть його такого—высказала она свои соображенія.

Когда она послѣ скромнаго обѣда, состоявшаго изъ селедки и кавуна, пришла къ себѣ, то Хведько крѣпко спалъ, раскидавшись на широкой лавкѣ.

Вошедши въ хату, молодица постояла надъ нимъ и, встряхнувъ головою, какъ бы отгоняя какія-то думы, взяла работу и усѣлась шить въ сѣняхъ, затворивъ „*хатни*“ двери.

Но не спорилась работа въ ея рукахъ, неотвязныя думы мѣшали ей; какое-то новое чувство стало зарождаться въ ея душѣ. Кончилось тѣмъ, что она оставила шитье и, накинувъ на себя платокъ, пошла къ недалекой сосѣдкѣ, Могрицкой, добыть хоть немного водки, чтобы опохмѣлить Хведька, когда онъ встанетъ.

Б. Познанскій.

(Продолженіе будетъ).

Къ памятникамъ недавней старины въ г. Козельцѣ.

Для любителя церковной архитектуры и живописи соборъ въ память Успенія Пресвятой Богородицы въ г. Козельцѣ, черниговской губерніи, представляетъ нѣчто такое, чего, пожалуй, не увидишь въ извѣстныхъ въ этомъ отношеніи петербургскихъ и московскихъ соборахъ и храмахъ вообще.

Козелецкій соборъ построенъ въ серединѣ прошлаго столѣтія на средства всесильнаго въ то время графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, уроженца с. Лемешова, козелецкаго уѣзда (8 верстъ отъ города), при ближайшемъ участіи небезъизвѣстнаго священника Тарловскаго Кирилла Николаевича, уроженца г. Козельца, слывущаго болѣе подъ именемъ „Дикаго попа“. Строителемъ собора былъ знаменитый архитекторъ того времени Растрелли. Относительно постройки собора среди мѣстныхъ жителей сохранилось преданіе, что постройка эта была вызвана иконостасомъ, который будто-бы былъ заказанъ въ Италіи для дворцовой церкви въ Петербургѣ. По доставкѣ иконостаса на мѣсто, было усмотрѣно, что размѣръ его значительно больше требуемаго. Въ это время у графа Разумовскаго созрѣла мысль о постройкѣ собора въ Козельцѣ. Императрица Елисавета Петровна рѣшила пожертвовать этотъ иконостасъ для будущаго собора. Вотъ тогда-то и было поручено архитектору Растрелли соотвѣтственно размѣрамъ и величію иконостаса составить проектъ собора. Въ скоромъ времени

соборъ былъ построенъ. Изумленному взору простоватыхъ обывателей града Козельца предстало въ видѣ собора такое диво, что всѣ просто ахнули и единогласно рѣшили, что не только въ Черниговѣ, но даже въ самомъ Кіевѣ нѣтъ такого собора.

Какъ бы то ни было, но соборъ и по нынѣ, какъ по внѣшнему, такъ и по внутреннему виду, производитъ на свѣжаго зрителя положительно чарующее впечатлѣніе. Это—великолѣпное громадное, о двухъ этажахъ, зданіе, почти круглой формы, увѣнчанное пятью главами. Средній куполъ значительно больше остальныхъ и выше; маковка его вызолочена. Съ южной, сѣверной и западной сторонъ къ нему примыкаютъ изящной архитектуры притворы, увѣнчанные каждый конусообразной крышей. По наружнымъ стѣнамъ собора, около оконъ въ особенности, разбросаны причудливой формы лѣпныя украшенія, то въ видѣ листьевъ и гирляндъ изъ цвѣтовъ, то фигуръ изъ прямыхъ линій самыхъ разнообразныхъ рисунковъ. Колокольня по внѣшнему виду еще красивѣе и изящнѣе; всѣ выступы ея заполнены колоннами. Колокольня со шпилемъ достигаетъ до 36 саженей, трехъ-ярусная.

Нижній этажъ собора выдается надъ землей не болѣе полуторы сажени и столько же въ землѣ. Въ этомъ этажѣ находится церковь во имя свв. Адріана и Наталіи и затѣмъ четыре боковыхъ камеры. Въ камерѣ, прилегающей къ сѣверной стѣнѣ алтаря церкви, находится гробница матери графа А. Г. Разумовскаго, Наталіи. Гробница представляетъ изъ себя подобіе громаднаго кирпичнаго гроба, аршинъ 5 въ длину и аршина $2^1/_2$ въ ширину, отштукатуреннаго и побѣленнаго известью. На стѣнѣ, въ ногахъ гробницы, прибита икона съ изображеніемъ свв. Адріана и Наталіи. Никакихъ надписей и другихъ изображеній въ этой камерѣ нѣтъ. Въ камерѣ на лѣво отъ южнаго входа находится также кирпичная гробница, кладенная въ одинъ кирпичъ, только далеко меньшихъ размѣровъ, именно 3 на 1,5 арш. Отъ времени и плохой кладки кирпича и штукатурки—послѣдняя потрескалась и пообвалилась; между кирпичами на верху гробницы образовались щели; въ самомъ

же низу на горизонтѣ пола выбито нѣсколько кирпичей, такъ что совершенно свободно можно просунуть въ склепъ руку и убѣдиться, что гробъ прямо поставленъ на полъ; доски гроба совершенно истлѣли и разсыпаются въ рукахъ; изъ отверстія же торчали куски полуистлѣвшей шелковой съ узорами матеріи. Говорятъ, что въ этомъ склепѣ лежатъ бренные остатки свящ. Гуляницкаго, бывшаго настоятеля этого собора, дѣда недавно умершаго священника Слободской-Никольской церкви Семена Гуляницкаго. Нѣкоторые утверждаютъ, что не дѣдъ, а отецъ... Остальныя двѣ камеры пусты. Полъ всего нижняго этажа вымощенъ кирпичемъ; въ самой же церкви свв. Адріана и Наталіи на кирпичъ положенъ деревянный полъ.

Ужъ слишкомъ непривѣтливой и угрюмой представляется для посѣтителя эта церковь: низкіе своды, полуночный сумракъ, сырость, пустота—производятъ подавляющее впечатлѣніе. А между тѣмъ здѣсь находится, такъ говорятъ по крайней мѣрѣ, довольно интересный памятникъ прошлаго столѣтія въ видѣ иконостаса. Говорятъ, что этотъ иконостасъ перенесенъ сюда изъ дворцовой домовой церкви графа А. Г. Разумовскаго; самый же дворецъ стоялъ на лѣвомъ берегу Остра противъ города; въ этомъ дворцѣ, построенномъ исключительно для императрицы Елисаветы Петровны во время ея путешествія по Россіи, какъ гласитъ преданіе, она, т. е. императрица, соблюдая строгую тайну, сочеталась бракомъ съ графомъ А. Г. Разумовскимъ; обрядъ вѣнчанія совершалъ о. Кириллъ Тарловскій. Говорятъ далѣе, что будто-бы этотъ иконостасъ поражалъ взоры своимъ изяществомъ и живописью иконъ. Къ сожалѣнію, отъ этого иконостаса остался только одинъ остовъ: ни украшеній, ни красокъ, ни лѣпной работы, ни, тѣмъ болѣе, изображеній на иконахъ—ничего не осталось отъ этого: плохо содержимое помѣщеніе, сырость, полумракъ и т. п. положили свою печать,—все пришло въ ветхость и безвременно навсегда исчезло.

Въ алтарѣ, кромѣ престола и жертвенника, ничего нѣтъ, если не считать напрестольнаго креста, одиноко и сиротливо

стоящаго на престолѣ. Крестъ имѣетъ въ высоту футъ и сдѣланъ изъ олова. Внутри полушаровидной полой подставки нацарапано: „ꙗ раба Божїѧ Агапїѧ стонѣнха ѿмнніѧ (?) крѣтъ нꙁ доукою гайною ꙁа ѿтъ пѹщенье грнхвъ своїхъ рокѹ ҂ахѵє мцю марта первого днѧ“. Въ довольно грубой формѣ на крестѣ изображенъ распятый Христосъ. Надъ головою послѣдняго изображены мѣсяцъ и солнце. На концахъ боковой перекладины—по двѣ дырки, къ которымъ прикрѣплены были изображенія святыхъ. На оборотѣ креста изображеніе Христа во Іорданѣ; надъ головой Духъ Божій, подъ которымъ стоятъ буквы **Д. Б.** На лѣвомъ концѣ поперечины изображены буквы **Єв. Н**, а на правомъ ангелъ. Работа креста грубая.

Кромѣ этого, во всемъ нижнемъ этажѣ не ищите ничего: стѣны покрыты зеленью и сыростью; для очистки воздуха и просушки лѣтомъ выставляются рамы окошекъ, но это мало помогаетъ. Въ этой церкви богослуженіе совершается разъ въ годъ—именно 26 августа, въ день свв. Адріана и Наталіи...

Совершенно иная картина представляется взору посѣтителя, когда онъ взойдетъ черезъ южный притворъ въ верхнюю трехпрестольную церковь. Масса свѣта волнами врывается черезъ многочисленныя окна двухъ-ярусцаго собора, а также и куполовъ. Прекрасная лѣпная работа по карнизамъ, на потолкѣ и стѣнахъ—то въ видѣ роскошныхъ гирляндъ изъ листьевъ и цвѣтовъ, то причудливыхъ прямоугольныхъ фигуръ, круговъ и т. п. Въ мѣстахъ пересѣченія орнаментовъ посажены великолѣпныя алебастровыя головки ангеловъ съ пухлыми щечками и губками. Затѣмъ взоръ наблюдателя устремляется на величественный иконостасъ, его украшенія и живопись иконъ.

Иконостасъ сплошною стѣною въ два яруса тянется черезъ всю церковь. Надъ средней частью его, гдѣ находятся главныя царскія врата, воздвигаются еще два яруса, оканчивающіяся крестомъ, упирающимся въ своды потолка. Весь иконостасъ окрашенъ въ темно-синюю краску съ бѣлыми и золотыми прожилками, такъ что сразу кажется, будто вся эта громада сдѣлана изъ мрамора. Иконостасныя рамы, въ которыя

вдѣланы иконы, прекрасной токарной и лѣпной работы во вкусѣ Людовика XV—всѣ позолочены. Надъ верхней и нижней частями каждой рамы посажены алебастровыя головки черноголовыхъ ангеловъ,—нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ замѣчательно выразительныя лица съ загадочнымъ неземнымъ выраженіемъ глазъ.

Главныя царскія врата поражаютъ своей великолѣпной работой и изяществомъ: чудная рѣзьба по дереву, живописный рисунокъ,—и все это залито золотомъ. Не отрываясь, глаза смотрятъ на изображенную на нихъ Пресвятую Дѣву и Архангела Гавріила, а также на изображеніе св. Евангелистовъ. Надъ вратами всевидящее око и вокругъ лучи, выше—художественная икона „Тайной Вечери". Налѣво отъ царскихъ дверей въ первомъ ярусѣ иконостаса помѣщена икона Пресвятой Божіей Матери; направо—образъ Спасителя; обѣ иконы въ кованныхъ серебряныхъ ризахъ, надъ головами серебряныя же короны. Оба изображенія въ сидячемъ положеніи и царскихъ одѣяніяхъ. Лица по своей выразительности и художественности прямо таки поразительны.

Но что всего больше приковываетъ къ себѣ, такъ это иконостасный образъ отъ сѣверныхъ царскихъ вратъ—Божіей Матери съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ ея. По изяществу рисунка и выдержанности стиля—эта картина не поддается описанію. Отъ этой иконы положительно трудно оторвать свои взоры,—до того жизненны и очаровательны въ своей непогрѣшимой святости лица Матери и Сына. Изъ другихъ иконъ въ иконостасѣ поражаетъ своей живописью—изображеніе Рождества Христова, явленія Христа Маріи Магдалинѣ и шествія на Голгофу, и много др. Всѣ эти иконы—прелестныя копіи съ картинъ великихъ итальянскихъ художниковъ.

Затѣмъ по всему иконостасу разбросано много меньшихъ иконъ съ изображеніемъ менѣе значительныхъ событій изъ Исторіи Новаго и Ветхаго завѣтовъ, а также изображеніе всѣхъ апостоловъ. Замѣчательно то, что во всѣхъ этихъ изображеніяхъ, какъ живописныхъ такъ и скульптурныхъ, нѣтъ ни

одной диссонирующей черточки; все выдержано величественно, стройно, согласно съ духомъ православной религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительно хорошо. Вглядываясь въ громаду иконостаса и комбинацію рисунковъ, орнаментовъ, закругленій, выступовъ и т. п.—получаешь впечатлѣніе, какъ бы отъ созерцанія грандіозной темносиней завѣсы, изъ отверстій коей по всей ея поверхности смотрятъ задумчивыя головки черноголовыхъ ангеловъ со сложенными крылышками. Созерцающему зрителю такъ и кажется, что вотъ вдругъ эта завѣса всколыхнется, раздастся въ стороны, загадочныя существа—ангелы-головки—вспорхнутъ съ своихъ мѣстъ, маленькія крылышки затрепещутся въ воздухѣ, и передъ напряженнымъ взоромъ зрителя откроется таинственная область, въ которую ни одинъ смертный взоръ еще не заглядывалъ...

Иконостасъ, кажется, не ремонтировался съ самаго основанія собора, т. е. уже почти 150 лѣтъ, что и замѣтно въ довольно значительной степени: время беретъ свое—краски и лѣпныя украшенія трескаются, часть послѣднихъ отпадаетъ, позолота сходитъ. Живопись на нѣкоторыхъ иконахъ совершенно потускнѣла и попортилась. Издали эта порча пока мало замѣтна, но вблизи особенно бросается въ глаза.

Въ главномъ алтарѣ подъ престоломъ устроенъ величественный сводъ, поддерживаемый четырьмя столбами, украшенными прекрасной лѣпной работой съ золотыми и серебряными прожилками по темносинему фону. За престоломъ, на горнемъ мѣстѣ, изумленный взоръ останавливается на громадномъ изображеніи Бога Отца. Нигдѣ и никогда мнѣ не приходилось видѣть подобнаго изображенія Саваоѳа: Онъ представленъ въ видѣ смуглаго черноволосаго мужчины среднихъ лѣтъ, очень красиваго и съ замѣчательно спокойнымъ и самодовольнымъ взоромъ. Одѣтъ въ широкія одежды безъ всякихъ украшеній и узоровъ—коричневый плащъ и синюю ризу. На головѣ александрійская тіара. Онъ сидитъ на шарѣ въ свободной позѣ, его ноги опираются на головы шестикрылыхъ ангеловъ, послѣдніе же поддерживаютъ и глобусъ. При взглядѣ на это изображеніе со сто-

роны открытыхъ царскихъ вратъ черезъ престолъ, получается полнѣйшая иллюзія—кажется, будто живой, воплотившійся Богъ сидитъ на престолѣ... И что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что настоящее изображеніе есть только копія съ бывшаго здѣсь же оригинала. Послѣдній въ этомъ же алтарѣ стоитъ на шкафу съ книгами и представляетъ изъ себя доску, на которой кое-гдѣ сохранились только бѣлила и куски выцвѣтшей краски. Если копія такъ хороша, то что же представлялъ изъ себя оригиналъ?! Кто писалъ копію и когда, узнать не было никакой возможности. Подъ этой иконой надъ самымъ поломъ находится большое изображеніе явленія Божіей Матери царицѣ Александрѣ, до невозможности пестрое и аляповато намалеванное, такъ что даже для нехудожественнаго взора получается оскорбительное впечатлѣніе при видѣ изображенія Саваоѳа рядомъ съ послѣднимъ. Это изображеніе, какъ оказалось, сравнительно недавней формаціи—семидесятыхъ годовъ этого столѣтія, и творцомъ онаго былъ козелецкій богомазъ-самоучка Лажечниковъ Иванъ Омельяновичъ, онъ же Кайданикъ, по уличному. Нужно удивляться его смѣлости, чтобы рѣшиться поставить эту мазню рядомъ съ безподобнымъ изображеніемъ Бога-Отца. Маляру-богомазу, пожалуй извинительно: онъ, не видавшій на своемъ вѣку ничего лучшаго, въ простотѣ сердечной могъ смотрѣть на свое произведеніе, какъ на шедевръ искусства; но нельзя этого простить тѣмъ лицамъ, отъ коихъ зависѣло разрѣшеніе поставить это уродство бокъ-о бокъ съ именно художественнымъ произведеніемъ! Затѣмъ, что̀ подумать, „о присныхъ сихъ„ и отношеніи ихъ къ памятникамъ церковной живописи, принявъ въ соображеніе то обстоятельство, что реставрацію художественныхъ произведеній разрѣшаютъ производить доморощеннымъ богомазамъ!.

Впрочемъ, удивленіе посѣтителей скоро смѣняется сожалѣніемъ, такъ какъ въ этомъ же алтарѣ въ изящно отдѣланномъ жертвенникѣ вашъ взоръ замѣтитъ тотъ же оскорбительный дефектъ. Въ жертвенникѣ вдѣлана икона, на коей изображенъ Христосъ, стоящій посреди огромнаго блюда: изъ ранъ стра-

дающаго Спасителя струями льется кровь и собирается въ блюдѣ; на головѣ Спасителя терновый вѣнецъ; капли крови ниспадаютъ съ чела его на лицо и плечи. Сравнивая это изображеніе съ такими-же въ жертвенникахъ сѣвернаго и южнаго алтаря, вы просто въ ужасъ придете отъ той дерзкой попытки реставрировать эту икону, какая, къ сожалѣнію, уже и сдѣлана на этой дивной иконѣ,—вышло что-то невозможное, неестественное и топорное, за то блещущее своими красками и широкими мазками кисти. Надъ жертвенникомъ балдахинъ, внутри тоже раскрашенный въ яркую голубую краску, и видимо всѣ украшенія подновлены и, наконецъ, подъ иконою подпись: „Жертвенникъ сей обновленъ коллежскимъ асессоромъ Космою Павловичемъ Козаченкомъ за здоровье его и матери его Евдокіи и за упокой родителя его Павла 1864 года 1-го сентября".

Тѣ же изображенія, только немного варьированныя, на упомянутыхъ двухъ жертвеникахъ, къ счастью, не обновленныя ни однимъ благотворителемъ для спасенія души и тѣла, производятъ на зрителя глубоко захватывающее впечатлѣніе изображеніемъ лица страдающаго Спасителя; въ этомъ лицѣ все— и скорбь и мука, безпредѣльная покорность и любовь.

Недалеко то время, когда величественный иконостасъ и иконы потребуютъ ремонта. Будетъ очень жаль, если ремонтъ этотъ попадетъ въ руки мѣстныхъ маляровъ богомазовъ, которые, по примѣру приснопамятнаго Кайданика, не задумаются пройтись своею щеткой (а не кистью) по художественнымъ изображеніямъ, чтобы произвести обновленіе, подобное обновленію жертвенника, предпринятому отъ чрезмѣрнаго усердія благочестивымъ коллежскимъ ассессоромъ Козаченкомъ.

Въ южномъ алтарѣ, направо отъ престола, къ иконостасу привинчена на шарньерахъ рама съ натянутымъ на ней полотномъ, размѣромъ 3×2 аршина. Сразу эту раму принимаешь за дверь, но болѣе тщательный осмотръ полотна обнаружитъ на немъ изображеніе кого-то во весь ростъ. Всматриваетесь внимательно, и передъ вами вырисовывается фигура священнослужителя, не смотря на то, что во многихъ мѣстахъ краска со-

вершенно сошла съ полотна, а сохранившаяся настолько потрескалась, что только при извѣстной живости воображенія можно представить себѣ цѣльную фигуру этого священнослужителя. Это фигура во весь ростъ въ стоячемъ положеніи, облаченная въ зеленую рясу и коричневый подрясникъ. Стоитъ она около стола на которомъ поставленъ крестъ съ распятымъ Христомъ, по бокамъ коего стоятъ колѣнопреклоненные Іоаннъ и Марія. Пальцы лѣвой руки перебираютъ листы открытой книги, лежащей на столѣ,—на открытыхъ страницахъ коей что-то написано,—а правая положена на сердце. За спиною фигуры раскрытое окно, въ которое видно три главы церкви. По нижней кромкѣ была подпись, отъ коей сохранилось только „Тар . . . аго . . ."
Съ полотна прямо на васъ смотритъ пара сѣрыхъ небольшихъ полныхъ ума и энергіи глазъ, высокія выгнутыя брови и низковатый прямый съ вогнутостью посрединѣ лобъ. Волосы свѣтлорусые, гладко зачесаны назадъ. Такого же цвѣта усы и борода. Это портретъ знаменитаго „дикаго попа", Кирилла Николаевича Тарловскаго, замѣчательнаго въ свое время историческаго дѣятеля запорожскаго края. И до сихъ поръ личность Тарловскаго среди козелецкаго духовенства сохранилась подъ именемъ „дикаго попа" [1]). Что же касается его дѣятельности, заслугъ по колонизаціи Павлоградскаго и Новомосковскаго уѣздовъ Екатеринославской губерніи, а также и происхожденія прозвища «дикаго попа",—то среди обывателей богоспасаемаго града Козельца нѣтъ ровно никакихъ свѣдѣній, ни даже легендъ. Такой же точно портретъ находится въ приходской Николаевской церкви [2]),—въ которой до 1744 г. онъ былъ священникомъ, т. е. до того момента, пока императрица Елисавета Петровна не побывала проѣздомъ въ Козельцѣ. Съ этого знаменательнаго для него года, въ его жизни начались всевозможныя пертурбаціи, закончившіяся тѣмъ, что онъ сдѣлался владѣльцемъ громадныхъ помѣстій въ Новороссійскомъ краѣ, вызвалъ своего брата съ тремя сыновьями изъ

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о „дикомъ попѣ" даны въ замѣткахъ, помѣщен. въ Кіев. Стар. 1886 г., № 4 и 1887 г. № 11.

[2]) Этотъ портретъ въ прошломъ году отправили въ Черниговъ въ музей.

Козельца къ себѣ и въ такомъ положеніи окончилъ свою бурную, полную интересныхъ приключеній жизнь. Умеръ онъ въ Самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ на 75 году своей жизни. Въ памятникѣ, хранящемся въ воскресенской церкви села Воскресеновки (Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губ.) прописано такъ: „Священно-іерей Кириллъ Тарловскій скончался 1784 года декабря 4 дня и погребенъ въ самарскомъ монастырѣ въ каменной церкви". Въ Самарскомъ монастырѣ находится точно такой-же портретъ,—евангеліе раскрыто на текстѣ: „Господи возлюбивъ благолѣпіе дому твоего и мѣсто селенія славы твоея", внизу же на кромкѣ помѣщено слѣдующее двухстишіе:

Тарловскаго портретъ священника Кирилла,
Щедрота коего сей храмъ сооружила".

Теперь является вопросъ—почему портреты Тарловскаго помѣщены въ Соборѣ и Николаевской церкви? Во второй онъ былъ приходскимъ священникомъ до 1744 г.; что-же касается перваго, то, повидимому, личность Тарловскаго здѣсь не играла ровно никакого значенія. Тѣмъ не менѣе портретъ помѣщенъ, слѣдовательно—какое-то участіе въ судьбѣ собора Тарловскій принималъ.

Изъ потомковъ Тарловскаго въ Козельцѣ до сихъ поръ проживаетъ вдова Тарловская съ дочерью. Ея мужъ занималъ должность стряпчаго въ Козельцѣ.

Кромѣ того, въ ризницѣ и библіотекѣ собора, по словамъ священника, есть много интересныхъ вещей,—такъ напримѣръ, Евангеліе XVII столѣтія, ризы и др.; къ сожалѣнію краткость времени, коимъ я располагалъ, а также ремонтъ собора, въ связи съ отсутствіемъ церковнаго старосты, у котораго хранились ключи отъ ризницы и библіотеки, не дали мнѣ возможности познакомиться съ интересовавшими меня вещами.

При входѣ въ соборъ направо, на внутренней сторонѣ стѣны висятъ въ рамахъ два интересныхъ документа, относящихся къ началу нынѣшняго столѣтія. Одинъ изъ нихъ—предписаніе Черниговской декастеріи о благопристойномъ поведеніи

публики въ храмѣ, а другой—объявленіе—манифестъ о священномъ союзѣ трехъ державъ по изгнаніи французовъ изъ Россіи. Первый помѣченъ 1816 г. марта 20-го дня, а второй ҂аѿеі, Декемврія кє.

Кромѣ большого собора, иначе холоднаго (зимою въ большомъ соборѣ не служатъ по причинѣ холода, который еще больше усиливается отъ того, что во всемъ верхнемъ соборѣ полъ выложенъ чугунными плитами),—къ юго-восточному углу ограды примыкаетъ теплая церковь, построенная въ видѣ обыкновенныхъ домовъ. Это новѣйшая постройка, и въ ней нѣтъ ничего примѣчательнаго. Къ сѣверо-восточному углу ограды примыкаетъ трехъ-ярусная колокольня великолѣпной ахритектуры вышиною со шпилемъ креста 36 саженей. Много лѣтъ тому назадъ, говорятъ, надъ этой колокольней было надстроено еще два деревянныхъ яруса, но разразившійся надъ городомъ пожаръ уничтожилъ ихъ. Тутъ же на цвинтарѣ стоитъ старая-старая часовня на мѣстѣ церкви, существовавшей еще до постройки нынѣшняго собора. Какая это была церковь, кто былъ ея строитель и какъ долго она существовала, мнѣ узнать не удалось.

Если бы тщательно покопаться въ Козелецкой старинѣ, то не мало интереснаго и драгоцѣннаго матерьяла можно было бы раздобыть какъ по церковной археологіи, такъ и вообще по исторіи города и этого края. Говорятъ, что въ нынѣшней Покровской церкви и Каменно-Николаевской находится много памятниковъ, интересныхъ для археолога; тѣмъ болѣе, что сюда вѣроятно переносились сосуды, книги и т. п. изъ существовавшаго нѣкогда въ Козельцѣ дѣвичьяго монастыря, на мѣстѣ котораго нынѣ расположено кладбище, именуемое попросту „Монастырецъ", и на которомъ среди памятниковъ, крестовъ и насыпей могильныхъ стоитъ совершенно затерянная часовня на мѣстѣ бывшаго монастыря. Этотъ монастырь замѣчателенъ уже тѣмъ хоть бы, что тамъ, послѣ окончанія кіевской духовной академіи, началъ свою священническую дѣятельность „дикій попъ". Къ

величайшему сожалѣнію, среди обывателей преславнаго града Козельца никого нѣтъ, кто-бы серьезно взялся за собираніе матеріаловъ изъ останковъ прошлыхъ столѣтій въ видѣ различныхъ предметовъ. Можетъ быть, теперь дѣло изученія и сохраненія памятниковъ подвинется впередъ съ учрежденіемъ въ Черниговѣ археологическаго музея.

А. Г. Хатемкинъ.

ПИСЬМА Е. П. ГРЕБЕНКИ КЪ РОДНЫМЪ.

(*Въ память 50-тилѣтія со дня его смерти*).

Въ декабрѣ 1898 года истекаетъ пятидесятилѣтіе со дня смерти *Евгенія Павловича Гребенки*, одного изъ нашихъ малорусскихъ писателей, имя котораго въ 30-хъ и 40-хъ годахъ почти постоянно появлялось на страницахъ разныхъ изданій, какъ на малорусскомъ, такъ и на русскомъ языкахъ.

Нашъ журналъ, обязанный отмѣчать всѣ моменты, соприкасающіеся съ культурной жизнью нашей родины, хочетъ въ память этого пятидесятилѣтія удѣлить нѣсколько страницъ для того, чтобы напомнить читателямъ главные факты изъ жизни и литературной дѣятельности Е. П. Гребенки, а также помѣстить тѣ письма его къ роднымъ, которыя въ неполномъ видѣ сохранились у одного изъ внуковъ, предоставившаго эти письма въ наше пользованіе, за что считаемъ долгомъ принести ему нашу глубокую благодарность.

Уроженецъ Полтавщины (хут. Убѣжище, пирятин. у.), Е. П. Гребенка воспринялъ съ дѣтства отъ родины и отъ семьи все то, что представляла наша степная Украина типично-національнаго въ бытѣ помѣщиковъ средней руки въ первой половинѣ текущаго столѣтія, т. е. черты простодушно-патріархальнаго житья безъ особенныхъ затѣй дѣланной культуры, знаніе народной жизни съ его языкомъ, пѣснями, пословицами, при-

баутками и шутками. Во всѣхъ біографіяхъ Е. Гребенки указывается, по семейнымъ преданіямъ, на одинъ источникъ наибольшаго непосредственнаго воздѣйствія на него этой народной стихіи—разсказы его нянюшки [1]), но намъ не приходилось до сихъ поръ встрѣчать точнаго указанія на это въ словахъ самого Е. Гребенки, и только въ печатаемыхъ теперь письмахъ его къ родителямъ находимъ слова: „цѣлую мышленно и мою няню", которыя свидѣтельствуютъ, что Евг. Павловичъ сохранилъ о ней теплыя воспоминанія даже и тогда, когда былъ уже на службѣ въ Петербургѣ (писано въ 1834 г.).

Выросши въ такой обстановкѣ дома, Е. П. Гребенка въ 1825 году отправленъ былъ въ Нѣжинъ, въ „гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко". Время пребыванія его здѣсь характеризуется нѣсколькими штрихами, находящимися въ печатаемыхъ письмахъ, т. к. большая часть изъ нихъ относится къ нѣжинскому періоду его жизни (1828—31 г.г.) Здѣсь прежде всего намъ бросается въ глаза та-же патріархальность обстановки житья на квартирахъ у разныхъ лицъ, которая служила продолженіемъ домашняго обихода,но не безъ нѣкоторыхъ лишеній, сравнительно съ послѣднимъ. Такъ напримѣръ, находимъ частыя указанія на то, что жить ему съ братомъ приходилось далеко не въ роскоши, если нужно было на необходимыя нужды занимать по мелочамъ у хозяина, получавшаго скромную плату за содержаніе ихъ и часто тоже нуждавшагося хоть въ малости денегъ; въ одномъ же письмѣ (14 сент. 1828 г.) такъ жалуется онъ на свое житье: „мы сегодня съ Аполлономъ на сухояденіи; всѣ наши ѣдятъ скоромное, а мы—галушки безъ грибовъ и безъ олеи",—а въ письмѣ отъ 5 ноября того-же года, выражая просьбу прислать малую толику денегъ, прибавляетъ: „хозяинъ нашъ въ вечеру не даетъ чаю, ни полдничать, и мы всякій день съ Аполлономъ съѣдаемъ гривенную булку".

Помимо этой странички изъ нѣжинскаго житья Е. П. Гребенки, мы знаемъ, что это былъ тотъ періодъ въ жизни этого единственнаго тогда на большой районъ высшаго учебнаго за-

[1]) См. въ изд. „Лицей кн. Безбородко" СПБ. 1859 г., часть 2-я, стр. 63-я.

веденія, въ который среди воспитанниковъ наиболѣе обнаруживался подъемъ лутературныхъ интересовъ: здѣсь были, какъ извѣстно, попытки издавать ученическіе журналы; воспитанники постоянно выступали со своими стихотворными опытами; отсюда-же вышелъ цѣлый рядъ будущихъ извѣстныхъ писателей и ученыхъ—Гоголь, Н. Кукольникъ, А. Рославскій-Петровскій, Н. Прокоповичъ, П. Рѣдкинъ и др. Вѣроятно, подъ вліяніемъ царившаго тогда въ гимназіи настроенія, и Е. П. Гребенка началъ свое литературное поприще, будучи еще гимназистомъ; предполагаютъ даже, что переводъ „Полтавы“ Пушкина на малорусскій языкъ начатъ былъ тогда-же. Къ сожалѣнію, въ печатаемыхъ теперь письмахъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на его занятія литературой, если не считать того, что въ одномъ письмѣ (отъ 1 сент. 1828 г.) онъ упоминаетъ о купленной имъ за 4 рубля Малороссійской Исторіи, а въ другомъ (отъ 30 окт. 1829 г.)—проситъ сестру переслать ему какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе пѣсенъ малороссійскихъ съ нотами, прибавляя: „вы не повѣрите, какъ онѣ мнѣ нужны!“ Но очевидно, Е. П. Гребенка уже въ гимназіи считаться юношей съ поэтическимъ талантомъ, т. к. ему, судя по письму его отъ 5 ноября 1828, профессоръ Никольскій поручилъ написать поздравительные стихи къ именинамъ директора; въ томъ-же письмѣ приведены имъ 4 первыя строчки ѐго стихотворенія „Славянскіе вечера“, сразу говорящія, какой торжественный стиль царилъ тогда еще въ этой школьной поэзіи:

Рогдай въ веселіи сидѣлъ среди друзей,
Невнятный шумъ гостей въ палатахъ раздавался,
И ароматный медъ прозрачною струей
Въ блестящій кубокъ низливался.

Такой-же торжественный стиль обнаруживается у него и въ нѣкоторыхъ другихъ письмахъ, гдѣ даются имъ описанія всякихъ празднествъ; особенно любопытно описаніе Покровской ярмарки въ Нѣжинѣ (въ письмѣ отъ 26 сентября 1828 г.).

По окончаніи Гимназіи Высшихъ Наукъ, Е. П. Гребенка поступилъ въ 1831 году въ резервы малороссійскаго козачьяго

полка, но здѣсь оставался недолго, а въ 1834 году уже былъ въ Петербургѣ, гдѣ поступилъ сначала канцелярскимъ чиновникомъ въ коммиссію духовныхъ училищъ, а съ 1838 года сталъ преподавателемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ каковой должности и скончался въ 1848 году.

О значеніи его литературныхъ трудовъ мы распространяться не будемъ, т. к. они въ свое время получили уже достаточную оцѣнку подъ перомъ такихъ компетентныхъ лицъ, какъ Н. И. Костомаровъ (І. Галка „Обзоръ сочиненія на малорос. яз.“. Молодикъ 1843 г.), А. Н. Пыпинъ (Обзоръ истор. славянск. литературъ), Н. И. Петровъ (Очеркъ украинск. литерат., Кіевъ 1884 г.), а по поводу отдѣльныхъ піесъ—В. Бѣлинскаго, А. Чужбинскаго, П. Кулиша. Напомнимъ только читателю, что первые литературные опыты Е. П. Гребенки были стихотворные—переводъ „Полтавы“ Пушкина на малороссійскій языкъ, который не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ, а затѣмъ „Прыказки“, получившія гораздо большую извѣстность. По поводу этихъ послѣднихъ, П. А. Кулишъ, въ своемъ альманахѣ „Хата“ (1860 г.), перепечатывая 10 приказовъ Е. Гребенки, въ предисловіи къ нимъ сказалъ: „не чулы мы про его працю й доси голосного слова, а прыказки булы найкраще дило зо всего, що понапечатувавъ Гребинка; колы ривняты ихъ и до сусиднеи словесности, то наврядъ чи е въ ій кращи прыказки одъ Гребинчиныхъ, а тилько що Московськи дзвоны голоснійшы одъ нашихъ. У тіи часы, якъ воны выйшлы въ свитъ, не то що на Вкраини, да й по столыцяхъ, не густо було людей, тямущихъ въ нашій *народности*. Тимъ прыказки Гребинчины промайнулы потай-свита, наче не булы зовсимъ у печати“. Извѣстно, что П. А. Кулишъ очень часто, подъ впечатлѣніемъ минуты, готовъ былъ идти слишкомъ далеко въ своихъ отзывахъ, какъ въ одну, такъ и въ другую сторону (достаточно вспомнить его статьи о Гоголѣ, Котляревскомъ и Квиткѣ). Вотъ эта-та черта въ Кулишѣ была причиной нѣсколько раздраженнаго тона въ писаніяхъ очень сдержаннаго человѣка М. А. Максимовича, который, по поводу нападокъ П. Кулиша на

малороссійскія повѣсти Гоголя, напечаталъ извѣстную свою статью „Оборона украинскихъ повѣстей Гоголя“ („День“ 1861 и 1862 г.), а сверхъ того готовилъ къ печати другую статью „Полемическое обозрѣніе Малороссійской словесности“, отрывки изъ которой (статья осталась только въ набросказъ) нами были уже помѣщаемы (о Котляревскомъ—Кіев. Ст. 1888 г. № 10, о Квиткѣ—1893 г. № 8). Пользуемся теперь случаемъ, чтобы подѣлиться съ читателями еще однимъ отрывкомъ на вышеприведенныя слова П. Кулиша.

„Въ 1834 году, вмѣстѣ съ первыми Квиткиными повѣстями, возникли другіе малороссійскіе стихотворцы: *Гребенка*—съ переводомъ Пушкинской Полтавы, съ приказками и другими мелкими стихотвореніями; *Материнка* (Бодянскій)—съ переложеніемъ въ стихѣ трехъ народныхъ украинскихъ сказокъ; *Тополя*—съ оперою „Чары“; *Могила* (Метлинскій)—съ думками и пѣснями; *Галка* (Костомаровъ), съ балладами и разными мелкими стихотвореніями и съ трагедіей „Переяславська ничъ“. Къ этому-же времени принадлежатъ: *Забѣла* (съ пѣснею „Не щебечи, соловейку“ и проч.), *Корсунъ*, *Петренко* и еще нѣкоторые. Тогда-же и въ Червоной Руси явилось нѣсколько стихотворцевъ: *Львицкій*, *Вагилевичъ*, *Устіановичъ*, *Шашкевичъ*, *Могильницкій* и другіе. Запѣвы юной Червонорусской музы были слабы въ сравненіи съ хоромъ вышеупомянутыхъ малороссійскихъ пѣвцовъ, расцвѣтшихъ вмѣстѣ съ Квиткою; однако и они всѣ остались назади, какъ poëtae minores, когда выступилъ *Шевченко* съ своимъ Кобзаремъ въ 1841 году“.

„Изо всѣхъ ихъ у г. Кулиша особенный почетъ одному Гребенкѣ, какъ баснописцу. Въ „Хатѣ“ своей онъ перепечаталъ десять отборныхъ приказокъ Гребенки и вступается за него крѣпко, какъ за писателя, обиженнаго невниманіемъ тогдашняго поколѣнія. „Не чулы мы—говоритъ г. Кулишъ—про ёго працю и доси *голосного* слова...“ (выдержка эта приведена нами выше). Ужъ настолько-то доставало разумѣнія у современниковъ Гребенки, чтобы оцѣнить его приказки по достоинству. Встрѣчая съ любопытствомъ и замѣчая внимательно все выходившее

на малороссійскомъ языкѣ, они не упустили изъ виду этихъ приказокъ и предпочли ихъ прочимъ стихотвореніямъ Гребенки и приказкамъ Боровиковскаго; но никому тогда и въ голову не приходило ставить ихъ такъ высоко, какъ нынѣ поставилъ ихъ г. Кулишъ въ своей „Хатѣ". Г. Костомаровъ, одинъ изъ младшихъ въ томъ поколѣніи знатоковъ малороссійской народности и самъ поэтъ, воздалъ Гребенкѣ слишкомъ достаточную похвалу, сказавши въ своемъ „Обзорѣ", что его приказки „всегда прочтутся съ наслажденіемъ", и что Гребенка ими „превосходно показалъ способность малороссійскаго языка къ апологическимъ сочиненіямъ". Какого-же еще голоснійшаго слова надо было про Гребенку? Не назвать-же его было украинскимъ Езопомъ! Но какъ назвать то голосное слово г. Кулиша, будто Гребенкины приказки промелькнули незамѣтно для свѣта, словно ихъ и не было въ печати? Онъ объяснилъ еще, что перепечаталъ въ своей „Хатѣ" десятокъ самыхъ лучшихъ приказокъ, „догожаючи нуждi народнiй". Въ Гребенкиныхъ-ли басняхъ настоитъ теперь нужда народная"?

Такимъ, очень сложнымъ по своему содержанію, вопросомъ заканчиваетъ М. Максимовичъ отрывокъ изъ статьи „Полемическое обозрѣніе малороссійской словесности".

Если Е. П. Гребенка не обратилъ на себя особеннаго вниманія современниковъ своими малорусскими піесами, то еще менѣе могъ онъ произвесть впечатлѣнія русскими стихотвореніями, писанными на мотивы Жуковскаго и Пушкина. Гораздо бо́льшую извѣстность пріобрѣлъ онъ своими повѣствовательными разсказами, которые началъ писать съ 1837 года; первымъ такимъ опытомъ были „Разсказы Пирятинца", заимствованные изъ быта и преданій малороссійскихъ и очень напоминающіе „Вечера на хуторѣ". Это подражаніе и дало поводъ Гоголю высказать свое рѣзкое осужденіе Е. Гребенки, помѣщенное въ „Воспоминаніяхъ" П. В. Анненкова. Во всякомъ случаѣ этотъ родъ литературной его дѣятельности доставилъ ему бо́льшую извѣстность въ журналистикѣ, чѣмъ прежній; даже объ одномъ его романѣ „Чайковскій" самъ В. Бѣлинскій далъ очень хва-

лебный отзывъ, сказавъ, что „старинный бытъ Украйны прекрасно отразился въ „Чайковскомъ"; самъ авторъ воодушевляется, говоря о дѣлѣ, припоминая разсказы стариковъ и изъ нихъ возстановляя картины изъ минувшей жизни этихъ странъ"

Есть и еще одно изданіе Е. П. Гребенки, связанное съ лучшими воспоминаніямы о его имени—это альманахъ „Ластивка", изданный имъ въ 1841 г., куда вошли нѣкоторыя піесы *самого издателя* („Такъ соби до землякивъ", „До зобачення", три малорусскихъ стихотворенія, а также произведенія *Г. Квитки-Основьяненка* („Сердечна Оксана", „На пущання якъ завязано", „Пархимове свидання"), *П. Кулиша, Л. Боровиковскаго, В. Забѣлы, Т. Шевченка* и др.

Незадолго до смерти своей Е. П. Гребенка принялся за изданіе своихъ повѣстей и разсказовъ, но успѣлъ отпечатать только 8 частей, въ которыя вошло 18 повѣстей (изъ 50). Въ 1862 году было издано полное собраніе сочиненій его въ 5 томахъ, но интересъ къ произведеніямъ Е. П. Гребенки былъ уже въ то время потерянъ, и имя его сохраняется пока для потомства, только благодаря его „Прыказкамъ" и альманаху „Ластивка". Все написанное имъ по-украински вошло въ особое изданіе подъ заглавіемъ „Пырятинська Ластивка, кобзарь Е. Гребинки" (въ 1878 году).

В. Науменко.

I.

Почтеннѣйшій папинька!

Извините меня за столь долгое молчаніе. Этому было причиною то, что я писалъ къ Вамъ на первой недѣлѣ поста, въ коемъ извѣщалъ Васъ о болѣзни Иваньки и послалъ счетъ деньгамъ, и дожидался отъ васъ отвѣта, но теперь, получивши отъ сестрицы десять рублей, долгомъ поставляю извѣстить васъ по первой почтѣ о новостяхъ Нѣжина, о здоровьѣ Иваньки и о моихъ занятіяхъ. 19 числа сего мѣсяца было у насъ торжество по случаю подписанія въ сей день устава [1]) гимназіи

[1]) Училище это учреждено въ 1820 году, а уставъ его окончательно утвержденъ 19 февраля 1828 года.

Высш. Наукъ кн. Безбородко. Ученикамъ велѣно было всѣмъ, у которыхъ были мундиры, собраться въ 8-мь часовъ утра въ залу, изъ которой повели въ церковь; въ церкви была совершена литургія и пѣтъ концертъ пѣвчими гимназіи, послѣ службы отправились всѣ посѣтители въ библіотеку, въ концѣ которой стоялъ портретъ Александра Павловича въ раззолоченныхъ рамахъ. Когда посѣтители усѣлись, а ученики стали въ два ряда, то по прочтеніи устава ученымъ секретаремъ Андрущенкомъ, были говорены рѣчи: на русскомъ профессоромъ Никольскимъ и на французскомъ—профессоромъ Ландротиномъ; въ заключеніе пропѣта была кантата, и посѣтители отправились къ директору на закуску и обѣдъ, а мы въ 3-мъ часу побрели домой съ тощими желудками.

По неспокойности характера господъ Гербаневскихъ уже Фонтинъ отказалъ имъ въ квартирѣ и они наняли другую—нигдѣ не уживутся.—У насъ три ученика открыты масонами: Зміевъ, Колышкевичъ и Родзянка; но это и здѣсь тайна, а потому прошу Васъ сего нигдѣ не разсказывать. Еще много есть новостей, но я, какъ увижусь съ Вами, то лучше оныя разскажу.—Иванька совершенно выздоровѣлъ; на окончаніе его лѣченія и на говѣнье я занималъ у сестры хозяина карбованца, котораго, получивши деньги, и отдалъ.—Результаты мои идутъ хорошо: я на словесности и исторіи первымъ буду переведенъ въ 7-й классъ и 4-е отдѣленіе, и, кажется, получу похвальный листъ. За симъ при изъявленіи вамъ моего глубочайшаго почтенія и преданности остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга

Е. Гребенкинъ.

1828. Февраля 29. Нѣжинъ,

Почтеннѣйшая маминька!

При желаніи вамъ щастія, здоровья и всѣхъ благъ и при засвидѣтельствованіи вамъ моего нелицемѣрнаго почтенія цѣлую ваши ручки и остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга

Е. Гребенкинъ.

P. S. Прошу поцѣловать за меня братцевъ и сестрицъ.

II.

Почтеннѣйшая маминька!

Мы доѣхали до Нѣжина благополучно; первую ночь ночевали въ Мохновкѣ, вторую же въ Монастырищѣ и пріѣхали въ Нѣжинъ сегодня въ 12-ть часовъ. Мы поспѣли слава Богу не поздно, ибо еще почти половина учениковъ нашего класса не пріѣхали. Засимъ при желаніи вамъ, равно и почтеннѣйшему папинькѣ, счастія и здоровья и, цѣлуя ваши ручки и всѣхъ братцовъ и сестрицъ, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вашъ покорный сынъ и слуга Е. Гребенкинъ.

1828 г. Апрѣля 5. Нѣжинъ.

P. S. Хозяинъ нашъ имѣетъ крайнюю нужду въ деньгахъ и потому проситъ, чтобы вы переслали ему въ самомъ скоромъ времени хоть малость.

III.

Почтеннѣйшій папинька!

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ я кажется забылъ написать, что хозяинъ принялъ масла (какъ по его словамъ) въ первой разъ 4 пуда и 17 фунтовъ, а во второй 1 пудъ, и того 5 пудовъ 17 фунтовъ; а какъ онъ полагаетъ за оное цѣну по 10 рублей, то выходитъ денегъ 54 рубля и 25 коп. Ежели маминька располагаетъ быть въ Нѣжинѣ, то я уже писалъ, чтобы къ 26-му, т. е. 25-го въ вечеру, дабы 26-го могли справиться съ Фибилингомъ, а 27-го утромъ отправиться въ путь, ибо насъ распустятъ 27 утромъ, а экзамены кончатся 22-го. Квартиры же у насъ на квартирѣ занять имъ не можно, ибо тѣсно да и не выгодно.—Теперь можно написать до свиданія, ибо не болѣе 10-ти дней осталось, когда (ежели Богъ попуститъ) мы увидимся. За симъ при желаніи вамъ всѣхъ благъ остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ вашъ покорный сынъ и слуга

Е. Гребенкинъ.

1828 года, Іюня 16. Нѣжинъ.

IV.

Почтеннѣйшій папинька.

Итакъ мы слава Богу пріѣхали въ Нѣжинъ 31-го августа, и я тотчасъ нанялъ квартиру за 450 рублей въ годъ (я сколько ни давалъ 400, но онъ не соглашался). Послѣ сего я пошелъ къ директору, который принялъ отъ васъ письмо и говорилъ дабы подать прошеніе. Сказано-сдѣлано. Прошеніе написано, и нашъ Аполлонъ*) очутился ученикомъ гимназіи, 2-го класса. Его можно бы было помѣстить и въ третій, но первое—что въ ономъ болѣе 70 учениковъ, т. е. сверхъ комплекта, а второе и то, что онъ, проходя во второмъ класѣ знакомое, можетъ попасть на хорошій счетъ, что много значитъ.

Я заплатилъ за сапоги 5 рублей, за исторію малороссійскую 4, та за книги для Аполлона: французскую граматику и русскую—и для себя за латинскую книгу Корнелія Непота—6 рублей 50 коп.: итакъ первый шагъ въ Нѣжинѣ отнялъ изъ кармана моего 15 рублей. Кромѣ же сихъ книгъ, мнѣ еще нужны: россійская исторія, минералогія, логика, синтаксисъ Орнату и римское право, которое здѣсь найти невозможно.— Когда я былъ въ другой разъ съ прошеніемъ у директора, то засталъ тамъ Петра Григорьевича, который и рекомендовалъ меня директору, какъ сына своего добраго сосѣда и пріятеля.

За симъ при желаніи вамъ скораго выздоровленія, и цѣлуя какъ васъ, такъ и маминьку и всѣхъ родныхъ, остаюсь съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію вашъ покорный сынъ и слуга Е. Гребенкинъ.

1828 года сентября 1-го дня, Нѣжинъ.

P. S. Аполлонъ вамъ не пишетъ, ибо учитъ на завтра уроки, да и мнѣ пропасть дѣла.

Иванькину шубу по приказанію вашему оставилъ я Харитону, а платье его посылаю.

---

*) Младшій братъ Е. Гребенки.

Прошу васъ при первой оказіи или даже и черезъ почту прислать мнѣ „Горе отъ Ума“, ибо ученикъ, у котораго я бралъ сію комедію, теперь требуетъ ее у меня *).

V.

Почтеннѣйшій папинька!

Наступаетъ 17-ое сентября, день вожделѣнный и всегда празднуемый въ нашемъ семействѣ. День имянинъ дражайшей нашей маминьки, съ которымъ поздравляя васъ, равно и почтеннѣйшую маминьку, желаю провесть оный весело и дождать еще сто таковыхъ дней праздновать въ жизни вашей.

Я писалъ къ вамъ на сихъ дняхъ письмо; но не знаю, получили-ли вы его, или нѣтъ. Ежели не получили, то я вторично пишу вамъ, чтобы вы не медля прислали свидѣтельство отъ Маршала о дворянствѣ Аполлона, и осмѣливаюсь утруждать вторичною просьбою, дабы вы прислали денегъ, ибо я нѣкоторыя купилъ книги, какъ-то: французскую грамматику, русскую грамматику, Корнелія Непота, минералогію и русскую исторію, да сверхъ того заплатилъ за сапоги 5 рубл. и за малороссійскую исторію 4 рубля, на что и пошли всѣ данные вами мнѣ деньги; а теперь будетъ у насъ ярмарка, на которую пріѣзжаетъ книжная лавка Глазунова, то можетъ быть привезутъ и Римское право.—

Мы сегодня съ Аполлономъ на сухояденіи: всѣ наши ѣдятъ скоромное, а мы—галушки безъ грибовъ и безъ олеи. Новостей у насъ нѣтъ никакихъ, а еслибы и были, то заниматься ими некогда. За симъ при желаніи вамъ, равно и почтеннѣйшей маминькѣ здоровья и благополучія, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашъ покорный сынъ и слуга.

Евгеній Гребенкинъ.

1828 VI/14 Нѣжинъ.

P. S. Прошу васъ поцѣловать за меня любезнаго братца Льва Николаевича и сестрицу.

---

*) Тогда эта комедія, какъ рѣдкость, ходила только въ рукописи.

VI.

Почтеннѣйшій папинька!

Вы не можете себѣ представить удовольствія, принесеннаго намъ письмами вашими, а особенно вторымъ, въ которомъ вы льстите насъ надеждою скораго свиданія съ вами. Аполлонъ прыгаетъ, скачетъ отъ радости и съ каждымъ днемъ считаетъ, сколько осталось времени до Покровы... Покровская ярмарка уже начинается, а съ нею и движеніе народа: тяжелыя гарбы татарскія, наполненныя изобиліемъ юга—виноградомъ, съ пронзительнымъ крикомъ, тянутся по улицамъ; повсюду застучалъ молотокъ, движимый рукою прибыли, и новые балаганы длинными рядами появились на площади; тамъ увертиливой суздалецъ раскладывалъ цѣлыя коллекціи своихъ картинъ: возлѣ портретовъ Ильи Муромца и Соловья Разбойника видно изображеніе незабвеннаго мужа Рымникскаго; а противъ него для симметріи великій объѣдало, который въ день изволилъ кушать около сорока пудовъ говядины.—Толпы народа глазѣя тѣснятся около хитраго продавца и мѣдные гроши звуча переходятъ въ карманы; и вскорѣ великій-объѣдало украшаетъ уголъ хаты крестьянина!—Но Рымникскій ждетъ себѣ другаго покупщика.

И вотъ входитъ въ лавку человѣкъ въ сертукѣ изношенномъ, но съ блестящими мѣдными пуговицами, носящій на себѣ всѣ признаки 18-го столѣтія: сей человѣкъ—отставной корнетъ временъ Екатерины II-ой, служилъ подъ начальствомъ неутомимаго Суворова, бралъ съ нимъ турецкія крѣпости и лазилъ по Альпамъ! Онъ тотчасъ узнаетъ своего начальника, бросаетъ съ радостію купцу 20 грошей—и въ скоромъ времени ликъ великаго мужа, обдѣланный въ черныя рамки, повѣшенъ надъ его кроватью, гдѣ каждое утро послѣ первой молитвы старый служивый беретъ за руку своего малолѣтняго сына и, показывая на портретъ, разсказываетъ ему свои старые походы, разсказываетъ добродѣтели Рымникскаго и нечувствительно поселяетъ въ юномъ сердцѣ сѣмена добродѣтели и любви къ своему отечеству.—И послѣ смерти образъ великаго мужа дѣлаетъ благодѣянія!—

Но я слишкомъ уже далеко забрался, а Ерофѣичъ не приказывалъ, говорятъ, много философствовать, а особливо, когда времени мало; и потому я, основываясь на его правилѣ, заключаю письмо мое искреннимъ благодареніемъ за присланныя мнѣ деньги и желаніемъ вамъ счастія и здоровья. За симъ съ искреннымъ почтеніемъ и преданностію остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Евгеній Гребенкинъ.

1828 года сентября 26 дня, Нѣжинъ.

P. S. Нашъ экономъ Тарновскій женился, и профессоръ естественной исторіи Соловьевъ тоже обвѣнчался третьяго дня.

Прошу поцѣловать за меня маминьку въ ручки и кланяться всѣмъ братцамъ и сестрицамъ. Полинька также цѣлуетъ васъ и маминькины ручки; онъ теперь въ церкви, а я насилу отпросился у нравонаблюдателей, дабы писать къ вамъ письмо

VII.

Почтеннѣйшій папинька!

„Наши въ Парижѣ!"—воскликнулъ одинъ патріотъ россійскій въ 1812 году, и радостная улыбка разгоралась на устахъ его. „Наши въ Пирятинѣ!"—воскликнулъ и я въ свою очередь, показывая Аполлону письмо ваше, и также весело улыбнулся, радуясь объ ихъ счастьи. И такъ Михаилъ, Николай и Александръ Павловичи горемыкають во престольномъ градѣ Пирятинѣ, пьютъ холодныя струи Удая и набираются мудрости во пресловутой академіи; прошу васъ поцѣловать отъ меня сихъ высокоученыхъ.—Хозяинъ нашъ, господинъ Иванъ Михайловичъ Фонтинъ, человѣкъ предобрый; онъ очень любитъ Аполлона и занимается иногда съ нимъ чтеніемъ по французски и по нѣмецки. Да какъ его и не любитъ? Онъ учится, слава Богу, хорошо и заслуживаетъ отъ всѣхъ наставниковъ хорошую рекомендацію. Директоръ нашъ, человѣкъ препочтеннѣйшій, его ласкаетъ и часто наши студенты, слушая его разсужденія о

правахъ или о высшей словесности*), кричатъ: „настоящій Аполлонъ! (богъ изящнаго) не полѣзетъ въ карманъ за отвѣтомъ. Но сколько насмѣшекъ ему стоило отвыкнуть отъ выговора счастливой „Хохландіи“!.. Я также, слава Богу успѣваю въ наукахъ понемногу; а именно я заслужилъ результатъ: изъ поведенія 4, изъ логики—4, 4, закона Божія—4, 4, исторіи среднихъ вѣковъ—4, 4, исторіи россійской—4, 4; права римскаго—4, 3; минералогіи—4, 4. Какой веселый классъ минералогіи! Насъ водятъ въ кабинетъ, показываютъ различные камни и окаменѣлости; растворяютъ ихъ въ кислотахъ и тому подобное.

Я буду писать къ именинамъ нашего директора поздравительные стихи, которые мнѣ профессоръ Никольскій приказалъ сдѣлать (имянины будутъ 11-го декабря). Подъ тайкомъ, вамъ маленькая новость: нашего одного земляка высѣкли келейно розгами (Михаила Мокрицкаго); за что—разскажу при свиданіи съ вами.

Еще осмѣливаюсь утруждать васъ моею просьбою, а именно, чтобы вы прислали намъ малую толику денегъ, ибо хозяинъ нашъ къ вечеру не даетъ чаю, ни полдничать, и мы всякій день съ Аполлономъ съѣдаемъ гривенную булку.—За симъ, при желаніи вамъ счастья и всѣхъ благъ и цѣлуя ваши и маминькины ручки, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашъ покорный сынъ и слуга.

Евгеній Гребенкинъ.

1828 г. ноября 5, Нѣжинъ.

P. S. Ежели будетъ оказія, то пришлите капотъ Аполлону и „Горе отъ ума“, ибо сія книга не моя и меня всякій день объ ней спрашиваютъ.

P. S. Я теперь пишу „Славянскій вечеръ“ и вотъ его начало:

„Рогдай въ веселіи сидѣлъ среди друзей,
Невнятный шумъ гостей въ палатахъ раздавался
И ароматный медъ прозрачною струей
Въ блестящій кубокъ низливался“.

*) Онъ часто посѣщаетъ нашъ классъ и съ удивительнымъ хладнокровіемъ разсуждаетъ о наукахъ, называя себя студентомъ.

VIII.

Почтеннѣйшіе папинька и маминька!

Мы пріѣхали, слава Богу, въ Нѣжинъ хорошо сегодня въ 1-мъ часу. Я былъ у Андрушенка и кланялся ему отъ васъ. Батюшка былъ доволенъ за гостинецъ и приказалъ васъ благодарить. Черкесы я купилъ на сюртукъ 8 аршинъ по 1 рублю 25 копѣекъ—10 рублей, да подбою 3 аршина по 50 коп.—1 рубль 50 коп.; и портному за работу—4 рубля; слѣдовательно сюртукъ обошелся 15 рублей 50 копѣекъ. Соку лимоннаго 4 фунта —2 р. Полуатласу я купилъ вамъ подъ цвѣтъ по 3 рубля 50 копѣекъ 2 аршина—7 рублей. Ваши 6 рублей, но какъ у васъ не доставало рубля, а у Льва Николаевича остались деньги; то я занялъ рубль изъ его денегъ, которые вы ему заплатите.

За симъ, цѣлуя ваши ручки, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашъ покорный сынъ и слуга.

Е. Гребенкинъ.

1829 г. мая 2-го, Нѣжинъ.

P. S. Извините, что мало и худо написалъ, ибо еще не успѣлъ разсмотрѣться хорошенько, а въ слѣдующую почту я напишу подробнѣе.

Любезный братецъ Левъ Николаевичъ!

Изъ порученности твоей я только одну выполнилъ: купилъ черкесы 8 аршинъ по 1 р. 25 к.—10 рублей. Винтовальныя доски есть, да большія. Вѣришь-ли, что даже дроби мелкой не могъ найти; дудочекъ также не нашелъ, а я постараюсь, то можетъ быть достану къ Тройцѣ. Изъ остальныхъ 6 рублей я одинъ занялъ на маминькину покупку, а одинъ отдалъ, какъ ты говорилъ, Аполлону, остальные же 4 р. при семъ посылаю. За симъ, цѣлуя тебя мысленно и ручки любезнѣйшей сестрицы, остаюсь преданный братъ и слуга.

Е. Гребенкинъ.

Директоръ приказалъ тебѣ кланяться.

1829 V/11.

IX.

Почтеннѣйшій папинька!

Я удивился, читая въ письмѣ вашемъ, что вы сомнѣваетесь на счетъ того, переведены-ли мы въ классъ. И такъ я вамъ сообщаю, что я въ осьмомъ,—а Аполлонъ въ 3 классѣ находимся. Приложенные при семъ узоры прошу васъ отдайте Еленѣ Леонтьевнѣ Марковичевой; они тѣ самые, которые я взялъ увеличить. Скажите Льву Николаевичу, что у насъ проходятъ физику. Сколько опытовъ и чудесъ будемъ мы дѣлать дома! Попросите сестрицу. чтобъ она прислала какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе пѣсенъ малороссійскихъ съ нотами; вы не повѣрите, какъ онѣ мнѣ нужны.

За симъ, цѣлуя ваши и маминькины ручки, остаюсь вашъ покорный сынъ.

Е. Гребенкинъ.

1829 г. октября 30.

P. S. Порфирій проситъ, чтобъ ему при оказіи прислали сапоги.

X.

Почтеннѣйшій папинька!

Удѣляю нѣсколько минутъ, дабы извѣстить васъ, что я, слава Богу, здоровъ, Аполлонъ также выздоровѣлъ, но у него нарывъ на пальцѣ; сіе и есть причина, почему онъ здѣсь не пишетъ. Говорятъ, что Гусарская дивизія, которая стоитъ у насъ, переходитъ въ Московскую губернію и Каблуковъ поѣхалъ въ штабъ съ тѣмъ, чтобъ упросить перевода главной квартиры изъ Коломны—гдѣ она назначена—въ Москву. На мѣстѣ же сей дивизіи прибудутъ сюда полки: Принца Оранскаго, Александровскій, Маріупольскій и Ахтырскій. 20-го сего мѣсяца было торжество о заключеніи мира и греки праздновали свободу своего отечества: съ 25-ти церквей колокола гремѣли не умолкая и 101 выстрѣлъ изъ мортирей колебалъ воздухъ. Къ

вечеру городъ былъ иллюминованъ; колокольни блестѣли въ плошкахъ отъ основаній до крестовъ, улицы были также унизаны оными и представляли прекрасную огненную перспективу: синіе, красные, малиновые и другіе разноцвѣтные фонари рдѣлись въ глазахъ подобно драгоцѣннымъ камнямъ; на второмъ этажѣ Магистрата кружились огневыя радуги и сіялъ великолѣпно лучезарный вензель Николая I-го. Больше у насъ новостей нѣтъ: все по старому.

За симъ, свидѣтельствуя вамъ мое почтеніе и цѣлуя ваши и маминькины ручки, остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга

Е. Гребенкинъ.

1829 года октября 23 дня. Нѣжинъ.

P. S. Прошу поцѣловать за меня братцевъ и Людиньку, и увѣдомьте, гдѣ Левъ Николаевичъ и сестрица.—

Николаю Андреевичу и Гавріилу Андреевичу прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.—

Извините меня за почеркъ, голова у меня болитъ жестоко, я пишу несвязно и на каждомъ словѣ ошибаюсь.—

XI.

Почтеннѣйшій папинька!

Итакъ, благодаря Бога, я перемѣнилъ квартиру. Шишкинъ за 300 рублей взять насъ не согласился, говоря, что теперь хлѣбъ дорогъ и что онъ менѣе не возьметъ, какъ 350 и преогромную провизію. Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ я пошелъ къ Новицкому и—что вы думаете?—онъ уговорилъ своего хозяина принять насъ за 300 рублей. Итакъ я теперь у профессора и по цѣнѣ удивительной; ибо всѣ платятъ по 600, а менѣе по 500 рублей. Мѣха лисьяго такого я не могъ отыскать; есть гораздо хуже и то 80 рублей полъ-мѣха. Итакъ я рѣшилъ оставить у себя деньги до ярмарки, на которую, я думаю, привезутъ, а лучше ежели вы еще кому препоручите. Мѣхъ бѣличій я купилъ, не знаю, угожу-ли или нѣтъ. Поелику

въ „Убѣжищѣ“ любятъ пить кофе, то я купилъ 3 фунта по 1 р. 60 коп. Дѣтямъ посылаю 2 фунта ягодъ—это вещь преполезная и довольно вкусная. Дорогою мы издержали 2 рубля, а потому я купилъ на одинъ рубль изъ остальныхъ денегъ сѣна. При семъ счетъ прилагаю. Бритвы кажется выправлены отлично. Ежели вамъ угодно, то вы можете препоручить кому, кто поопытнѣе, купить мѣхъ на ярмаркѣ. Я боюсь не прокупиться или ежели вамъ угодно, то я куплю себѣ на фракъ сукна, впрочемъ я оставляю на вашу благорасположенность.

Миклашевскіе еще не пріѣхали: боятся холеры, о коей здѣсь ничего не слышно. Писалъ бы больше, но на новой квартирѣ и между новыми учениками и не ознакомился съ лекціями; а посему, какъ только не много обживусь, буду писать по почтѣ обстоятельно и къ Льву Николаевичу, котораго прошу за меня поцаловать, равно сестрицу, Маминьку и всѣхъ нашихъ.

За симъ цалую васъ мысленно и остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вашъ покорный сынъ и слуга

Е. Гребенкинъ.

1831 г. января 19-го. Нѣжинъ.

P. S. Пока держится дорога, пришлите немного провизіи Порфирію, ибо я обѣщалъ.

Любезный братъ Левъ Николаевичъ!

Посылаю тебѣ письмо отъ Квитки; онъ проситъ извиненія, что не заѣхалъ. Я стою на квартирѣ у профессора Соловьева, превосходный человѣкъ и NB: профессоръ. За симъ—до свиданія. Попроси у Марченка отзывъ въ дворянскую опеку и пришли.—Директоръ очень желаетъ увидѣться съ маминькою: имѣетъ, онъ говоритъ, дѣло.—

Преданный братъ Е. Гребенкинъ.

XII.

С.-Петербургъ, 1834 года 1-го сентября.

Дражайшіе родители!

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ я писалъ къ вамъ письма и по странному стеченію обстоятельствъ едва могъ отправить ихъ, собравши въ многотомный пакетъ, чрезъ откупщика Дунаевскаго, но зная, какимъ тараканьимъ шагомъ ползутъ почти всѣ оказіи и одолженія, я рѣшился черезъ почту увѣдомить васъ о своемъ здравіи и о торжествѣ, которое мы видѣли 30 августа; это былъ день открытія колосальной гранитной колоны, поставленной на дворцовой площади въ честь Александру I-му. Я видѣлъ всю эту церемонію, какъ нельзя лучше, ибо по волѣ добраго нашего Государя подлѣ дворца былъ выстроенъ для гражданскихъ чиновниковъ прелестный амфитеатръ, съ котораго вся площадь, наполненная сто тридцатью тысячами войска, была какъ на ладони. Какое прекрасное зрѣлище! Вблизи, это—звѣрь съ стальною щетиною; вдали, это—волны моря свѣтлыя, блестящія, радужныя. Молебствіе совершалъ Митрополитъ со знатнѣйшимъ духовенствомъ; во время молебствія Государь Императоръ преклонилъ колѣни, войско сдѣлало то-же и кругомъ царствовала тишина, прерываемая только церковнымъ пѣніемъ. Императоръ усердно молился. Какъ пріятно, какъ утѣшительно было видѣть владыку обширной Россіи, возносящаго мольбы Всевышнему о счастьи своихъ поданныхъ, на обширной площади подъ куполомъ неба стоящаго на колѣняхъ на твердыхъ камняхъ. Послѣ молебствія богатая шелковая завѣса, закрывавшая пьедесталъ колоны, спала и золотые орлы, составляющіе ограду колонны, тихо преклонились и пали къ ея подножію; долгое „ура", сопровождаемое барабаннымъ боемъ, трубами и выстрѣлами нѣсколькихъ сотъ пушекъ, потрясало воздухъ около получаса; въ продолженіе коего вышла Императрица и сопровождаемая Митрополитомъ, придворными и сенаторами, обошла кругомъ колонны, которую духовенство тутъ же окро-

нило святою водою; послѣ сего все войско проходило церемоніальнымъ маршемъ мимо Государя. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Вотъ слабое описаніе праздника, для котораго король прусскій прислалъ и своихъ 17 офицеровъ и до сорока человѣкъ солдатъ; и многіе частные люди, особливо англичане, пріѣзжали изъ-за границы.

Поздравляю маминьку съ наступающимъ днемъ ея ангела и желаю всѣхъ возможныхъ благъ; я здѣсь молюсь и буду молиться о подкрѣпленіи вашего здоровья... Недавно я получилъ отъ крестнаго папеньки письмо и порученіе; объ этомъ дѣлѣ теперь забираются справки. Я постараюсь писать къ нему съ первою почтой по полученіи оныхъ, а до тѣхъ поръ прошу оказать ему мое почтеніе, равно и всему почтеннѣйшему семейству и доктору Новицкому. Новостей никакихъ болѣе не описываю, ибо въ огромномъ письмѣ, которое у Дунаевскаго, всего довольно; тамъ и Льву Николаевичу есть приписка (не приписка, —заврался), цѣлое письмо. А теперь я его только обнимаю и говорю: „худо, братъ, жыты тутъ; не только не ѣлъ бекаса, даже и не видѣлъ; теперь понимаю, отчего покойный Павелъ Исакіевичъ такъ ахалъ надъ дупельшнепомъ. Цѣлую миленькихъ небожатъ, также братьевъ и сестрицъ. Николая жду, къ Аполлону писать буду на дняхъ. Мишѣ пора-бъ на службу, да не въ статскую, Боже сохрани: безъ аттестата изъ высшаго учебнаго заведенія и врагу моему не совѣтую служить въ статской службѣ. Я, какъ злая свекровь, всегда ворчу на братьевъ, потому, что люблю ихъ и желаю имъ счастья. До свиданія! Цѣлую васъ мышленно и мою няню, и остаюсь по милости Божіей въ здоровьи и душевномъ спокойствіи.

Вашъ сынъ Евгеній.

P. S. Всѣмъ знакомымъ (тѣмъ болѣе родственникамъ) и добрымъ людямъ мое почтеніе. Я вчера получилъ отъ Ивана Ивановича Керетина письмо и вчера же отвѣчалъ ему... Александръ Васильевичъ здоровъ и вамъ свидѣтельствуетъ почтеніе.

XIII.

21 марта, 1845 года въ С.-Петербургѣ.

Вы не повѣрите, безцѣнная мамаша, какъ насъ обрадовали ваши письма, изъ которыхъ мы узнали, что вы, благодаря Бога, живы и здоровы. Каждое утро и вечеръ молю Творца о подкрѣпленіи силъ вашихъ и здоровья за вашу любовь и попеченіе объ насъ. Какъ бы тамъ покончить дѣла такъ, чтобы въ маѣ выѣхать, да кажется не удастся; что то дѣдъ и не думаетъ высылать свидѣтельства о перезакладѣ имѣнія. Что онъ себѣ думаетъ, мы же его такъ просили объ этомъ? Какъ бы скорѣе Богъ Милосердный помогъ намъ добраться домой,—разсмотрѣть и устроить все самимъ. Сдѣлайте одолженіе, душенька мамаша, пришлите мнѣ съ первой почтой нѣсколько записокъ, какъ дѣлать куличи и паски, только такіе, куда не много входитъ яицъ, а то здѣсь очень дороги яйца, теперь по 4 копѣйки, а къ праздникамъ, я думаю, будетъ по 5 копѣекъ одно яйцо.

Вчера мы получили отъ братьевъ Миши и Аполлона письма они, слава Богу, здоровы. У насъ теперь погода чудесная тепло, совершенная весна. А что мамка моя получила платокъ? Прощайте, безцѣнная мамаша; съ нетерпѣніемъ ожидаю времени, когда лично расцѣлую ваши ручки и поблагодарю за все.

XIV.

С.-Петербургъ, 1845 г. марта 31-го.

Очень благодаренъ вамъ, милая маменька, за ваши письма и ваше попеченіе о насъ и благодарю Бога, что ваше здоровье поправилось. Поторопите дѣда, чтобы онъ высылалъ скорѣе свидѣтельство на перезалогъ имѣнія жены моей, потому что безъ этого мы изъ Петербурга не выѣдемъ, надобно здѣсь уладить дѣла, да и въ Малороссію пріѣхать за дѣломъ, а не гулять. Вчера я получилъ отъ Аполлона письмо, въ которомъ онъ пи-

шетъ на счетъ Людмилы и Убѣжища. Я съ нимъ согласенъ и возьму Убѣжище по оцѣнкѣ съ тѣмъ, что на имя Людмилы положу я въ ломбардъ лѣтомъ десять тысячъ рублей ассигнаціями, а братьямъ что придется—буду выплачивать. Еслибы Севастьяновъ женился на сестрѣ, то я бы ему нашелъ здѣсь черезъ Даля чудесное мѣсто, такъ что лѣтъ черезъ десять купили-бы они деревню порядочную, потому что здѣсь хорошій докторъ имѣетъ много выгодъ, да и вы бы пріѣхали къ намъ погостить въ Питеръ, а онъ городъ хорошенькій. И Мишу и Аполлона современемъ выпишемъ сюда, а Николай идетъ хорошо: уже съ частными работами получаетъ тысячъ до восьми въ годъ, со временемъ будетъ богачъ.

До свиданія, милая маменька, поцѣлуйте за меня сестру, скажите ей, что я думаю о ней много, да будьте здоровы: этого желаетъ любящій васъ сынъ Евгеній.

Документы, извѣстія и замѣтки.

О юбилеѣ и памятникѣ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Избранная Полтавскою Городскою Думою особая коммиссія по устройству памятника И. П. Котляревскому чествовала 100-лѣтній юбилей «Энеиды», въ годовщину смерти поэта—29 октября, такъ какъ 29 августа празднованіе ограничилось лишь панихидой въ Соборной церкви въ присутствіи, какъ мнѣ говорили, весьма немногихъ Полтавцевъ (я въ то время былъ въ Кіевѣ на съѣздѣ [1]). Чествованіе выразилось въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ предполагалось. По крайней мѣрѣ, однимъ изъ членовъ коммиссіи были проектированы обращенія къ нѣсколькимъ почтеннымъ дѣятелямъ съ приглашеніемъ прочесть публичную лекцію и рѣчь о нашемъ поэтѣ, но приглашеніе было послано только одному лицу, а за полученіемъ отъ него отрицательнаго отвѣта—къ другому, которое также не могло присутствовать на нашемъ праздникѣ. Во всякомъ же случаѣ приглашенія запоздали настолько, что лекторы не имѣли возможности подготовиться надлежащимъ образомъ. Отрицательные отвѣты стали извѣстны лишь за нѣсколько дней предъ чествованіемъ, а между тѣмъ процедура испрошенія разрѣшенія на чтеніе лекцій и рѣчей требо-

[1]) Вечеромъ 29 Августа товариществомъ артистовъ подъ управленіемъ Саксаганскаго и Садовскаго была поставлена „Наталка-Полтавка“, и сборъ поступилъ полностію въ пользу Товарищества, безъ взноса хотя части на памятникъ И. П. Котляревскому. Изъ объясненій съ г.г. Саксаганскимъ и Садовскимъ обнаружено, что матеріальное пожертвованіе они не считаютъ обязательнымъ, такъ какъ своими письмами въ Петербургъ и друг. города они-де вызвали значительныя денежныя пожертвованія со стороны почитателей поэта.

вала возбужденія заблаговременно ходатайства. По этому коммиссія порѣшила устроить 29 октября «вокально-литературно-художественный вечеръ», а въ 2 часа дня панихиду. Оповѣщеніе о послѣдней сдѣлано лишь наканунѣ, но сравнительно небольшіе листки оповѣщенія, наклеенные среди другихъ афишъ и объявленій, могли ускользнуть отъ вниманія многихъ. При томъ—самое важное—время панихиды назначено крайне неудачно, такъ какъ обыденныя занятія въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ оканчиваются лишь къ 3 часамъ. Благодаря этому, на панихидѣ въ Соборной церкви присутствовали два члена городской управы (Городской Голова былъ дѣйствительно боленъ), нѣсколько городскихъ гласныхъ и два—три десятка служащихъ въ земствѣ и частныхъ обывателей обоего пола. Въ вышедшемъ въ тотъ день № Губерн. Вѣдом. я помѣстилъ свою статью «Памяти И. П. Котляревскаго», въ которой выразилъ, между прочимъ, что усадьба поэта съ домикомъ, въ которомъ онъ и родился, и скончался, находится въ частномъ владѣніи и что «недалеко то время, когда въ торжествѣ освященія и открытія памятника нашему поэту примутъ участіе иногородніе почитатели; и если они не найдутъ въ натурѣ домика поэта по рисунку Шевченка, то, безъ сомнѣнія, охотно примирятся и отнесутся съ особою признательностью къ городскому управленію, когда увидятъ на *томъ же самомъ мѣстѣ*—начальное училище имени поэта. А для наростающихъ Полтавцевъ тамъ пребудетъ неугасающій свѣтильникъ познанія Бога, правды и добра».

Вечеръ привлекъ довольно многочисленную публику, такъ что въ помѣстительномъ залѣ 2-го общественнаго собранія всѣ нумерованныя мѣста, хоры и входъ въ залъ были переполнены до крайней тѣсноты. Вечеръ начался чтеніемъ стихотворенія Шевченка «На вичну память Котляревському», встрѣченнымъ публикой весьма шумнымъ привѣтствіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, объявлено, что «по случайнымъ обстоятельствамъ» назначенныя въ афишѣ хоровыя пѣсни не будутъ исполнены архіерейскимъ хоромъ и будутъ замѣнены дуэтами и соло. Такимъ образомъ публикѣ не пришлось услышать такихъ пѣсенъ, какъ: «Та веселая та бесидонька», «Верховыно»—галицкой народной пѣсни, «Ой краче та чорный воронъ», колядки «Ой чы це той двиръ» и «Гей не дывуйте»; изъ назначенныхъ же по программѣ—были исполнены архіерейскимъ хоромъ «Гарбузъ билый качаетця», «Цыганская жизнь» Шумана; затѣмъ была пропѣта

одна Коломыйка и бравурный Чешскій квартетъ. Оказалось, что пѣвчіе только и приготовили эти піесы, тогда какъ заблаговременно имъ былъ предложенъ довольно обширный списокъ народныхъ пѣсенъ и они обѣщали пѣть поименованныя выше пѣсни, въ томъ числѣ «Цыганская жизнь» и «Гарбузъ», хотя противъ этого были распорядители вечера, но принуждены были согласиться—при ограниченности репертуара архіерейскаго хора, который и угостилъ публику «насським» только «Гарбузомъ»... Нужно отдать справедливость, что хоръ мастерски спѣлъ заученныя пьесы, равнымъ образомъ большое эстетическое удовольствіе доставили публикѣ превосходно исполненные г.г. К-скимъ и Чеснокомъ дуэты и въ особенности г. К-скимъ соло «Гетьманы»! Артистка галицко-малороссійскаго товарищества г. Кочубей—Дзбановская съ громаднымъ успѣхомъ исполнила «Чого вода каламутна», «Садокъ вышневый», дуэтъ изъ «Запорожець за Дунаемъ», и по настойчивому желанію публики пѣла на bis, при чемъ нашла возможнымъ пропѣть до нельзя избитую «Ганзю билолыцю» и съ бравурнымъ взвизгиваніемъ. Это въ нѣкоторомъ родѣ конекъ пѣвицы, доставляющій особенное удовольствіе нѣкоторой части публики, а между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что распорядители вечера просили артистку не пѣть именно «Ганзю» на *юбилейномъ* чествованіи. Программа была раздѣлена на два отдѣленія, и въ каждомъ прочитаны были отрывки изъ Энеиды, при чемъ были выбраны мѣста изъ пекла и рая, а на bis прочитана рѣчь Латына и «Такъ вичной па мьяты бувало». Въ заключеніе художникомъ В. А. Волковымъ поставлены были живыя картины изъ «Наталки Полтавки», «Москаля-Чаривныка» и «Энеиды», изображающія сцены, проектированныя скульпторомъ Л. В. Позеномъ для барельефовъ на памятникъ поэту.

Съ выборомъ мѣста для постановки памятника до сихъ поръ въ Городской Думѣ дѣло не ладится. Первоначально была весьма неудачно выбрана маленькая площадка противъ гостинницы Воробьева, но разсчитывали расширить нѣсколько мѣсто—прибавкою 86 квад. саж. изъ усадьбы дворянства; однако губернское дворянское собраніе категорически отказало уступить этотъ клочекъ подъ тѣмъ предлогомъ, что намѣрено строить общежитіе для своихъ учащихся дѣтей. Нужно замѣтить, что постройка предназначена на противоположномъ концѣ довольно обширной усадьбы, и необходимый для расширенія площадки уголокъ занятъ теперь дикорастущими деревьями, и могъ бы быть отчужденъ безъ всякихъ неудобствъ для пред-

полагаемаго общежитія дворянскихъ дѣтей. Покойный поэтъ, по своему чину, принадлежитъ къ потомственному дворянству губерніи,— но его собраты раньше пожертвовали на памятникъ всего 200 р., а въ этомъ году, отказавъ въ уступкѣ клочка земли, расщедрились пожертвованіемъ еще 200 р.; однако это мизерное приношеніе вызвало со стороны присутствовавшаго въ собраніи князя П. Н. Церетелева заявленіе неудовольствія, при чемъ онъ предложилъ свое личное пожертвованіе 300 руб. Вслѣдствіе отказа дворянства, коммиссія по устройству памятника *единогласно* признала площадку предъ гостинницей Воробьева «безусловно неподходящею» для постановки памятника, и проектировала выдѣлить для этого часть Александровскаго сквера (гдѣ поставленъ монументъ въ память Полтавской побѣды) въ видѣ полукруга, обсадить это мѣсто тополями и поставить памятникъ лицомъ къ Александровской улицѣ. Докладъ объ этомъ былъ внесенъ въ Городскую Думу въ засѣданіи 29 октября. Узнавъ объ этомъ, я въ день засѣданія написалъ г. Городскому Головѣ письмо, въ которомъ выразилъ, что въ Александровскомъ скверѣ красуется огромный монументъ Петру Великому, предъ которымъ скромный памятникъ И. П. Котляревскому будетъ казаться миніатюрнымъ, и что устройство проектированной загородки испортитъ симметрію сквера. Я указывалъ для памятника весьма удобное мѣсто въ скверѣ на Петровской площади, между двумя фонтанами.

Мое письмо и предложенія коммиссіи были доложены Думѣ, и въ пользу моего мнѣнія энергично высказались нѣкоторые гласные; однако, въ концѣ концовъ большинствомъ 20 противъ 14 голосовъ Дума приняла предложеніе коммиссіи, т. е. постановку памятника въ Александровскомъ паркѣ. Повидимому, вопросъ еще нельзя считать окончательно рѣшеннымъ, такъ какъ въ «Губерн. вѣдом.» появились протесты противъ постановленія Думы, и, по всей вѣроятности, вопросъ еще разъ подвергнется новому пересмотру.

Все это показываетъ, что въ средѣ городскихъ представителей большинство относится равнодушно къ вопросу о выборѣ пристойнаго мѣста для памятника родоначальнику Украинской литературы. Относительно же пріобрѣтенія въ собственность города усадьбы бывшей И. П. Котляревскаго, нѣкоторые представители города заговорили въ послѣдніе лишь дни, отчасти вслѣдствіе того, что недавно открытыя на средства города два начальныхъ училища не имѣютъ собственной осѣдлости и помѣщаются въ наемныхъ квартирахъ.

Быть можетъ, дойдутъ наконецъ до сознанія необходимости исполнить задушевное желаніе многихъ Полтавцевъ—видѣть на усадьбѣ поэта начальное училище его имени.

В. Василенко.

Къ юбилею Котляревскаго. 19 и 20 октября ст. ст. праздновалось во Львовѣ столѣтіе возрожденія укр.-русской литературы. Торжество перваго дня происходило по слѣдующей программѣ: «драматичний прольогъ» Івана Франка, кантата (слова Шевченка до Котляревського), положенная на музыку О. Кишакевичемъ и исполненная хоромъ, «Вечорныци» Нищинскаго, различные другіе хоровые номера, представленіе «Наталки-Полтавки» и апоѳеозъ—аллегорическая живая картина. На другой день утромъ, празднество происходило въ «академіи». Засѣданіе открылъ Савчакъ, поздравивъ въ короткихъ словахъ весь р.-укр. народъ и представителей нашихъ славянскихъ сосѣдей, затѣмъ произнесли рѣчи: проф. Грушевскій—о значеніи Энеиды Котляревскаго въ историческомъ развитіи Украины-Руси и о вліяніи ея на національное сознаніе украинскаго народа; проф. Смаль-Стоцкій—о значеніи и основныхъ идеяхъ Энеиды; проф. Колесса—указалъ на вліяніе произведеній Котляревскаго на дальнѣйшій ходъ развитія украинской литературы. Говорили еще: Романчукъ — о вліяніи произведеній Котляревскаго на народное образованіе; Нат. Кобриньска—изложила очеркъ культурной дѣятельности укр. женщинъ, начавъ отъ тѣхъ народныхъ пѣсенъ, которыя украинскія женщины съ незапамятныхъ временъ слагали и пѣли и въ счастьи, и въ горѣ, окончивъ тѣми женщинами, которыя теперь принимаютъ дѣятельное участіе въ литературной работѣ. Бывшій посолъ Іос. Гурикъ сказалъ о значеніи Котляревскаго для крестьянства и его просвѣщенія. Наконецъ Гр. Гарматій, указавъ, что какъ вездѣ, такъ и у насъ молодежь первая становится въ защиту правъ народныхъ и прогресса, высказалъ убѣжденіе, что украинская молодежь и впредь будетъ служить народнымъ идеаламъ. Въ концѣ были прочитаны «прывиты», присланные изъ-заграницы, и затѣмъ, по исполненіи гимна, засѣданіе объявлено закрытымъ.

Вечеромъ состоялся ужинъ, на который записалось болѣе 200 душъ обоего пола (Буковина, № 126, Русланъ № 237, 238).

Ко дню столѣтняго юбилея во Львовѣ вышло изъ печати юбилейное изданіе «Наталки-Полтавки»: (in 8°, стр. 48, цѣна 20 кр.) подъ редакц. проф. І. Кокорудзы. Изданіе это, снабженное портретомъ, вступленіемъ и объясненіемъ малопонятныхъ словъ, имѣетъ весьма изящный видъ. Тамъ же издана для народа брошюра: «Сотні роковини народного письменства Руси-України»,—напис. М. Пачовский (изданіе «Просвіти», Львівъ, 1898, стр. 64, ціна 16 кр.).

Общество им. Котляревскаго. Во Львовѣ составился комитетъ, который поставилъ себѣ задачею основать общество им. Котляревскаго. Цѣль общества—всѣми дозволенными способами прилагать старанія къ увеличенію фонда на постройку народнаго театра. Статутъ общества переданъ намѣстничеству на утвержденіе и есть надежда, что общество въ самомъ скоромъ времени приступитъ къ исполненію своей задачи. (Русланъ, № 235).

25-лѣтній юбилей Івана Франко. 30 октября н. ст. во Львовѣ торжествено отпразднованъ былъ, по сообщенію «Руслана», № 235, 25-лѣтній юбилей литературно-общественной дѣятельности др. Ивана Франка. Торжество, происходившее въ залѣ почтоваго клуба, открылъ короткой рѣчью Вол. Гнатюкъ; послѣ него сказалъ рѣчь проф. Грушевскій о значеніи дѣятельности Франка для духовной жизни Украины, внесшаго въ нашу умственную жизнь массу прогрессивныхъ, европейскихъ понятій и мыслей. Отъ имени крестьянства благодарилъ юбиляра за труды по отношенію къ нему—пос. Новаковскій; теплотою и нѣжностью отличалась рѣчь п. Наталіи Кобилянськои. Отъ имени молодежи держалъ рѣчь п. Гарматій, а отъ лица укр.-радикальной партіи—М. Павлыкъ. Въ отвѣтъ на все это, тронутый до глубины души юбиляръ сказалъ прекрасную рѣчь, проникнутую необычайной скромностью и искренностью.

Торжество закончилось концертнымъ отдѣленіемъ, послѣ котораго состоялся ужинъ, гдѣ почитатели юбиляра среди свободныхъ патріотическихъ бесѣдъ оставались далеко за-полночь.

Заботы о „наружномъ образованіи" кіевскихъ студентовъ въ 1840 году. Въ августѣ 1840 года посѣтилъ Кіевъ Императоръ Николай Павловичъ. На другой же день по своемъ прибытіи (11 августа), государь, въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича, былъ въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ. Въ запискахъ П. Д. Селецкаго сохранился разсказъ объ этомъ посѣщеніи. Студентовъ выстроили стройными рядами и приличнѣйшихъ по виду поставили въ первый рядъ. Государь вошелъ и довольно ласково поздоровался съ ними. Студенты браво прокричали ему: «Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество»! Государь прошелъ по рядамъ, видимо остался доволенъ студентами и отправился осматривать дортуары. Въ это время одинъ изъ студентовъ задней шеренги, кривоногій и весьма непривлекательной наружности, сталъ въ первый рядъ, полагая, что смотръ уже конченъ. Но государь, возвратясь изъ дортуаровъ, вновь прошелъ по рядамъ, и его поразилъ этотъ угрюмый сынъ черниговскихъ лѣсовъ, потупившійся и мрачно смотрѣвшій исподлобья. То были, такъ сказать, природныя его черты, но государю показалось въ нихъ личное озлобленіе и протестующая оппозиція.

— Какъ твоя фамилія? спросилъ государь.

— П., отвѣчалъ отрывисто студентъ, безъ обычнаго прибавленія титула.

— Откуда?

— Изъ Чернигова,—еще отрывистѣе отвѣчалъ П.

— Болванъ! грозно сказалъ императоръ, и обратившись къ наслѣднику престола, прибавилъ:

— Какіе неотесанные! Не умѣютъ отвѣчать [1]).

Этотъ эпизодъ имѣлъ важныя послѣдствія. Тогдашнему попечителю князю Давыдову государь поставилъ на видъ замѣченный имъ въ нѣкоторыхъ студентахъ «недостатокъ наружнаго образованія». Скоро послѣ того былъ присланъ въ Кіевѣ, для осмотра Университета, министръ просвѣщенія Уваровъ, который прожилъ здѣсь болѣе недѣли, посѣщалъ лекціи и репетиціи и остался совершенно доволенъ учебною дѣятельностью университета. По его предложенію, попечитель представилъ проектъ мѣръ, по его мнѣнію необходимыхъ для устраненія замѣченнаго государемъ недостатка внѣшней благо-

---

[1]) Кіевская Старина, 1884 г., февраль, стр. 293.—Исторія Импер. Ун—та Св. Владиміра, проф. Буданова, стр. 254.

воспитанности среди студентовъ, и въ отвѣтъ на это получилъ слѣдующее предложеніе со стороны Уварова:

«Вслѣдствіе докладной записки вашего сіятельства о замѣченномъ Его Императорскимъ Величествомъ недостаткѣ наружнаго образованія въ нѣкоторыхъ студентахъ Университета св. Владиміра, я разсматривалъ предлагаемыя вами къ устраненію сего недостатка мѣры и считаю нужнымъ снабдить ваше сіятельство слѣдующими разрѣшеніями:

1) Дабы доставить студентамъ вообще возможность упражняться въ искусствѣ танцованья, фехтованья и, по мѣрѣ удобства, гимнастики, я предлагаю вамъ употребить изъ суммъ, собираемыхъ съ студентовъ, нѣкоторую, по вашему усмотрѣнію, часть для усиленія сихъ искусствъ, съ тѣмъ, чтобы безъ исключенія всѣ студенты могли пользоваться этими упражненіями, подъ наблюденіемъ ближайшихъ начальниковъ.

2) Чтобы доставить студентамъ случай бывать въ хорошемъ обществѣ столь часто, сколько позволятъ имъ учебныя занятія ихъ, я разрѣшаю вашему сіятельству завести въ залѣ дома, занимаемаго казеннокоштными студентами [1]), танцовальные и литературные вечера, которые, вечера, при содѣйствіи г. генералъ-губернатора и по приглашенію вашего сіятельства, будетъ посѣщать все здѣшнее лучшее общество. На необходимые для сего расходы можно употребить, по усмотрѣнію вашему, отъ 1000 до 1800 рублей серебромъ въ годъ изъ суммы, собираемой съ студентовъ за обученіе.

3) Сверхъ того, чтобы устранить отъ поступленія въ университетъ молодыхъ людей, не получившихъ въ домахъ бѣдныхъ и низкаго происхожденія родителей никакого наружнаго образованія и невознаграждающихъ сей недостатокъ отличными способностями, постановить правиломъ, чтобы желающіе вступить въ Университетъ подавали прошенія о томъ и документы лично вашему сіятельству, дабы, по совѣщанію съ г. ректоромъ Университета, вы могли всегда, подъ благовиднымъ предлогомъ, устранить отъ вступленія въ Университетъ тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые не выкупятъ недостатковъ наружнаго образованія отличными способностями. Впрочемъ, эта мѣра, принимаемая во всякомъ случаѣ съ крайнею осмотритель-

---

[1]) Въ то время университетское зданіе не было еще окончено, и казеннокоштные студенты помѣщались въ наемномъ домѣ.

ностію, не должна быть извѣстна никому, кромѣ васъ и ректора Университета.

Наконецъ, я покорнѣйше прошу ваше с—ство поставить на видъ Совѣту Университета св. Владиміра, коего члены вполнѣ заслуживаютъ мою благодарность за рачительное и благородное исполненіе всѣхъ своихъ обязанностей, что, при соблюденіи совершенной справедливости, при пріемѣ студентовъ необходимо нужно обращать нѣкоторое вниманіе какъ на происхожденіе молодыхъ людей, посвящающихъ себя высшимъ учебнымъ занятіямъ, такъ и на открывающуюся предъ ними будущность. Если, съ одной стороны, просторное развитіе умственныхъ способностей приноситъ несомнѣнную пользу, то съ другой—это развитіе должно быть соразмѣряемо съ будущимъ назначеніемъ въ жизни гражданской. Хотя по сему предмету трудно положить рѣшительную границу, постановивъ твердое правило, но не менѣе того можно и слѣдуетъ руководствоваться соображеніемъ, что, при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое приложеніе коихъ впослѣдствіи весьма часто, не подтверждаясь успѣхомъ, обманываетъ надежды недостаточныхъ родителей и мечтательное ожиданіе юношей.

О всѣхъ сихъ распоряженіяхъ и наставленіи я предоставляю себѣ довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества.

Министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ.

Кіевъ, 21 октября, 1840 года [1]).

Послѣ этого въ Кіевскомъ Университетѣ дѣйствительно стали устраивать танцовальные и музыкальные вечера и завели преподаваніе танцевъ, фехтованія и верховой ѣзды, продолжавшееся до 1863 года, когда студенты-поляки, во главѣ съ учителемъ, прямо изъ манежа отправились «въ рухавку»; личная явка кандидатовъ въ студенты къ попечителю также продолжалась до введенія Университ. устава 1864 г.

Нельзя не замѣтить, какъ странно звучитъ въ устахъ просвѣщеннѣйшаго изъ министровъ фраза о «чрезмѣрномъ» стремленіи

---

[1]) Копія этого „предложенія“ отыскана въ бумагахъ бывшаго ректора Кіевскаго Ун—та Н. Д. Иванишева.

къ высшему образованію, сказанная въ такое время, когда Россія болѣе всего терпѣла отъ повальнаго невѣжества, когда въ судѣ, въ администраціи, во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія съ трудомъ можно было встрѣтить человѣка, прошедшаго университетскую школу, и когда именно вслѣдствіе этого всюду царила «чорная неправда», хищеніе и предательство.

О. Л.

Ланкастерская школа въ м. Городищѣ, черкасскаго уѣзда, въ 1840 г. Въ одномъ судебномъ дѣлѣ 1839-го года намъ пришлось случайно встрѣтить слѣдующее указаніе объ этой школѣ. Въ означенномъ году было возбуждено противъ ея учителя, исключеннаго изъ семинаріи, Ив. Гулака-Артемовскаго, обвиненіе въ безнравственныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ ученикамъ. Мѣстная административная власть прежде всего поинтересовалась узнать: въ чьемъ вѣдѣніи находится означенная ланкастерская школа и отъ кого зависѣло назначеніе Гулака-Артемовскаго на учительскую должность въ ней? На запросъ объ этомъ, посланный въ управленіе Кіевскаго учебнаго округа, послѣдовалъ отвѣтъ, что въ м. Городищѣ нѣтъ никакого училища, подвѣдомаго учебному округу, а «вѣроятно, въ этомъ мѣстечкѣ существуетъ духовное училище». Но духовное вѣдомство также отреклось отъ этой школы, и наконецъ черкасскій земскій исправникъ добылъ на мѣстѣ слѣдующія о ней свѣдѣнія: «Черкасскаго уѣзда въ м. Городищахъ школа взаимнаго обученія по методѣ Ланкастера заведена и существуетъ съ 1822-го года съ Высочайшаго соизволенія, исходатайствованнаго владѣльцемъ того имѣнія генералъ-адъютантомъ Михайломъ Семеновичемъ графомъ Воронцовымъ, единственно въ цѣляхъ успособленія (sic) крестьянскихъ дѣтей къ писарскимъ должностямъ для экономическаго употребленія, для каковаго обученія отъ бывшаго министромъ просвѣщенія князя Голицына, по сношенію графа Воронцова, были присланы печатныя учебныя таблицы, каковыя и въ послѣдствіи времени, по мѣрѣ надобности въ перемѣнѣ, высылались. Нынѣ въ наличности въ сей школѣ 30 учениковъ находится. Опредѣленіе въ помянутую школу учителя и увольненіе зависитъ отъ распоряженія самого владѣльца,

графа Воронцова, чрезъ главно-управляющаго имѣніемъ его, отставного гвардіи полковника Ягницкаго». Изъ другихъ свѣдѣній, находящихся въ дѣлѣ видно, что въ составѣ учащихся въ Городищенской школѣ было 16 крестьянскихъ мальчиковъ, а остальные—дѣти оффиціантовъ и частныхъ лицъ, въ томъ числѣ даже дѣти дворянъ.—По рѣшенію суда, въ числѣ другихъ участниковъ дѣла, былъ приговоренъ къ денежному штрафу и главноуправляющій, полковникъ Ягницкій, за то, что «принялъ въ Городищское ланкастерское училище Гулака-Артемовскаго учителемъ безъ всякаго свидѣтельства на право обученія дѣтей и удерживалъ его на этой должности болѣе двухъ лѣтъ, когда онъ не имѣлъ даже законнаго письменнаго вида на свободное проживательство и долженъ былъ, за увольненіемъ его изъ духовнаго вѣдомства, избрать родъ жизни.—На мѣсто осужденнаго Гулака-Артемовскаго, въ 1840 году учителемъ ланкастерской школы былъ приглашенъ Ягницкимъ мѣстный священникъ «изъ ученыхъ» Гр. Левицкій.

Изъ помѣщенной въ «Кіев. Старинѣ» записки И. Р. Мартоса о ланкастерскомъ училищѣ въ Кіевѣ (около 1820 г.) видно, что именно здѣсь впервые примѣненъ былъ этотъ методъ обученія по инициативѣ извѣстныхъ генераловъ Н. Н. Раевскаго и М. Ф. Орлова, что сюда присылались изъ разныхъ мѣстъ ученики, становившіеся потомъ учителями подобныхъ школъ въ Москвѣ, Могилевѣ, Херсонѣ и другихъ городахъ. Въ частности, въ запискѣ этой есть указаніе и на участіе графа Воронцова въ дѣлѣ примѣненія въ Россіи Ланкастерскаго метода обученія. «Наука сія, говоритъ Мартосъ, сначала заключалась въ однихъ рукописныхъ переводахъ (съ французскаго), а послѣ того получены (въ Кіевѣ) изъ корпуса генерала графа Воронцова новыя книги со всѣми таблицами, на русской языкъ переложенными и напечатанными въ крѣпости Мобежъ, въ 1817 г.» Не удивительно, что графъ Воронцовъ основалъ такую школу въ своемъ имѣніи, въ черкасск. уѣздѣ. Можно думать, что подобныя училища существовали и въ другихъ мѣстахъ нашего края. Мартосъ въ означенной запискѣ настойчиво рекомендовалъ «способъ взаимнаго обученія, какъ самый выгодный для преподаванія начальныхъ наукъ въ народныхъ школахъ по казеннымъ и владѣльческимъ селеніямъ». «Теперь, говорилъ онъ, наступило благопріятное время для благонамѣренныхъ помѣщиковъ, кои расположены доставить своимъ крестьянамъ образованіе, приличное состоянію землепахарей, бывъ

удостовѣряемы ежедневными опытами, что съ образованнымъ селяниномъ несравненно спокойнѣе и выгоднѣе имѣть всякое хозяйственное дѣло, нежели съ неполучившимъ онаго».

Какъ матеріалъ для исторіи крестьянскаго образованія въ нашемъ краѣ въ 1-й половинѣ XIX в., всякія указанія о существованіи школъ, въ родѣ Городищской, весьма цѣнны, и было бы желательно имѣть побольше такихъ указаній.

О. Л.

Николай Яковлевичъ Тарновскій. (*Некрологъ*). 11 сентября въ с. Пекаряхъ, черкасскаго у., скончался Н. Я. Тарновскій. Послѣдніе годы своей жизни покойный посвятилъ изученію и собиранію памятниковъ мѣстной старины, главнымъ образомъ доисторической. 3 года тому назадъ покойный поселился въ с. Тростянцѣ, каневскаго у., и вплоть до весны 1898 г. ежегодно, въ теченіе лѣта, предпринималъ раскопки. Та часть каневскаго у., гдѣ находится с. Тростянецъ, изобилуетъ всякаго рода остатками старины: почти на каждомъ шагу встрѣчаются городища, курганы, вся почва напитана различнаго рода обломками былой жизни. Это обиліе памятниковъ древности какъ-бы напрашивается на изученіе, помимо воли вызываетъ интересъ къ себѣ. Н. Я. Тарновскій, обладавшій живымъ, отзывчивымъ характеромъ, поддался этому влеченію и съ поразительной энергіей принялся за дѣло, хотя и новое для него, но которымъ онъ серьезно заинтересовался, которое полюбилъ. Свои изслѣдованія покойный обратилъ главнымъ образомъ на курганы: уже одинъ списокъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ были сдѣланы раскопки, можетъ наглядно показать, насколько интенсивно онѣ производились; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками дневниковъ раскопокъ и перечисляемъ эти мѣстности со словъ лицъ, принимавшихъ участіе въ роскопкахъ, именно, намъ называли слѣдующія села, у которыхъ были раскопаны курганы: Тростянецъ, Лазурцы, Грищенцы Пищальники, Николаевка, Потоки (мѣсто рожденія покойнаго), Ковали, Пекари, Хмельна, Ромашки; села эти лежатъ главнымъ образомъ въ каневскомъ у. и частью въ граничащемъ съ нимъ черкасскомъ у; кромѣ того, вниманіе покойнаго привлекли и нѣкоторыя

интересныя въ археологическомъ отношеніи мѣстности, находящіяся по другую сторону Днѣпра, въ золотоношскомъ у. полтавской губ.; такъ напр., здѣсь были произведены пробныя раскопки городища у с. Лѣплявого, повидимому представляющаго большой интересъ. Раскопки другихъ городищъ также носили пробный характеръ, но и онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ какъ служатъ руководящей нитью для послѣдующихъ изслѣдованій, давая указанія на то, съ какой эпохой въ каждомъ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло. Городищъ обслѣдовано покойнымъ также не мало; упомянемъ лишь тѣ, о которыхъ имѣемъ свѣдѣнія: вышеупомянутое городище у с. Лѣплявого, городокъ у. Сахновки подъ названіемъ «Дивыця», «замковище» у с. Капоночи, городища у с. Бабичей, у д. Хмельной и наконецъ извѣстное городище, служащее неисчерпаемымъ источникомъ находокъ древностей,—«Княжа гора» у с. Пекарей. Помимо раскопокъ, покойный интересовался и случайными находками; эти послѣднія очень часто служатъ поводомъ къ открытію очень цѣнныхъ въ научномъ отношеніи фактовъ и, во всякомъ случаѣ, пренебрегать ими никогда не слѣдуетъ; среди мѣстныхъ крестьянъ Н. Я. Тарновскій нашелъ усердныхъ помощниковъ въ этомъ отношеніи при ихъ посредствѣ въ его коллекцію поступила не одна сотня цѣнныхъ предметовъ. Какъ результатъ раскопокъ кургановъ и городищъ и случайныхъ пріобрѣтеній, образовалась обширная коллекція въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ различныхъ предметовъ древности. Послѣднее время покойный усиленно занимался приведеніемъ ея въ порядокъ и составленіемъ каталога; большая часть коллекціи и приведена въ образцовый порядокъ—нужно только удивляться той массѣ терпѣнія и труда, какая была потрачена на такое кропотливое дѣло. Къ сожалѣнію, покойному не удалось вполнѣ его закончить весной этого года:—во время раскопокъ, онъ захворалъ, болѣзнь приняла серьезный характеръ—и человѣка, полнаго силъ и энергіи, не стало. Во время болѣзни покойный не переставалъ интересоваться любимымъ дѣломъ—до послѣднихъ дней жизни онъ принималъ крестьянъ, приносившихъ древности, разбиралъ въ своей коллекціи; чувствуя, что болѣзнь становится очень серьезной, и желая, чтобы труды нѣсколькихъ лѣтъ его жизни не пропали даромъ, чтобы объ этой прожитой жизни осталось воспоминаніе), покойный сдѣлалъ распоряженіе, коимъ передавалъ все имъ собранное въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи,

правда благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, распоряженіе это не было оформлено, но покойный надѣялся на людскую совѣсть. Надеждамъ не суждено было сбыться: немногимъ болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти покойнаго, въ Кіевѣ, на грязномъ задворкѣ можно было видѣть, какъ продавалось съ молотка то, что такъ любилъ покойный, что составляло смыслъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, что должно было сохранить о немъ память. Большинство предметовъ коллекціи было раскуплено торговцами древностей, и эту часть коллекціи можно считать почти совершенно погибшей для науки; только незначительная сравнительно часть попала въ частныя собранія, гдѣ также судьбу ея нельзя считать вполнѣ обезпеченной и лишь всего нѣсколько десятковъ предметовъ нашло себѣ надлежащее мѣсто въ общественныхъ музеяхъ г. Кіева. Среди бумагъ покойнаго остались дневники его раскопокъ и каталогъ коллекціи; намъ кажется, что опубликованіемъ изъ нихъ того, что имѣетъ научный интересъ, лица, которымъ дорога память покойнаго, сдѣлали бы дѣло, достойное этой памяти.

Н. Б.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники *(Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія). Томъ II. С. Голубева. Кіевъ, 1898. (стр. VII+VI+524+12+4+498). Цѣна 6 руб.*

Авторъ этой капитальной книги давно уже пользуется заслуженною репутаціею лучшаго знатока исторіи западно-русской церкви. Болѣе четверти вѣка онъ съ рѣдкою энергіею и постоянствомъ посвящаетъ свои силы разысканіямъ, критическому изученію и изданію новыхъ историческихъ матеріаловъ, находимыхъ имъ не только въ общедоступныхъ хранилищахъ (русскихъ и заграничныхъ), но и въ такихъ малодоступныхъ и рѣдко кому извѣстныхъ мѣстахъ, какъ монастырскіе подвалы и чердаки, откуда нерѣдко удавалось ему извлекать весьма цѣнные памятники и документы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обладая критическимъ умомъ и пройдя превосходную историческую школу подъ руководствомъ такого талантливаго учителя, какимъ былъ незабвенной памяти профессоръ Ф. А. Терновскій, г. Голубевъ уже въ первыхъ печатныхъ своихъ работахъ, посвященныхъ западно-русской исторіи, обнаружилъ признаки недюжиннаго дарованія, широту мысли, глубину анализа и вполнѣ научное безпристрастіе. Безъ сомнѣнія, наиболѣе цѣннымъ въ научномъ отношеніи трудомъ его является капитальная монографія о Петрѣ Могилѣ, первый томъ которой вышелъ въ свѣтъ еще въ 1883-мъ году. Личность и эпоха этого великаго историческаго дѣятеля давно привлекали къ себѣ вниманіе историковъ; но мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что только въ трудѣ проф. Голубева онѣ получаютъ настоящее, всестороннее

вполнѣ научное освѣщеніе. Никто еще изъ историковъ такъ не спеціализировался въ этой области, какъ г. Голубевъ, посвятившій на ея изученіе болѣе двадцати лѣтъ; никто не приступалъ къ ея изображенію съ такою громадною эрудиціею, съ такимъ богатымъ запасомъ новыхъ, еще никому невѣдомыхъ матеріаловъ. Достаточно напомнить, что въ приложеніяхъ къ двумъ доселѣ вышедшимъ томамъ своей монографіи г. Голубевъ напечаталъ 185 вновь разысканныхъ памятниковъ и документовъ, относящихся къ изучаемой имъ эпохѣ; а сколько такихъ же матеріаловъ помѣщено имъ въ другихъ изданіяхъ! Но, помимо архивовѣдѣнія, г. Голубевъ едва ли имѣетъ соперниковъ и въ другой столь же специальной области—разумѣемъ основательное знакомство съ старопечатною западно-русскою и польскою литературою XVI—XVII столѣтій. Издавна занимаясь изученіемъ (и отчасти изданіемъ) памятниковъ литературной полемики православныхъ южноруссовъ съ латино-уніатами и протестантами, г. Голубевъ по необходимости долженъ былъ знакомиться со всѣми вообще старопечатными книгами и брошюрами, разсѣянными по разнымъ, нерѣдко малодоступнымъ, библіотекамъ и книгохранилищамъ, въ Россіи и заграницей. Это дѣло крайне трудное и кропотливое, но безъ него невозможно детальное изученіе эпохи, ибо въ иномъ посвятительномъ предисловіи къ богослужебной книгѣ, въ надгробномъ словѣ или жалобныхъ виршахъ по поводу смерти извѣстнаго лица, въ разнаго рода панегирикахъ и тому подобныхъ летучихъ листкахъ нерѣдко можно встрѣтить чрезвычайно цѣнныя историческія указанія, какихъ не найти въ другихъ источникахъ. Г. Голубевъ въ обоихъ томахъ своей монографіи о П. Могилѣ широко (какъ никто доселѣ) воспользовался старопечатнымъ матеріаломъ, и это дало ему возможность ярко освѣтить многіе историческіе факты и явленія, остававшіеся до сихъ поръ недостаточно выясненными, и окончательно рѣшить нѣкоторыя недоумѣнія и загадки; а тѣ многочисленныя выписки изъ рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ и брошюръ, какія онъ включилъ въ приложенія къ своимъ книгамъ, съ признательностью будутъ использованы будущими изслѣдователями.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перейдемъ къ детальному ознакомленію съ вновь вышедшимъ въ свѣтъ вторымъ томомъ монографіи г. Голубева. Какъ и предыдущій томъ, онъ распадается на двѣ части: изслѣдованіе, заключающее въ себѣ пять обширныхъ главъ (стран. 1—524), и приложенія, занимающія 498 страницъ. Такимъ

образомъ вся книга содержитъ въ себѣ болѣе тысячи страницъ довольно убористаго шрифта. Этому изъ ряда выходящему внѣшнему размѣру книги соотвѣтствуетъ ея внутреннее содержаніе.

Начнемъ съ изслѣдованія. Оно посвящено обзору важнѣйшихъ (но не всѣхъ) сторонъ жизни и дѣятельности П. Могилы уже въ санѣ митрополита. Въ первой главѣ излагается весьма подробно извѣстное столкновеніе П. Могилы съ его предмѣстникомъ по митрополичьей каѳедрѣ Исаіей Копинскимъ и съ кіево-никольскими монахами. Хотя этотъ эпизодъ былъ разсказанъ въ послѣдней главѣ I-го тома монографіи г. Голубева, но такъ какъ приведенныя тамъ соображенія автора, клонившіяся къ оправданію дѣйствій П. Могилы въ означенномъ столкновеніи, нѣкоторыми критиками (особенно проф. Голубинскимъ) были признаны не вполнѣ убѣдительными и вызвали противъ себя возраженія, то г. Голубевъ былъ вынужденъ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса объ устраненіи въ 1632 году прежнихъ южно-русскихъ іерарховъ (съ митрополитомъ Исаіею Копинскимъ во главѣ), посвященныхъ патріархомъ Ѳеофаномъ, и выяснить, почему П. Могила былъ вынужденъ принять извѣстныя крутыя мѣры по отношенію къ Копинскому. Быть можетъ, автору не вполнѣ удалась попытка окончательно реабилитовать память П. Могилы въ этомъ прискорбномъ эпизодѣ, но во всякомъ случаѣ прежнія на него нареканія теперь должны быть или вовсе устранены, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослаблены. Между прочимъ, здѣсь мы встрѣчаемъ указаніе на совершенно новый фактъ—неудавшуюся попытку И. Копинскаго бѣжать въ Москву со своими приверженцами, монахами пограничныхъ монастырей, приведшую къ заточенію его въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.—Вторая глава посвящена изложенію упорной борьбы, какую православнымъ (съ митрополитомъ Могилой во главѣ) пришлось вести на сеймахъ 1633—1646 гг. за фактическое осуществленіе правъ, дарованныхъ имъ извѣстными «статьями успокоенія». Намъ нѣтъ надобности подробно излагать содержаніе этой главы, такъ какъ она цѣликомъ была помѣщена въ нашемъ журналѣ въ видѣ отдѣльной статьи подъ заглавіемъ, «Западно русская церковь при митрополитѣ П. Могилѣ» [1]).—Въ третьей главѣ подробно разсмотрѣны полемическія сочиненія противъ иновѣрцевъ, составленныя во время управленія

[1]) Кіевск. Стар. 1898 г., книги I—VI

кіевскою митрополіею П. Могилы, иногда не безъ личнаго его участія, именно: 1) Exegesis, Сильв. Коссова (крайне рѣдкая брошюра); 2) Paterikon, его же; 3) *Тератургима*, Аѳан. Кальнофойскаго; 4) Jndicium, рукописное сочиненіе, составленное въ 1638 г. однимъ изъ иноковъ Винницкаго монастыря и вмѣстѣ преподавателемъ тамошней православной коллегіи, и 5) *Лиѳосъ*, а параллельно съ нимъ и то уніатское сочиненіе (*Перспектива*, Кас. Саковича), которымъ эта книга была вызвана. Мы придаемъ особенную цѣну обозрѣнію первыхъ четырехъ сочиненій, какъ весьма рѣдкихъ или даже (рукописное Jndicium) вовсе неизвѣстныхъ; что же касается Лиѳоса и Перспективы, то страницы 320—402, трактующія объ этихъ книгахъ, представляютъ почти дословную перепечатку предисловія къ 9-му тому 1 й части «Архива Югозападной Россіи» (гдѣ переизданъ *Лиѳосъ*, подъ редакціей г. Голубева).—Въ четвертой главѣ изложена дѣятельность П. Могилы по возобновленію кіевскихъ церквей: Софійской, Десятинной, Васильевской, Спаса на Берестовѣ и Михайловской въ Выдубицкомъ монастырѣ; здѣсь же изложена и их предшествующая судьба, со времени основанія каждой. Хотя исторія древнихъ храмовъ уже достаточно разработана въ спеціальныхъ трудахъ другихъ историковъ, но въ изслѣдованіи г. Голубева читатель встрѣтитъ по мѣстамъ весьма цѣнныя поправки и дополненія.—Послѣдняя глава монографіи посвящена обзору дѣятельности П. Могилы, направленной къ искорененію нестроеній въ западно-русской церкви. Здѣсь, преимущественно на основаніи вновь открытыхъ данныхъ, подробно разсказывается о томъ, какъ митрополитъ Могила энергично искоренялъ въ церкви двоеженство (т. е. второбрачіе) священниковъ, заботился о замѣщеніи церковныхъ должностей достойными и подготовленными пастырями, организовалъ церковно-административный надзоръ и управленіе, созывалъ соборы, лично объѣзжалъ епархіи, боролся за прерогативы своей власти съ автономными братствами и непослушными епископами и стремился ограничить злоупотребленія свѣтскихъ патроновъ. Вообще это одна изъ самыхъ интересныхъ главъ, ярко рисующая церковно-реформаторскую дѣятельность П. Могилы.

Мы обозначили, конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе монографіи. Но, кромѣ основной темы—дѣятельности П. Могилы, автору постоянно приходится касаться безчисленнаго ряда фактовъ и явленій, относящихся къ области не одной церковной,

но и политической, учено-литературной, бытовой и др. сторонъ тогдашней жизни, и онъ, съ свойственной ему точностью и обстоятельностью, по каждому, хотя бы и мелочному, вопросу представляетъ (иногда въ текстѣ, а чаще подъ строкой) настоящій ученый трактатъ. Нечего и говорить, что личность и дѣятельность не только главныхъ сподвижниковъ Могилы, но и самыхъ малозначительныхъ дѣятелей той эпохи очерчены съ такою полнотой (съ подробными указаніями на литературу и специальные источники), что приходится только удивляться трудолюбію и эрудиціи автора и, въ случаѣ надобности, съ признательностью пользоваться его указаніями. Наконецъ, какъ и всякому изслѣдователю въ малоразработанной области, автору приходится почти на каждомъ шагу подвергать критическому анализу мнѣнія предшествующихъ историковъ, вносить существенныя поправки къ ихъ домысламъ или вовсе отвергать ихъ, что, естествено, вынуждаетъ его дѣлать частыя отступленія и значительно увеличиваетъ размѣры его труда. Въ этомъ и заключается одна изъ причинъ, почему изслѣдованіе, посвященное обзору лишь нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности П. Могилы, разрослось до такого поразительнаго объема. Тутъ дѣло не въ излишествахъ изложенія, а болѣе всего—въ необыкновенномъ изобиліи накопленныхъ авторомъ фактовъ, которые еще не вошли въ историческій обиходъ и которымъ поэтому надо было дать мѣсто въ изложеніи. И нужно отдать справедливость таланту автора: онъ весьма умѣло и искусно оперируетъ надъ этимъ громаднымъ и разнообразнымъ запасомъ, способнымъ подавить менѣе опытнаго изслѣдователя. Широкою кистью рисуетъ онъ извѣстный историческій фактъ или явленіе, изслѣдуя самыя мелочныя его детали, подтверждая каждое положеніе рядомъ доказательствъ; но это обиліе подробностей не загромождаетъ изложенія и не утомляетъ вниманіе читателя, такъ какъ авторъ умѣетъ, постоянно поддерживать въ немъ интересъ къ предмету своей рѣчи и не дозволяетъ ему ни на минуту выпустить изъ вида ту конечную мысль, тотъ синтетическій выводъ, ради котораго приводится въ движеніе весь этотъ арсеналъ фактовъ и соображеній.

Въ приложеніяхъ ко II тому монографіи г. Голубева помѣщено 85 номеровъ историческихъ пьесъ (83 документа и 2 старопечатныя брошюры), относящихся по времени къ 1632—1647 годамъ и извлеченныхъ изъ архивовъ и биліотекъ: кіевскихъ, петербургскихъ, московскихъ, виленскихъ, холмскихъ, львовскихъ, краковскихъ и др.

Собственно говоря, въ этомъ объемистомъ сборникѣ историческихъ матеріаловъ, составляющемъ свыше 30-ти печатныхъ листовъ, число отдѣльныхъ памятниковъ не 85, а гораздо больше, что зависитъ отъ особой системы изданія матеріаловъ, практикуемой г. Голубевымъ. Дѣло въ томъ, что онъ не ограничивается напечатаніемъ лишь текста документа, какъ то у насъ обычно дѣлается, но сопровождаетъ почти каждый документъ обстоятельными примѣчаніями, въ которыхъ указывается, что новаго въ науку онъ привноситъ, отмѣчаются однородные съ нимъ по содержанію памятники, его дополняющіе или уясняющіе, разрѣшаются разныя недоумѣнія, иногда неизбѣжно возникающія при печатаніи новыхъ матеріаловъ, дѣлаются разныя исправленія на основаніи вновь обнародованныхъ данныхъ, опредѣляется дата памятника (буде она не выставлена), имя составителя (если оно не означено) и т. под. Иногда эти примѣчанія имѣютъ видъ небольшихъ изслѣдованій о документѣ или по поводу его, или же представляютъ сводъ извѣстій, уясняющихъ и дополняющихъ сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія обширными выписками изъ другихъ, необнародованныхъ документовъ и рѣдкихъ старопечатныхъ изданій. Чтобы дать читателю конкретное понятіе о практикуемой г. Голубевымъ системѣ изданія матеріаловъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ его же книги. Подъ № IX напечатано письмо инока Скитской обители Леонтія къ одному львовскому мѣщанину, 1633 года. Въ примѣчаніи къ нему сначала приводятся краткія историческія свѣдѣнія о Маняво-Скитской обители и ея основателѣ Іовѣ Княгининскомъ (съ подробнымъ указаніемъ источниковъ о той и другомъ); затѣмъ, по поводу упоминанія въ письмѣ о «блаженной памяти великомъ старцѣ Іоаннѣ Вишенскомъ» и его письмахъ къ львовскимъ братчикамъ, предлагается цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній по поводу неполнаго и не совсѣмъ вѣрнаго изданія текстовъ сочиненій I. Вишенскаго, приводится подробное описаніе одного галицкаго рукописнаго сборника и рукописей Имп. Публич. Библіот., заключающихъ въ себѣ посланія Вишенскаго; а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ (по поводу невѣрныхъ утвержденій о днѣ смерти князя Константина Константиновича Острожскаго) приведена выписка изъ Часослова, напечатаннаго въ Острогѣ въ 1612 году, и тутъ же—обстоятельная справка о случаяхъ долговременнаго непогребенія тѣлъ знатныхъ покойниковъ въ XVII ст. въ южной и зап. Руси.— Подъ № LXXXI напечатанъ Краткій Катехизисъ, изданный въ Кіевѣ въ 1645 году, а въ при-

мѣчаніяхъ мы находимъ цѣлое изслѣдованіе объ этомъ важномъ памятникѣ, съ подробнымъ и весьма тщательнымъ сличеніемъ текстовъ (южно-русскаго и польскаго) и изданій: кіевскаго, львовскаго и московскаго. Подъ № LXXX напечатана небольшая «протестація» дерманскаго архимандрита Яна Дубовича на м. Петра Могилу по поводу изданія послѣднимъ книги «Лиѳосъ» и сдѣланной въ ней несправедливой ссылки на несуществующее сочиненіе протестующаго, а въ примѣчаніи приведена выписка того мѣста изъ «Лиѳоса», которое вызвало жалобу Дубовича, затѣмъ слѣдуютъ длинныя выдержки изъ сочин. Саковича «Перспективы» (вызвавшей появленіе «Лиѳоса»), его замѣчаній на «Лиѳосъ» и наконецъ—подробный перечень сочиненій Дубовича съ изложеніемъ ихъ содержанія и выписками изъ нихъ.— Всякому понятно, что подобная система изданія памятниковъ представляетъ трудъ нелегкій и кропотливый: легче и удобнѣе печатать документы, нежели подвергать ихъ подробному изученію и прилагать къ нимъ цѣлыя изслѣдованія; но нельзя не признать, что это и есть настоящее *ученое* изданіе историческихъ матеріаловъ, и его можно лишь рекомендовать, какъ образецъ, нашимъ археографическимъ изданіямъ.

Конечно, въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, возможны увлеченія и излишества. Не чуждъ ихъ и нашъ почтенный комментаторъ; наприм., въ только что пересказанномъ примѣчаніи къ документу № LXXX выписки изъ «Перспективы» Саковича и его замѣчанія на «Лиѳосъ» совсѣмъ не нужны, и не потому только, что онѣ впослѣдствіи полностью были напечатаны г. Голубевымъ въ другомъ изданіи; на стр. 476—477 приложеній почти цѣликомъ передается (по-русски) текстъ двухъ грамотъ П. Могилы, касающихся львовскаго типографа Слезки, а на 487 и 489 стран. помѣщены подлинные тексты тѣхъ же грамотъ. Можно было бы привести и еще нѣсколько примѣровъ подобныхъ излишествъ, но мы и не думаемъ ставить ихъ въ упрекъ г. Голубеву. Весьма естественно, что, при значительномъ объемѣ книги и продолжительности ея печатанія, автору весьма трудно было уберечься отъ кое-какихъ недосмотровъ. Къ числу ихъ можно отнести, напр., и то, что въ оглавленіи XII номера приложеній Іосифъ Мокосій-Баковецкій ошибочно названъ «латинскимъ бискупомъ», тогда какъ онъ былъ уніатскимъ епископомъ, и далѣе, въ № XXX, онъ такъ и титулуется. Подъ документомъ № LXXVI не означено, откуда онъ заимствованъ. Нѣкоторые

документы (напр. № I, VII) взяты изъ «рукописнаго сборника, принадлежавшаго М. А. Максимовичу», но, вопреки обычной аккуратности и точности издателя, не пояснено, что это за сборникъ и гдѣ онъ нынѣ находится. Изъ этого сборника г. Голубевъ заимствовалъ и нѣкоторые документы, вошедшіе въ приложенія къ 1-му тому его монографіи, но въ то время онъ не имѣлъ въ рукахъ самой рукописи; теперь же, какъ видно изъ его объясненій (на стр. 2 и 27 приложеній къ II тому), онъ пользовался ею непосредственно, но почему-то не далъ читателю указаній, что это за рукопись и гдѣ ее слѣдуетъ искать. Наконецъ, въ изслѣдованіи нужно было бы отмѣтить, что II глава цѣликомъ была помѣщена, въ видѣ отдѣльной статьи, въ «Кіевской Старинѣ».

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны заявить, что считаемъ книгу г. Голубева драгоцѣннымъ вкладомъ въ историческую науку, вообще небогатую капитальными изслѣдованіями по вопросамъ западно-русской исторіи, и можемъ лишь искренно пожелать почтенному автору поскорѣе довести до конца послѣдній томъ своей монографіи и тѣмъ достойно завершить многолѣтвій, прекрасный трудъ.

О. Л.

Соборъ Св. Владиміра въ Кіевѣ. *Изданіе С. В. Кульженко, въ Кіевѣ.* Сто пять иллюстрацій въ текстѣ и сорокъ двѣ иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ.

Прекрасное изданіе г. Кульженко стоитъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ въ нашемъ журналѣ. Г. Кульженко предпринялъ уже второе роскошное изданіе, касающееся Кіева, считая «Кіевъ теперь и прежде». Какъ только что упомянутое изданіе, такъ и теперь появившееся, съ художественной стороны не оставляютъ желать ничего лучшаго, но со стороны текста и первое (отзывъ о немъ былъ въ Кіевской Старинѣ) и второе не вполнѣ соотвѣтствуютъ ни цѣли изданія, ни его художественности. Художественная сторона не подлежитъ нашему вѣдѣнію. Скажу только, что въ альбомѣ «Соборъ Св. Владиміра» мы найдемъ изображенія всѣхъ выдающихся картинъ Васнецова, Каторбинскаго, Свѣдомскаго, Нестерова. Что касается отдѣльныхъ изображеній Святыхъ, то въ альбомъ попали не всѣ. Всѣхъ

отдѣльныхъ изображеній помѣщено около 30, но это число далеко не равно числу всѣхъ изображеній, находящихся въ Соборѣ Св. Владиміра. Мы можемъ указать въ числѣ пропущенныхъ, напр., такія изображенія: Николы Святоши, Авраамія Смоленскаго, Евфросиніи Суздальской, Довмонта Псковскаго, Петра и Февроніи Муромскихъ, Нифонта Новгородскаго и др. Чѣмъ руководились составители Альбома при выборѣ изображеній, сказать трудно. Можно было бы подумать, что имѣлось въ виду помѣстить въ Альбомѣ только Святыхъ южной Руси, но это предположеніе уничтожается тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ текстѣ, и въ живописи не забыты Прокопій Устюжскій, Андрей Боголюбскій. Или можетъ быть, было желаніе дать изображенія только Святыхъ древнѣйшаго періода Русской церкви, но и это предположеніе разбивается, такъ какъ мы находимъ въ Альбомѣ изображеніе Св. Евдокіи, Св. Филиппа, Митрополита Московскаго. Такимъ образомъ, ни хронологическій, ни территоріальный принципъ не руководили составителями Альбома. Угадать этотъ руководящій принципъ мы не беремся, а неполнота Альбома все-таки остается. Мы думаемъ, что эту полноту въ слѣдующихъ изданіяхъ пополнить не трудно Если-же это повело-бы къ увеличенію цѣны Альбома, если, въ силу чисто матеріальныхъ соображеній, нельзя помѣстить всѣхъ произведеній живописи, то въ такомъ случаѣ приходится сдѣлать выборъ, но онъ необходимо долженъ опираться на какой-нибудь опредѣленный принципъ. Гораздо труднѣе исправить недостатки текста. Къ нему мы теперь и перейдемъ. Текстъ Альбома заключаетъ въ себѣ три части: 1) исторія постройки Собора, 2) живопись и 3) орнаментъ Собора. Издатель сдѣлалъ указаніе, что статьи о живописи принадлежатъ г. В. Г. М.. Мы не будемъ касаться всего того, что говоритъ г. В. Г. М. о живописи Собора въ художественномъ отношеніи: въ искусствѣ мы положительно некомпетентны, а потому судить о правильности или неправильности воззрѣній автора предоставляемъ другимъ. Мы считаемъ себя въ правѣ остановиться на историческихъ утвержденіяхъ неизвѣстнаго автора. Въ изданіяхъ, подобныхъ настоящему, нельзя допускать небрежностей, а между тѣмъ нѣкоторые промахи въ текстѣ могутъ быть объяснимы именно ею. Напр.: на стр. 40 находимъ «Іосифъ *Полоцкій*» вмѣсто «Іосифъ *Волоцкій*»; «Никола Столпникъ»,—тутъ авторъ хотѣлъ поставить или «Никола Святоша» или «Никита Столпникъ», такъ какъ Николы Столпника не было и въ Соборѣ такого не существуетъ, а былъ

Никола Святоша (сынъ Давида, кн. Черниговскаго, ум. 1143 г.) или Никита Столпникъ (Переяславскій), ум. 1186 г.. Изображенія обоихъ есть въ Соборѣ (Николы Святоши внизу, а Никиты Столпника—на хорахъ). Св. Стефанъ, Апостолъ Пермскій, названъ у автора Великомученникомъ (стр. 55), между тѣмъ какъ Святой Стефанъ умеръ въ Москвѣ, пріѣхавъ изъ своей епархіи по дѣламъ, по указанію Житія, въ 6904 г., т. е., въ 1396 году. «Прилучися ему въ ты дни пріѣхати на Москву къ Купріану Митрополиту....» «И тогда приключися емоу на Москвѣ николико дній поболѣвшоу и преставися...» Кончина Святаго епископа была покойная, и онъ до послѣдней минуты бесѣдовалъ съ окружающими. (Житіе Святаго Стефана, епископа Пермскаго, написанное Епифаніемъ Премудрымъ. Изд. Археогр коммиссіи. Спб. 1897 г., стр. 82—85). Вотъ цитаты изъ несомнѣнно вѣрнаго источника. Откуда взялъ авторъ свое утвержденіе, мы положительно не знаемъ. Все это случайные промахи, свидѣтельствующіе только объ одномъ, что авторъ недостаточно внимательно относился къ своей работѣ. Но есть неточности, которыя заставляютъ упрекнуть автора въ слабомъ знакомствѣ съ историческими источниками. Откуда авторъ взялъ, что Св. Борисъ и Глѣбъ оба были убиты на Альтѣ? Глѣбъ былъ убитъ около Смоленска, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ сказаніе Іакова Мниха и Лѣтопись (Сказаніе, изд. Срезневскаго, Спб. 1860 г. стр. 54—60; Ипатьев. Лѣтоп.. стр. 94—95). Но это еще ничего. А вотъ дословная цитата автора: «княгиня Евдокія, дочь Суздальскаго князя, жена великаго князя Дмитрія Ивановича, изображена въ великокняжескомъ русскомъ уборѣ. Молодое лицо ея чисто русскаго типа красоты (?)—печально, въ рукахъ она держитъ четки. Благочестивая княгиня, видѣвшая много горя въ жизни, еще до смерти мужа думала о тишинѣ житія иноческаго. На другой картинѣ мы видимъ ее овдовѣвшей въ сорокалѣтнемъ возрастѣ и принявшей имя Евфросиніи. Ея прежде печальное лицо уже просвѣтлено и спокойно». (Стр. 88). Это интересное мѣсто обнаруживаетъ въ авторѣ замѣчательную смѣлость изложенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно небрежное отношеніе къ дѣлу и, можетъ быть, незнаніе того, о чемъ онъ пишетъ. Уже самое названіе Евфросиніи *Полоцкая* должно было, кажется намъ, остановить автора отъ отождествленія этихъ двухъ личностей: кажется, трудно сдѣлаться изъ *Московской* княгини монахиней *Полоцкой*, тѣмъ болѣе, что въ то время (XIV—XV в.), Полоцкъ принадлежалъ Литовскому Государству. Автору, берясь писать

объ изображеніяхъ Святыхъ, необходимо было, по нашему крайнему разумѣнію, ознакомиться, какъ слѣдуетъ, съ ихъ Житіями, да и вообще съ историческими фактами. Въ Житіи Св. Евфросиніи Полоцкой ясно говорится: «бысть князь въ Полоцку именемъ Всеславъ' сынъ Брячислава, внукъ Изяслава, правнукъ блаженнаго и равноапостольнаго Владиміра. Той-же Всеславъ имяше сыны многи и бѣяше у него сынъ меньшій именемъ Георгій, отъ него-же родись сія блаженная отроковица». (Житіе Преподобныя Евфросиніи, княжны Полотскія. Изд. Сапунова. Витебскъ. 1888 г., стр. 2). Мірское имя ея было Предслава (Ibidem, стр. 3). «И огласивъ ю іерей, и остриже ю, и нарече имя ей Евфросинія, и облече ю въ ризы черныя...» (Ibidem. стр. 5). Изъ упомянутыхъ въ Житіи князей, какъ видно изъ лѣтописи, Брячиславъ умеръ въ 1044 г., сынъ его Всеславъ Брячиславичъ умеръ въ 1101 г. (Ипатьев. Лѣтоп. стр. 181). Сынъ Всеслава Георгій и имѣлъ дочь Предиславу, которая приняла монашество съ именемъ Евфросиніи. Послѣдніе годы ея жизни относятся къ 70 годамъ XII ст. (Житіе, стр. 14; Данилевичъ, «Очеркъ исторіи Полоцкой земли до XIV столѣтія», Кіевъ. 1896 г. стр. 241). Она умерла приблизительно въ 1173 г. въ Палестинѣ, но затѣмъ тѣло ея было перевезено въ Кіевъ, гдѣ и покоится въ пещерахъ Лавры. (Житіе, стр. 18—21; Данилевичъ, «Очеркъ исторіи Полоцкой земли, ibidem). Итакъ время жизни и дѣятельности Св. Евфросиніи Полоцкой относится къ XII в., а между тѣмъ самъ авторъ считаетъ Св. Евдокію женой Дмитрія Донскаго, слѣд. относитъ ея жизнь къ концу XIV в. Умерла эта Св. Евдокія Московская въ 1407 г.. Несомнѣнно авторъ знаетъ, что въ монашествѣ Евдокія получила имя Евфросиніи. Вотъ это-то обстоятельство и еще то, что изображенія княгини Евдокіи и Евфросиніи Полоцкой помѣщены въ Соборѣ одно противъ другого,— это и ввело автора въ заблужденіе, хотя странно, что онъ не прочелъ надписи «Полоцкая», и вслѣдствіе этого вышло, что лицо княгини «печальное» въ XIV—XV ст. «просвѣтлено» и сдѣлалось «спокойнымъ» въ XII ст., т. е., на 200—300 лѣтъ обратно назадъ. Мы остановились на этомъ мѣстѣ сочиненія г. Г. В. М. подробно, потому что считали себя не въ правѣ безъ фактовъ обвинять автора въ такомъ допущенномъ имъ историческомъ абсурдѣ. Въ Соборѣ есть еще изображеніе Св. Евфросиніи *Суздальской*, но предупреждаемъ, что и эта Евфросинія ничего общаго не имѣетъ съ княгиней Московской Евдокіей. Эта Св. Евфросинія Суздальская была дочь Черни-

говскаго князя Михаила, убитаго въ Ордѣ. Называется она Суздальской потому, что постриглась въ Суздалѣ въ Богородицкомъ Разположенскомъ монастырѣ. Какъ видно изъ Житія, вступленіе ея въ монастырь предшествуетъ нашествію Батыя, слѣд. совершилось до 1237 г. (См. великолѣпно изданное «Житіе и Жизнь благовѣрныя великія княжны Евфросиніи Суздальскія», Спб. 1888 г., изд. Общества Любителей древней письменности, фотолитографическимъ способомъ).—Мы думаемъ, что нельзя вводить читателей въ такія заблужденія, какъ указанныя нами выше, что текстъ Альбома какъ можно скорѣе долженъ быть тщательно просмотрѣнъ и вообще переработанъ. Не мѣшало-бы продумать и выборъ изображеній. Съ исправленнымъ текстомъ можно пожелать прекрасному Альбому г. Кульженка самаго широкаго распространенія.

П. Голубовскій.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. XXXIII, выпускъ III. П. Семеновъ. *Характерные выводы изъ первой всеобщей переписи.*

Статья эта, какъ показываетъ ея заглавіе, заключаетъ въ себѣ данныя, добытыя первой всеобщей переписью; изъ нея мы приведемъ то, что касается Малороссіи. Общая цифра населенія Имперіи—129.211.000; количество жителей увеличилось за 50 лѣтъ вдвое; 94 милліона приходится на 50 губерній Европейской Россіи. На черноземной полосѣ, идущей діагональю отъ Подоліи и Бессарабіи до Вятской губ., живетъ 63 милліона т. е. $^{2}/_{3}$, населенія Европейской Россіи. Въ этой полосѣ самое густое населеніе сосредоточивается въ губерніяхъ: Подольской, части Волынской, Кіевской, Полтавской, частью Черниговской, Харьковской, Воронежской, Орловской, Рязанской и Тульской.

Въ Малороссійскихъ губерніяхъ, хотя они были и раньше густо населены, приростъ населенія сравнительно съ центральными великорусскими, за 46 лѣтъ оставался еще значительнымъ. Тогда какъ въ Тульской губ. онъ былъ 30%, Рязанской и Пензенской 40%, Орловской 46%, а въ послѣднее 12 лѣтіе почти прекратился вслѣдствіе выселеній и притягательной силы Москвы,—въ Полтавской за

46 л. достигалъ 67%, Черниговской 69%, Харьковской 82%, Подольской 82%, Волынской 104%, Кіевской 118%. Въ Полтавской губ. приростъ населенія за послѣднія 12 л. уже прекращается, напротивъ появляются выселенія, въ Харьковскую еще переселяются благодаря простору въ юговосточныхъ уѣздахъ (тамъ 37 жит. на квадр. версту) и развитію горнаго промысла. На это же указываетъ преобладаніе мужскаго пола надъ женскимъ (на 100 мужчинъ 98 женщинъ); въ Полтавской, Черниговской и Харьковской губ. число жителей доходитъ до 7.000.000, населеніе Харькова превзошло 170.000. Что касается Юго-Западныхъ губерній, то несмотря на самую значительную въ Европейской Россіи густоту населенія, а именно 70 до 89 жителей на кв. версту въ черноземной части и 37 и 38 въ нечерноземномъ полѣсьѣ, губерніи эти, при ихъ современномъ экономическомъ положеніи, не достигли еще предѣла своей емкости, чѣмъ и объясняется величина прироста въ нихъ населенія, Здѣсь приростъ не уменьшился и за послѣдніе 12 лѣтъ: въ Кіевской и Подольской за это время населеніе увеличилось на 29%, въ Волынской 37%. Почти полное равновѣсіе между мужскимъ и женскимъ поломъ въ Подольской и Кіевской губ. указываетъ на то, что изъ нихъ нѣтъ выселеній, а перевѣсъ мужскаго пола надъ женскимъ въ Волынской губ. (100—98) указываетъ на переселеніе въ губернію, которое шло изъ Австріи. Кіевская, Волынская и Подольская губ. заключаютъ въ себѣ 9.600.000 жителей, а населеніе Кіева дошло до 250.000.

Черноземныя губерніи Новороссійскаго края заключаютъ въ себѣ 11.800.000 жителей. Приростъ населенія въ Бессарабіи съ 1851 г. составлялъ 120% и она уже утратила свой первоначальный характеръ; приростъ за послѣдніе 12 л. началъ уменьшаться, и только преобладаніе мужскаго пола надъ женскимъ (100—95) указываетъ на то, что быстрая колонизація губерніи произошла еще недавно. Перестаетъ быть степной и губернія Херсонская; въ ней за 46 лѣтъ населеніе увеличилось на 207%, за послѣдніе 12 л. приростъ былъ 34%, земля вздорожала до 100 рублей за десятину. Екатеринославская губ. теряетъ также свой степной характеръ, въ ней приростъ за 46 л. 170% и за послѣднее время идетъ съ той же силой, число жителей на кв. версту 38. Таврическая губ. остается еще степной, приростъ 137 проц., и на кв. версту 27 жителей. Приросту населенія Новороссійскаго края способствовалъ также и ростъ

его городовъ, изъ нихъ Одесса имѣетъ болѣе 404.000, Ростовъ съ Нахичеванью 150.000, Екатеринославъ 121.000, Кишиневъ 108.000.

Что касается литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній, то они въ совокупности имѣютъ 9.270.000 жителей. Приростъ населенія здѣсь очень великъ: въ Ковенской губ. 77 проц.; въ остальныхъ болѣе 100 проц., вь Минской 130 проц.; не ослабѣлъ онъ и за послѣднее время. Приростъ здѣсь объясняется выгодными экономическими условіями, въ которыхъ было поставлено населеніе при его освобожденіи въ 1860-хъ годахъ.

Вообще съ 1851 г., когда была сдѣлана добросовѣстная разработка IX ревизіи академикомъ Кеппеномъ, передвиженіе населенія Россіи совершилось въ громадныхъ размѣрахъ и имѣло центробѣжный характеръ.

Наибольше была рождаемость въ нестепной черноземной полосѣ Россіи, въ Московской промысловой области и въ Царствѣ Польскомъ. Но тогда какъ въ Польшѣ и Юго-Западномъ краѣ, благодаря благопріятнымъ экономическимъ и климатическимъ условіямъ приростъ населенія оставался на мѣстѣ, изъ центральныхъ великорусскихъ губ. населеніе стремилось на окраины, увеличивая тамъ ростъ населенія такъ быстро, что Новороссія потеряла степной характеръ, а Сѣверный Кавказъ, Юго-восточное Заволжье и Южная Сибирь дѣлались значительно населенными мѣстностями.

А. Черняховскій.

Иллюстрированный путеводитель по Юго-Западнымъ казен. желѣзн. дорогамъ. *Составленъ по распоряженію начальника Юго-Западныхъ жел. дор. П. А. Андреевымъ.* Кіевъ. 1898. 16-ое, XII и 594 стран. съ приложеніемъ росписанія движенія поѣздовъ, карты Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и плановъ Кіева и Одессы.

Протянувшись на 3 694 версты, Юго-Западныя желѣзныя дороги перерѣзали въ разныхъ направленіяхъ весь Юго-Западный край и большую часть Новороссійскаго края. Проѣзжая по линіямъ этихъ дорогъ, говоритъ авторъ названной книги въ своемъ предисловіи,— «внѣ сомнѣнія, интересно бросить взглядъ какъ на прошлое, такъ и на настоящее проносящихся предъ глазами мѣстностей»,—и ко-

нечно, съ этимъ нельзя не согласиться. Чтобъ удовлетворить этому интересу авторъ поставилъ себѣ задачею «дать проѣзжающимъ по Юго-Западнымъ желѣзнымъ дорогамъ легкій очеркъ мелькающихъ предъ ихъ глазами мѣстностей, отмѣтить встрѣчающіяся по пути достопримѣчательности, указать выдающіеся по красотамъ природы пункты и нѣкоторыя техническія особенности дороги, а равно познакомить въ самыхъ общихъ чертахъ съ мѣстами лечебными, курортами, производительными и потребительными центрами, лежащими въ районѣ ю.-з. дорогъ». Какъ бы ни была выполнена эта задача, но уже самая попытка выполнить ее послѣ того, какъ всѣ издававшіеся до настоящаго времени желѣзно-дорожные путеводители; ничего не давали, кромѣ росписанія движенія поѣздовъ и массы объявленій, заслуживаетъ вниманія, ибо въ высшей степени симпатичною представляется мысль дать лицамъ, проѣзжающимъ по желѣзнымъ дорогамъ и часто не знающимъ, чѣмъ наполнить свое время въ длинныхъ переѣздахъ дороги,—книгу, изъ которой они могли бы ознакомиться съ краемъ, чрезъ который проѣзжаютъ, и попутно, по мѣрѣ проѣзда, получить свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ въ какомъ нибудь отношеніи мѣстахъ, прилегающихъ къ ихъ пути.

Прежде всего авторъ даетъ въ своей книгѣ историческій очеркъ устройства Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и управленія ими; затѣмъ, начиная съ Кіева, описываетъ всѣ желѣзно-дорожныя станціи и тѣ пункты, въ которыхъ эти станціи устроены, а также нѣкоторыя прилегающія къ желѣзнымъ дорогамъ мѣста, причемъ изъ описываемыхъ пунктовъ больше всего удѣляетъ мѣста Одессѣ, послѣ нея—Кіеву, Житоміру и Каменецъ-Подольску. О нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ даетъ краткія историческія свѣдѣнія, не всегда безошибочныя; есть въ книгѣ немножко и этнографіи, но въ крайне ограниченномъ размѣрѣ; болѣе же полны и точны свѣдѣнія, касающіяся промышленности и торговли.

Какъ образчикъ невѣрныхъ свѣдѣній, приведемъ такое сообщеніе. На страницѣ 364 авторъ, говоря о г. Ровно и сообщая, что въ 40-хъ годахъ преподавателемъ исторіи въ Ровенской гимназіи былъ покойный историкъ Н. И. Костомаровъ, вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: «который (т. е. Костомаровъ) однако здѣсь служилъ не долго: его дружба съ Шевченкомъ заставила его одновременно съ другимъ преподавателемъ этой гимназіи Д. Мордовцевымъ оставить здѣсь службу». Сообщеніе это цѣликомъ вымышлено, ибо изъ Ровно Н. И. Косто-

маровъ переселился въ Кіевъ въ своихъ собственныхъ интересахъ и на лучшую должность—учителя первой Кіевской гимназіи, съ которой вслѣдъ за тѣмъ перешелъ на должность профессора, а въ то время, когда жилъ въ Ровно, онъ еще не былъ знакомъ ни съ Т. Г. Шевченкомъ, ни съ Д. Г. Мордовцевымъ, который притомъ никогда не былъ преподавателемъ Ровенской гимназіи; съ Т. Г. Шевченкомъ Костомаровъ познакомился послѣ переѣзда изъ Ровно въ Кіевъ, а съ Д. Л. Мордовцевымъ—еще позже, когда жилъ въ Саратовѣ, и если переселиться изъ Кіева въ Саратовъ ему пришлось не по доброй волѣ, то причиною тому, какъ извѣстно читателямъ Кіевской Старины, была не дружба съ Шевченкомъ, а другія обстоятельства,

Книга издана довольно изящно и украшена 120 иллюстраціями, большая половина которыхъ изображаетъ станціонныя зданія и разныя другія желѣзно-дорожныя сооруженія; небольшое количество снимковъ изображаетъ виды въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, а одинъ изъ нихъ («Ярмарка въ Ясногородкѣ») представлялъ бы и этнографическій интересъ, если бъ не былъ слишкомъ малъ. При значительномъ объемѣ книги и большомъ числѣ иллюстрацій, назначенную за нее цѣну (1 р. 25 коп.) нужно признать умѣренною; и такъ какъ, не смотря на неполноту нѣкоторыхъ свѣдѣній и другіе недостатки, эта книга представляется очень полезною для путешествующихъ по Юго-Западнымъ желѣзнымъ дорогамъ, то можно пожелать ей пополненій и исправленій къ лучшему въ будущихъ изданіяхъ.

Н. Ш.

Dr. Lubar Niederle. *Věstnik slovanských starožitností. Svazek I. Praha. 1898. 135 стр.*

Извѣстный чешскій ученый археологъ и антропологъ д-ръ Любаръ Нидерле предпринялъ съ этого года новое изданіе, заглавіе котораго мы привели выше. Изданіе это предпринято какъ нельзя болѣе кстати: изученіе славянскихъ древностей, въ различныхъ подраздѣленіяхъ ихъ, все больше и больше разростается; растетъ и литература; слѣдить за всѣмъ вновь выходящимъ, имѣть представленіе о характерѣ и научномъ значеніи вновь появляющихся работъ со-

пряжено съ большими трудностями, вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленіе настоящаго изданія. Задача Vestnik'а именно и заключается въ доставленіи возможности лицамъ, спеціально занимающимся тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянскихъ древностей, слѣдить за успѣхами развитія научныхъ изслѣдованій въ области этнологіи, исторіи, лигвистики и т. д., поскольку эти изслѣдованія касаются уясненія темныхъ сторонъ первобытной исторіи славянства.

Настоящій первый выпускъ Vestnik'а заключаетъ въ себѣ обзоръ изданій за 1897 и отчасти 1896 года. Въ краткомъ предисловіи издатель извиняется за несовершенство этого перваго опыта, но дѣлаетъ это совершенно напрасно, обзоръ сравнительно очень полонъ и нужно только удивляться энергіи издателя, привлекшаго къ своему изданію много ученыхъ силъ изъ разныхъ научныхъ центровъ Европы. Обзоры разбиты на спеціальные отдѣлы; характеръ обзоровъ различенъ, въ зависимости отъ характера изданій и статей, о которыхъ идетъ рѣчь: мы здѣсь встрѣчаемъ и библіографическія замѣтки въ нѣсколько строкъ, и обстоятельныя разборы въ нѣсколько страницъ. Оригинальность настоящаго изданія заключается въ томъ, что замѣтки и рецензіи помѣщаются на томъ языкѣ, на какомъ писали ихъ авторы. Веденіе такого изданія, какъ настоящій Vestnik,—дѣло хлопотливое и трудное; чтобы довести его до идеальнаго состоянія, нужна совмѣстная работа многихъ лицъ по различнымъ спеціальностямъ, польза-же его очевидна; поэтому намъ кажется, что призывъ издателя, обращенный къ учрежденіямъ и лицамъ, интересующимся славянскими древностями, долженъ встрѣтить дружный откликъ.

Изданіемъ Vestnik'а обезпечена библіографія вновь появляющихся изданій, касающихся славянскихъ древностей; но давно уже ждетъ своей очереди систематическая библіографія раньше вышедшихъ; ихъ накопилось довольно, и безъ соотвѣтствующаго указателя, въ нихъ трудно разобраться. Не возьметъ-ли на себя почтенный издатель Vestnik'а иниціативу въ составленіи и такого библіографическаго свода?

Н. В.

Slovanský přehled, *ročník I, čislo 2, (Listopad) Sbornik statí, dopisův a správ ze života slovanského.*

Въ предыдущей (11-ой) книжкѣ «Кіевской Старины» мы уже упоминали о выходѣ 1-ой кн. этого симпатичнаго по своему направ-

ленію новаго чешскаго журнала. Теперь передъ нами лежитъ 2-ая кн., о которой мы и намѣрены коротко поговорить.

Объявивъ въ 1-й книжкѣ о своемъ безпристрастномъ служеніи культурнымъ задачамъ всѣхъ славянскихъ національностей безъ различія, редакція во 2-мъ номерѣ разрабатываетъ намѣченную ею программу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Каждый изъ отдѣловъ журнала увеличился не только количественно, но и качественно, что, понятно, является естественнымъ слѣдствіемъ большаго знакомства читающаго общества съ нимъ.

Въ первомъ отдѣлѣ, кромѣ статей Štěpánek'а: «K padesátiletnemu výroci smrti Bělinckého» и Baudouin de Courtenay: «Slováci a koruna Sv. Štěpána», являющихся продолженіемъ помѣщенныхъ въ 1-мъ №,—здѣсь еще помѣщена между прочимъ, коротенькая статейка Fr Řehoř'а (Фр. Регора)—«Rusinska «Sič» ve Vidni»,—представляющая изложеніе въ самыхъ общихъ чертахъ тридцатилѣтней исторіи Вѣнской русинской «Січи», отъ ея основанія—по сей день, съ указаніемъ на главнѣйшіе результаты ея дѣятельности.

Отдѣлъ *корреспонденцій* изъ нѣсколькихъ славянскихъ земель (Болгаріи, Польши, Крайны, Кроаціи, Россіи) даетъ весьма цѣнный для читателей матеріалъ благодаря свѣжести и интересу содержанія.

Увеличенъ также значительно отдѣлъ *хроники*. Здѣсь для насъ прямой интересъ представляютъ сообщенія, касающіяся культурной жизни галицкой Руси, какъ напр. *Stav obecného školství v Haliči* («Современное состояніе школьнаго дѣла въ Галиціи»), гдѣ, на основаніи самыхъ новыхъ статистическихъ данныхъ, намѣчено состояніе школьнаго дѣла, заставляющее желать отъ будущаго еще многаго. Оказывается, что въ 1895—96 г. школы посѣщало 725000 дѣтей (68, 03 проц.),—слѣдовательно, внѣ школъ оставалось—31,97 проц. Хотя въ этомъ году и числилось школъ 4369-ть—но лишь на бумагѣ: въ 207 отсутствовали преподаватели, а 272—сами отсутствовали, т. к. не было для нихъ помѣщеній. Въ смыслѣ принадлежности національности—школы раздѣляются такъ: 1822 (49,62 проц.)—польскихъ, 1816—(49,46 проц)—русинскихъ и 34 (0,92 проц.)—нѣмецкихъ.

Небезъинтересно будетъ для насъ отмѣтить также сообщеніе *о полемикѣ* Ос. Маковея съ редакціей львовскаго Галичанина (см. «Кіев. Стар.» № 9, за текущій годъ).

Нѣкоторый интересъ представляетъ изложеніе содержанія русинскаго *memorandum'а*, посланнаго лѣтомъ этого года им. Фран-

цу—Іосифу, въ которомъ русины, во избавленіе отъ нынѣшняго тягостнаго во многихъ отношеніяхъ положенія своего, хлопочутъ о раздѣлѣ Галиціи на провинціи: польскую и рускую (русинскую), о поднятіи матеріальнаго благосостоянія низшихъ слоевъ народа и духовенства, о расширеніи просвѣщенія путемъ увеличенія низшихъ, среднихъ и высшихъ образовательныхъ учрежденій съ преподаваніемъ, конечно, на малорусскомъ языкѣ, о расширеніи правъ этого же языка въ администраціи и въ судахъ.

Наконецъ, въ отдѣлѣ «Литература, науки и искусства», помѣщено окончаніе статьи Ivana Franka (Ивана Франка) Literatura ukrajinsko-ruská (maloruská), содержаніе первой части которой мы изложили въ предыдущей книжкѣ «Кіевской Старины» и намѣрены въ нижеслѣдующихъ строкахъ познакомить читателей съ окончаніемъ ея.

Въ первой половинѣ своей статьи авторъ довелъ общій обзоръ развитія украинской литературы до конца 18 стол. Теперь онъ снова возвращается къ первымъ древне-русскимъ произведеніямъ, указывая лишь на проблески въ нихъ индивидуальности автора, подавляемой вообще шаблономъ и церковными традиціями; отмѣчаетъ мелькомъ пагубное значенія для развитія древне-русской литературы нашествія татаръ; излагаетъ вкратцѣ литературное возрожденіе въ новыхъ формахъ на югѣ Россіи въ концѣ 16 и началѣ 17 ст. (дневники и козацкія лѣтописи), не забывъ упомянуть о той важной роли, какую сыграли представители южно-русской литературы, являясь просвѣтителями всей Руси; къ сожалѣнію, козацкія войны второй $^1/_2$ XVII в. разрушили культурные центры духовной и литературной жизни на югѣ Россіи, а просвѣщеніе пошло оттуда на службу въ «Московщину», результатомъ чего явилось то, что уже въ 18 столѣтіи южно-руссы, просвѣтители всей Руси, остались позади Великороссовъ. Впрочемъ, и великорусская литература, въ первые моменты своего существованія, являлась общимъ сознаніемъ Великороссовъ и Малороссовъ (Радищевъ, Новиковъ—Капнистъ, Каразинъ; Карамзинъ—Нарѣжный, Жуковскій—Гнѣдичъ, Пушкинъ—Гоголь); послѣдніе были выразителями особыхъ историческихъ традицій, не благопріятствовавшихъ національнымъ стремленіямъ. Но въ южной Руси не умирала другая традиція—достигнуть уваженія къ своей странѣ и своему народу въ наукѣ и искусствахъ, рѣшительно не имѣвшая въ виду никакого литературнаго сепаратизма. Представители послѣднихъ традицій поняли, что даже въ цѣляхъ развитія обще-русской литературы является

надобность отстаивать украинскія народныя особенности, излагать его духовныя нужды на родномъ народу языкѣ и въ обычныхъ для него, вѣками созданныхъ, формахъ. Выразителемъ послѣдняго направленія явился Котляревскій съ своей Энеидой. Эта послѣдняя дала толчекъ къ дальнѣйшему развитію украинской литературы, которая, правда, сначала по примѣру Котляревскаго, брала «европейскій духъ процѣженный великорусской цѣдилкой», но затѣмъ сама завязала непосредственныя связи съ западной Европой, стала и по языку, и по формѣ новой европейской литературой, пережила всѣ обще-европейскія литературныя направленія. Хотя все это и совершалось въ небольшихъ размѣрахъ при сравнительно незначительномъ развитіи народнаго самосознанія, но уже и это развитіе—крѣпнетъ, растетъ интересъ къ принципамъ общественой и нравственной жизни, а это уже «наиболѣе прочная гарантія въ жизнеспособности и прочности данной литературы».

Указавъ затѣмъ на лучшихъ представителей литературы и науки въ Украинѣ и Галиціи, которые наиболѣе содѣйствовали развитію послѣднихъ; упомянувъ, послѣ короткаго очерка развитія литературы въ Галиціи, о значеніи раздѣленія украинскаго народа на 3 части въ смыслѣ развитія національныхъ стремленій, авторъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «литература, возникшая въ силу извѣстныхъ условій, которая является вполнѣ выразителемъ духовныхъ потребностей и культурныхъ задачъ цѣлаго народа,—должна имѣть болѣе широкій интересъ, чѣмъ литература провинціальная: это мы видимъ на лучшихъ представителяхъ укр.-руской литературы, на произведеніяхъ Шевченка, Марка Вовчка, Мырного и Драгоманова. Движеніе, возникшее въ послѣднее время между укр.-русской интеллигенціей, а—важнѣе—въ массахъ народныхъ Галиціи, основаніе организацій просвѣтительнаго и литературнаго направленія, служатъ доказательствомъ того, что и въ будущемъ литература наша не своротитъ съ пути, указаннаго ей наиболѣе выдающимися работниками, и должна занять мѣсто въ ряду современныхъ славянскихъ литературъ».

Таково содержаніе статьи Франка, въ общихъ чертахъ представляющей очеркъ развитія украинской литературы, отъ первыхъ ея проблесковъ въ произведеніяхъ древне-русскихъ и до нашихъ дней. Несомнѣнно,—цѣль автора—«вызвать интересъ къ украинской литературѣ у другихъ славянскихъ народностей»—можно считать на вѣрномъ пути къ осуществленію.

В. Д.

Бунчукъ и бубны зъ булавою,
Спысивъ, мушкетивъ, палашивъ,
На тыждень сала зъ сухарямы,
Барыльце зъ срибнымы рублямы,
Мукы, пшона, ковбасъ, корживъ.

***

Эвандръ, Палланта пидозвавшы,
Таки слова йому сказавъ:
„Я, рать Энею въ помичъ давшы,
Тебе начальныкомъ назвавъ.
А докы въ паци будешь граты?
Съ дивкамы день и ничъ ганяты,
И красты голубивъ у всихъ?
Одважный жыдъ гришыть и въ школи;
Иды лышъ послужы на поли;
Ледащо сынъ—то батькивъ грихъ.
Иды служы, годы́ Энею,
Винъ зна военне ремесло;
Умомъ и храбростью своею,
Въ опричнее попавъ чысло.
А вы Аркадци! вы не трусы,
Давайте всимъ и въ нисъ и въ усы,
Паллантъ мій—вашъ есть атаманъ,
За його быйтесь, умырайте,
Энеевыхъ врагивъ карайте,
Эней мій сватъ, а вашъ Гетьманъ.

***

А васъ, Анхызовычъ, покорно
Прошу Палланта доглядать;
Воно хочъ парубья, не спорно,
Уміе и склады чытать;
Та дурень, молоде, одважне,
Въ бою якъ буде необачне,
То може згынуть неборакъ;
Тогди не буду жыть чрезъ сылу,
Жывцемъ полизу я въ могылу,
Изгыну безъ воды, мовъ ракъ.
Берите рать, идите зъ Богомъ,
Нехай Зевесъ вамъ помага!"
Тутъ частувалысь за порогомъ,
Эвандръ додавъ таки слова:
„Зайдить къ Лидійському народу,
Воны послужать вамъ въ прыгоду,
На Турна пидуть воювать.
Мезентій ихъ тисныть, сжымае,
На чыншъ никого не пускае,
Готови заразъ бунтъ пиднять".

***

Пишлы, розвывшы короговку,
И сльозы молодьожъ лыла;
Хто жинку мавъ, сестру, ятровку'
У ынчыхъ мылая була.
Тогди найбильшъ намъ допикае,
Колы зла доля однимае,
Що намъ всього мылише есть.
За мылу все терять готовы:
Клейноты, жывоты, обновы,
Одна дороже мылой—честь!
И такъ, пытейнымъ пидкрепывшысь,
Утерлы сльозы изъ очей;
Пишлы, маршъ сумно затрубывшы,

Передъ-же вивъ самъ панъ Эней.
Ихъ першый маршъ бувъ до байраку;
Прыйшовшы сталы на бываку;
Эней порядокъ учредывъ.
Паллантъ по арміи дижурывъ,
Трудывсь, всю ничъ очей не жмурывъ;
Эней тожъ по лису бродывъ.

* * *

Якъ въ пивничъ самую глухую,
Эней лышъ тилько мавъ дримать,
Побачывъ хмару золотую,
Свою на хмари гарну мать.
Венера билолыка, красна,
Курносенька, очыма ясна
И вся якъ съ кровью молоко;
Духы видъ себе видпускала
И збрую чудную держала,
Явылась такъ передъ сынкомъ.
Сказала: „мылый, на, Энею,
Ту збрую, що ковавъ Вулканъ;
Колы себе устроишъ нею,
То струсыть Турнъ, Бова, Полканъ;
До збруи що ни доторкнется,
Все заразъ ламлется и гнется,
Іи и куля не бере;
Устройсь, храбруй, колы, рубайся,
И на Зевеса полагайся,
То носа вже нихто не втре."

* * *

Сказавшы ароматъ пустыла:
На хмары въ Пафосъ покотыла,
Эней же збрую и бере,
Іи очыма пожырае,
На себе панцырь натягае,
Палашъ до боку прывьязавъ;
Насылу щытъ пиднявъ чудесный,
Не легкій бувъ презентъ небесный.
Эней роботу розглядавъ:
На щыти, въ самій середыни,
Пидъ чернь, зъ насичкой золотой,
Конала муха въ павутыни,
Павукъ торкавъ іи ногой.
Поодаль бувъ малый Телешыкъ,
Винъ плакавъ и лыгавъ кулешыкъ,
До його кралася змія
Крылатая, съ симью главамы,
Съ хвостомъ въ верству, страшна, зъ рогамы,
А звалася Жеретія.

* * *

Вокругъ же щыта на заломахъ,
Найлучши лыцарськи дила
Булы бляховани въ персонахъ
Искусно, жыво, безъ чысла:
Котыгорохъ, Иванъ Царевычъ,
Кухарчычъ, Сучычъ и Налетычъ,
Услужлывый Кузьма — Демьянъ,
Кощій съ прескверною Ягою,
И дурень зъ ступою новою,
И славный лыцарь Марцыпанъ.
Такъ панъ Эней нашъ снаряжався,
Щобъ дружбы Турну доказать;

Зненацька копоти имъ дать.
Но зла Юнона не дримае
Навыльотъ умыслы вси знае.
Опьять Ирысю посыла:
Якъ можна Турна роздрочыты,
Протывъ Троянцивъ насталыты,
Щобъ выкоренывъ ихъ до тла.

***

Ирыся выль, скользнула зъ неба,
До Турна въ пивничъ шусть въ наметъ;
Винъ дожыдавсь тогди вертена,
Хлыставъ зъ нудьгы Охтырьскій медъ.
Къ Лавыси одъ любвы бувъ въ гори,
Топывъ печаль въ пытейномъ мори.
Такъ въ арміи колысь велось;
Колы влюбывся, чи програвся,
То пуншту хлысь—судьба поправся!
Веселье въ душу и влылось!
„А що? Ирыся щебетала:
Сыдышъ безъ дила и клюешъ?
Чи се на тебе линь напала?
Чи все Троянцямъ виддаешъ?
Коту гладкому не до мышкы;
Не втне, бачу, Панько Орышкы!
Хто-бъ сподивавсь, що Турнъ бабакъ?
Тоби не хыстъ зъ Энеемъ быться,
Не хыстъ зъ Лавыніей любыться
Ты, бачу, здатный быть собакъ.

***

Правдывый воинъ не дримае,
Безъ просыпу же и не пье;
Мудрує, дума, розглядае,
Такый и ворогивъ побье.
Ну, къ чорту! швыдче охмеляйся,
Збырать союзныхъ поспишайся,
На нову Трою напады.
Эней въ чужыхъ земляхъ блукае,
Дружыну въ помичъ набирае,
Не оплошай теперъ, гляды!"
Сказавшы, столыкъ извалыла,
Шкереберть къ чорту все пишло:
Пляшкы и чарочкы побыла,
Пропало все, якъ не було.
Зробывся Турнъ несамовытый,
Ярывся, лютовавъ не сытый,
Троянской крови забажавъ.
Вси страсти въ голову стовкнулысь.
Любовъ и ненависть прочнулысь;
„На штурмъ, на штурмъ!" своимъ крычавъ.

***

Зибравъ и кинныхъ, и пихотныхъ
И всихъ для бытвы шыковавъ;
И розбышакъ самыхъ одборныхъ
Пидъ крипость задырать пославъ.
Два корпуса до купы звившы,
А на зыкратого самъ сившы,
На штурмъ ихъ не веде, а мчыть;
Мезапъ, Талесъ, въ другимъ отряди,
Пишлы одъ берега къ огради,

Побыть Троянцивъ всякъ спишыть.
Троянци въ крипости запершысь,
Энея ждалы вороття;
Зъ нещастямъ тисно пообтершысь,
Биду встричалы, мовъ шутя.
Побачывшы-жъ врагивъ напоры,
У баштъ прыбавылы запоры
И на валу вси залягли;
Въ виконця зъ будокъ выглядалы
И носа вонъ не выставлялы,
Шептались и люлькы тяглы.

* * *

У ныхъ поставлено въ громади:
Колы на ихъ панъ Турнъ напре,
То всимъ сыдить въ своей ограды,
Нехай-же штурмомъ валъ бере.
Троянци такъ и учынылы;
На валъ колоддя накотылы
И разный прыправлялы варъ;
Олію, деготь кыпьятылы,
Жывыцю, олово топылы,
Хто лизтыме, щобъ лыть на тварь.
Турнъ, въ миру къ валу прыступывшы,
Скризь на зыкратому гасавъ;
Въ розсыпку кинныхъ роспустывшы,
Самъ якъ опареный крычавъ:
„Сюды, труслывые Троянци,
На бой, шкодлывыи поганци!
Зарылысь въ землю, мовъ кроты;
Де вашъ Эней,—жиночій празныкъ?
Пряде зъ бабамы набалдашныкъ!
Не ленсько выглянуть сюды“.

* * *

И вси його такъ пидкомандни
Крычалы, лаялы Троянъ;
Робылы глузы имъ досадни,
Гиршъ нивычылы якъ цыганъ.
Пускалы тучамы къ нымъ стрилы,
А де яки булы такъ смилы,
Що малы перескочыть ривъ.
Троянци вуха затыкалы,
Рутульцивъ лайкы не вважалы,
Хоть бытысь всякый зъ ныхъ готивъ.
Турнъ зъ серця скрыготавъ зубамы,
Що въ крипости вси ни гу-гу;
А стинъ не розибьешъ лобамы,
Зпосылку гныся хоть въ дугу.
Злость, кажуть, сатани сестрыця,
Хоть може се и небылыця,
А я скажу, що може й такъ.
Одъ злосты Турнъ те компонуе,
Мовъ сатана йому дыктуе,
Самъ чортъ зализъ въ его кабакъ.

* * *

Одъ злосты Турнъ осатанившы,
Волывъ багаття розводыть
И військо къ берегу прывившы,
Казавъ Троянскій флотъ спалыть.
Вси прынялыся за роботу;
(На злее всякій ма охоту)
Огни помчалыся къ водамъ.
Хто жаръ, хто губку зъ сирныкамы,

Хто зъ головней, хто зъ фитилямы,
Погыбель мчалы кораблямъ.
Розжеврилось и закурылось,
Блакытне полумья извылось;
Одъ дыму сонце закотылось,
Курыще къ небу донеслось.
Богы въ Олымпи сталы чхаты;
Турнъ имъ изволывъ нымфы даты,
Богынь напавъ видъ чаду дуръ;
Дымъ очи йивъ, лылыся сльозы,
Зъ нудьгы скакалы такъ, якъ козы,
Зевесъ самъ бувъ мовъ вынокуръ.

***

Венеру-жъ за душу щипало,
Що съ флотомъ поступылы такъ;
Одъ жалю серце замерзало,
Що сяде сынъ на миль, якъ ракъ.
Въ жалю, въ слизахъ и въ гирькимъ смутку
Богыня сила въ просту будку,
На передку сивъ Купыдонъ;
Кобыла ихъ везе крывая,
Цыбелла де жыла старая,
Щобъ сій язи отдать поклонъ.
Цыбелла, знають во всихъ школахъ,
Що матерью була богивъ;
Изъ молоду була не промахъ;
Колы жъ якъ стала безъ зубивъ,
То тилько на неби сыдила,
Съ кулешыкомъ лемишку йила
И не мишалася въ дила.
Зевесъ йий отдававъ повагу
И посылавъ одъ столу брагу,
Яку Юнона лышъ пыла.

***

Венера часто докучала
Зевесу самою брыдней,
За те въ немылость и попала,
Що нильзя показать очей.
Прыйшла Цыбеллу умоляты
И мусила ій обищаты
Купыты збытню за алтынъ,
Щобъ тилько Зевса умолыла,
Вступыться за Троянъ просыла,
Щобъ флота не лышывся сынъ.
Цыбелла-же була ласуха,
Для збытню рада хоть на все;
До того-жъ страшна говоруха,
О всякій всячыни несе.
Стяглы іи насылу съ печи,
Взявъ Купыдонъ къ соби на плечи,
Въ будынкы къ Зевсу и понисъ.
Зевесъ свою уздрившы неню,
Убгавъ ввесь оселедець въ жменю,
Насупывъ бровы, зморщывъ нисъ.

***

Цыбелла перше закректала,
А посли кашлять начала,
Потимъ у пелену смаркала
И духъ пьять разъ перевела.
„Сатурновычъ, змылосердыся,

За ридную свою вступыся!
Къ Зевесу шокала стара:
Безсмортныхъ смертни не вважають
И тилько що не бьють, а лають;
Осрамлена моя гора!
Мою ты знаешъ гору Иду,
И лисъ де съ капыщемъ олтарь;
За ныхъ несу таку обыду,
Якой не терпыть твій свынарь!
На зрубъ я продала Троянцямъ,
Твоимъ молельщыкамъ, пидданьцямъ,
Дубкивъ и сосенъ строить флотъ.
Твои уста судьбамъ волилы,
Булы що-бъ Идськи брусья цили,
Нетлинные одъ рода въ родъ.

***

Зыркны-жъ теперъ на Тыбрськи воды,
Дывысь, якъ корабли горять!
Ихъ палять Турновы уроды,
Тебе и всихъ насъ кобенять.
Спусты имъ, —то таке закоють,
И власть твою соби прысвоють,
И всимъ дадуть намъ кисиля;
Сплюндрують лисъ, розрыють Иду;
Мене-жъ стару убьють, якъ гныду,
Тебе прогонять видсиля".
„Та не турбуйтесь, пани-матко!
Зевесъ съ досадою сказавъ:
Провчу я всихъ—и буде гладко;
Анахтемъ вичный, Турнъ, пропавъ!"
Зыркнувъ, мыгнувъ, махнувъ рукою,
Надъ Тыбромъ, чудною рикою,
Вси вростычъ корабли пишлы;
Якъ гусы въ воду порыналы,
Изъ кораблявъ сырены сталы
И разни писни пидняли.

***

Рутульске військо и союзне,
Дрыжало одъ такыхъ чудесъ;
Злякалось племья все окружне,
Мезапъ давъ драла и Талесъ.
Поросяулы и Рутуляны,
Якъ одъ дожчу въ шатеръ цыганы,
А тилько Турнъ одынъ оставсь.
Утикачивъ щобъ переняты,
Щобъ чудо имъ ростолковаты,
По всихъ усюдахъ самъ совавсь.
„Робьятушкы! крычавъ, постійте!
Се жъ ласка Божая для насъ;
Одкыньте страхъ и не робійте:
Прыйшлось сказать Энею: пасъ!
Чого огнемъ мы не спалылы,
То богы все те потопылы,
Теперъ Троянци въ западни.
Жывцемъ въ земли ихъ загромадымъ,
Разкомъ на той свитъ одпровадымъ,
Богивъ се воля! вирьте мни".

***

Велыкіи у страха очи.
Вся рать неслась, хто швыдче змигъ.

Назадъ вертатысь не охочи,
Вси биглы, ажъ не чулы нигъ.
Оставшысь Турнъ, одынъ маячывъ,
Никого вкругъ себе не бачывъ,
Стьогнувъ зыкратого хлыстомъ;
И шапку на очи насунувъ,
Во вси лопаткы въ лагерь дунувъ,
Що коныкъ ажъ вертивъ хвостомъ.
Троянци изъ-за стинъ дывылысь,
Панъ Турнъ якъ зъ військомъ тягу давъ;
Перевертнямъ морськымъ чудылысь,
На добре всякъ то толковавъ.
Но Турнови не довиряли;
Трояньци правыло се зналы:
Въ війни зъ врагамы не плошай;
Хоть утика, —не все женыся;
Хоть мовъ и трусыть,—стережыся!
Скыксуешъ разъ,—тогди прощай!

*
* *

Для ночи вдвое калавуры
На всихъ поставылы баштахъ,
Лыхтарни вишалы на шнуры,
Ходылы рунды по валахъ.
Въ обози Турна тыхо стало
И тилько—тилько що блыщало
Одъ слабыхъ, блидныхъ огонькивъ.
Врагы Трояньски почывалы,
Одъ трусивъ вылазкы не ждалы;
Оставмо жъ сыхъ хропты сонькивъ.
У главной башты на сторожи
Стоялы Эвріалъ и Нызъ;
Хоть молоди булы, та гожи
И крипки, храбри, якъ харцызъ.
Въ ныхъ кровъ текла хоть не Трояньска,
Якась чужая—бусурманьска,
Та въ служби вирни козакы.
Для бою ихъ спиткавъ прасунокъ,
Пишлы къ Энею на вербунокъ;
Булыжъ-жъ обыдва землякы.

*
* *

„А що, якъ выкравшысь по малу,
Забратыся въ Рутульскій станъ?"
Шептавъ Нызъ въ ухо Эвріалу:
,То кашы наварылы-бъ тамъ;
Теперъ воны сплять съ перепою,
Не дрыгне ни одынъ ногою,
Хоть всимъ имъ горла перерижъ.
Я думаю туды пустыться,
Передъ Энеемъ заслужыться
И сотню посадыть на нижъ".
„Якъ! пидешъ самъ! мене оставышъ
Спытався Ныза Эвріалъ:
Ни! перше ты мене удавышъ,
Щобъ я одъ земляка одставъ.
Видъ тебе не одстану зроду,
Съ тобою радъ въ огонь и въ воду,
На сто смертей пиду съ тобой.
Мій батько бувъ сердюкъ опричный,
Мовлявъ: (нехай покой му вичный)
„Умры на поли, якъ герой".

***

„Пожды и пальцемъ въ лобъ торкныся“,
Товарышови Нызъ сказавъ:
Не все впередъ,—назадъ дывыся,
Ты зъ лыцарства глуздъ потерявъ.
У тебе маты есть старая,
Безъ сылъ и въ бидности, слабая,
То и повыненъ жыть для ней,
Одна оставшысь безъ прыюту,
Яку потерпыть муку люту,
Таскавшысь мижъ чужыхъ людей!
Отъ я, такъ чыста сыротына,
Росту, якъ пры шляху горохъ;
Безъ нени, безъ отця дытына,
Эней—отець, а неня—Богъ.
Иду хоть за чужу отчызну,
Не жаль никому, хоть изслызну,
А памьять вичну заслужу.
Тебе-жъ до жызни ридна вьяже,
Убьють тебе,—вона въ грибъ ляже;
Жывы для неи, я прошу“.

***

„Розумно, Нызъ, ты розсуждаешъ,
А о повынносты мовчышъ,
Которую самъ добре знаешъ,
Мени-жъ зовсимъ другу твердышъ.
Де общее добро въ упадку,
Забудь отця, забудь и матку,
Леты повынность исправлять;
Якъ мы Энею прысягалы,
Для його службы жызнь отдалы,
Теперъ не вильна въ жызни мать“.—
„Иноси!“—Нызъ сказавъ, обнявшысь
Со Эвріаломъ землякомъ,
И за рукы любенько взявшысь,
До ратуши пишлы тышкомъ.
Іулъ сыдивъ тутъ зъ старшыною,
Змовлялысь, завтра якъ до бою
Достанется имъ прыступать.
Якъ ось війшлы два парубійкы,
У брамъ зминывшыся одъ стійкы,
И Нызъ громади ставъ казать:

***

„Бувъ на часахъ я зъ Эвріаломъ,—
Мы пыльнувалы супостатъ,
Воны теперъ вси сплять поваломъ,
Уже огни ихъ не горять.
Дорожку знаю я окромну,
Въ ничну добу, въ годыну сонну
Прокрастысь можна по-узъ станъ
И донесты пану Энею,
Якъ Турнъ злый съ челядью своею
На насъ налазыть, мовъ шайтанъ.
Колы зволяетесь,—велите
Намъ зъ Эвріаломъ попытать,
Чкурнемъ и покы сонце зійде,
Энея мусымъ повыдать“.—
„Яка-жъ одвага въ смутне времья!
Такъ не пропало наше племья?“
Троянци вси тутъ заревлы;
Одважныхъ сталы обниматы,

Имъ дякувать и цилуваты,
И красовулю пиднеслы.

***

Іулъ, Энеивъ якъ наслидныкъ,
Похвальну рацію сказавъ,
И свій палашъ, що звавсь побид-
ныкъ,
До боку Нызу прывьязавъ
Для мылого же Эвріала
Не пожаливъ того кынжала,
Що батько у Дидоны вкравъ.
И посулывъ за ихъ услугу
Земли, овець и дать по плугу,
Въ чыновни вывесть обищавъ.
Сей Эвріалъ бувъ молоденькій:
Такъ, годивъ зъ девятнадцять
мавъ,
Де усу буть, пушокъ маленькій
Биленьку шкуру пробывавъ;
Та бувъ одвага и завзятый,
Сылачъ, козакъ лыцарьковатый,
Но предъ Іуломъ прослезывсь.
Бо зъ матерью винъ розставався,
Ишовъ на смерть и не прощався;
Козакъ прыроди покорывсь.

***

„Іулъ Энеевычъ! не дайте
Пань-матци вмерты одъ нужды,
Ій будьте сыномъ, помагайте
И заступайте видъ вражды,
Одъ бидъ, напраслыны, нападку;
Вы самы малы панниматку,
То въ серци масте и жаль;
Я вамъ старую поручаю,
За васъ охотно умираю“.—
Такъ мовывъ чулый Эвріалъ.
„Не бійся, добрый Эвріале,
Іулъ йому сей давъ отвитъ:
Ты служышъ намъ не за пропале,
На смерть несешъ для насъ жывитъ.
Твоимъ буть братомъ не стыжуся
И неню заступать клянуся,
Тебе собою заплачу́;
Пайокъ, одежу и кватыру,
Пшона, мукы, яецъ и сыру
По смерть въ довольстви назначу“.

***

И такъ, одважна наша пара
Пустылася въ Рутульскій станъ.
На те и мисяць вкрыла хмара,
И поле вкрывъ густый туманъ.
Було се саме о-пивъ-ночи;
Рутульци спалы скилько мочи,
Сывуха сну имъ пиддала;
Роздигшыся пороскладалысь,
Въ безпечности не сподивалысь
Ни одъ кого ни-яка зла.
И часовыи на мушкетахъ
Поклавшысь спалы на-заказъ;
Хроплы вси пьяни на пикетахъ,
Тутъ ихъ заставъ послидній часъ!
Переднюю побывшы стражу,

Полизлы въ станъ варыты кашу;
Нызъ тутъ товарышу сказавъ:
„Пряляжъ къ земли ты для пидслуху,
А я задамъ Рутульцямъ духу;
Гляды, щобъ насъ хто не спиткавъ“.

***

Сказавшы, першому Раменту
Головку буйную оттявъ;
Не давъ зробыть и тестаменту,
Къ чортамъ його на викъ пославъ.
Сей на рукахъ знавъ ворожыты,
Кому знавъ скилько вику жыты,
Та не соби винъ бувъ пророкъ.
Другимъ мы часто пророкуемъ,
Якъ знахури чуже толкуемъ,
Соби-жъ шукаемъ цыганокъ.
А посли Ремовыхъ винъ воивъ
По одному всихъ подушывъ;
И блюдолызивъ, ложкомоивъ
Впрахъ, въ дребозгы перемизжывъ.
Намацавшы-жъ самого Рема,
Потыснувъ мовъ Хому Ярема,
Що й очи выскочылы пречъ;
Вхватывсь за бороду кудлату
И злому Трои супостату
Макитру отдилывъ одъ плечъ.

***

Вблызи тутъ бувъ наметъ Серрана,
На сього Нызъ и наскакавъ;
Винъ, тилько що роздигсь съ каптана
И смачно по вечери спавъ.
Нызъ шаблею мазнувъ по пупу,
Задъ зъ головою сплющывъ вкупу,
Що изъ Серрана выйшовъ ракъ;
Бо голова мижъ нигъ вплелася,
А задня въ гору пиднялася;
Умеръ фыгурно неборакъ!
И Эвріалъ, якъ Нызъ возывся,
То не гулявшы простоявъ;
Винъ также къ соннымъ докосывся,
Врагивъ на той свитъ одправлявъ,—
Коловъ и ризавъ безъ розбору,
И якъ нихто не мавъ зъ нымъ спору,
То поравсь мовъ въ кошари вовкъ;
И выборныхъ, и подпомощныхъ,
И простыхъ, и старшыхъ вельможныхъ,
Хто ни попавсь, того и товкъ.

***

Попавея Ретусъ Эвріалу,
Сей не зовсимъ ище заснувъ;
Прыйихавшы одъ Турна зъ балу,
Пальонкы дома ковтонувъ
И тилько-тилько забувався,
Якъ Эвріалъ къ йому пидкрався
И просто въ ротъ кынжалъ уткнувъ;
И прыколовъ його якъ квитку,
Що бабы колють на намитку.
Тутъ Ретусъ душу изрыгнувъ.
Нашъ Эвріалъ остервенывся,
Забувъ, що на часокъ зайшовъ;
Въ наметъ къ Мезапу бувъ пустывся,

Тамъ може-бъ смерть соби найшовъ;
Но повстричався съ другомъ Нызомъ,
Съ запальчывымъ, якъ самъ, харцызомъ,
Сей Эвріала удержавъ.
„Покыньмо кровъ врагамъ пускаты,
Пора намъ видсиль уплитаты“,
Нызъ Эвріалови сказавъ.

***

Якъ вовкъ овецъ смыренныхъ душыть,
Колы въ кошару завыта,
Курчатамъ тхиръ головкы сушыть,
Безъ крыку мизокъ высмокта;
Якъ добре времья угодывшы
И сиркою хливъ накурывшы,
Безъ крыку крадуть слымакы
Гусей, качокъ, курей, индыкивъ
У Геваливъ и Аммалыкивъ,
Що роблять часто и дякы,
Такъ наши смилыи воякы,
Тутъ мовча пролывалы кровъ;
Одъ ней краснилыся, мовъ ракы,
За честь и къ князю за любовъ.
Любовъ къ отчызни де героить,
Тамъ сыла вража не устоить,
Тамъ грудь сыльнійша видъ гарматъ,
Тамъ жызнь—алтынъ, а смерть-копійка,
Тамъ лыцарь—всякій парубійка,
Козакъ тамъ чортови не братъ.

***

Такъ порався Нызъ зъ Эвріаломъ,
Далы Рутульцямъ накарпасъ;
Земля взялась одъ крови каломъ,
Полякъ пиднявся-бъ по самъ пасъ.
Но наши по крови бродылы,
Мовъ на торгу музыкъ водылы
И убыралысь на просторъ:
Щобъ швыдче поспишыть къ Энею,
Похвастать храбростью своею
И Турнивъ росказать задоръ.
Уже изъ лагеря щаслыво
Убралысь наши смильчакы;
Радило серце нетруслыво,
Жвяхтилы мокри лычакы,
Изъ хмары мисяць показався,
И одъ земли туманъ пиднявся
Все вищовало добрый путь.
Якъ-ось Волсентъ гулькъ изъ долыны
Съ полкомъ Латыньскои дружыны
Бида! якъ нашымъ увыльнуть?

***

Далы якъ разъ до лису тягу,
Быстрише биглы одъ хортивъ;
Спасалысь, бидни, на одвагу,
Видъ супостативъ—ворогивъ.
Такъ пара горлычокъ невынныхъ
Летять спастысь въ лисахъ обшырныхъ
Одъ злого кибчыка когтей.
Но зло назначене судьбою

Слидытыме скризь за тобою,
Не утечешъ за сто морей.
Латынци до лису слидылы
Одважныхъ нашыхъ розбышакъ,
И часовымы окружылы,
Що зъ лису не шмыгнешъ ни-якъ
А часть розсыпавшысь по лису,
Піймалы одного заризу,
То Эвріала молодця.
Тогди Нызъ на вербу збирався,
Якъ Эвріалъ врагамъ попався,
Мовъ мижъ вовкивъ плоха вивця.

***

Нызъ—глядь, и бачыть Эвріала,
Що тишатся нымъ ворогы;
Важка печаль на серце пала,
Крычыть къ Зевесу: „помогы"!
Копье булатне направляе,
Въ латынцивъ просто посылае,
Сульмону серце пробыва;
Якъ снипъ на землю повалывся,
Не вспивъ и охнуть, а скрывывся,
Въ послидній разъ Сульмонъ зива.
Вслидъ за копьемъ стрилу пускае
И просто Тагови въ высокъ;
Душа изъ тила вылитае,
На жовтый пада трупъ писокъ.
Волсентъ утратывъ воивъ пару,
Клене невыдымую кару
И въ яросты, якъ вилъ, реве:
„За кровъ Сульмонову и Тага,
Умрешъ проклята упыряга,
За нымы вслидъ пошлю тебе".

***

И замахнувсь на Эвріала,
Щобъ снять головку палашемъ;
Тутъ храбрость Нызова пропала,
И серце стало кулишемъ.
Бижыть, летыть, крычыть що сылы:
„Пеккатумъ робышъ, фратеръ мылый,
Невынному морсъ задаешъ:
Я стультусъ, лятро, розбышака,
Неквиссимусъ и гайдамака;
Постій! невынную кровъ льешъ."
Но замахнувшысь, не вдержався,
Волсентъ головку одчесавъ;
Головка, мовъ кавунъ качався,
Языкъ невнятно белькотавъ.
Уста коральни посынилы,
Румьяни щоки поблиднилы
И билый цвитъ въ лыци пожовкъ;
Закрылыся и ясни очи,
Покрылысь тьмою вичной ночи,
На викы мылый гласъ умовкъ.

***

Уздрившы Нызъ трупъ Эвріала,
Одъ яросты осатанивъ;
Всихъ злостей выпустывшы жала,
Къ Волсенту просто полетивъ.
Якъ блыскавка проходыть тучу,
Винъ такъ пробигъ врагивъ мижъ кучу
И до Волсента докосывсь:
Схватывъ його за чубъ рукою,
Мечъ въ серце засадывъ другою,

Волсентъ и духу тутъ пустывсь.
Якъ искра порохъ запалывшы,
Сама зъ нымъ вкупи пропада,
Такъ Нызъ, Волсентія убывшы,
И самъ лышывся жывота:
Бо вси на його и напалы,
На смерть звертилы и зимьялы,
И голову зняли зъ плечей.
Такъ кончылы жызнь козарлюгы,
Зробывшы славныи услугы,
На вичность памьяты своей.

***

Латынци заразъ поробылы
Абы-якъ мары изъ дрючкивъ;
На ныхъ Волсента положылы
И понеслы до землякивъ.
А буйни головы поклалы
Въ мишокъ и тежъ зъ собой помчалы,
Мовъ пару гарныхъ дубивокъ.
Но въ лагери найшлы ризныци,
Лежалы бытыхъ мьясъ копыци,
Пычинокъ, легкого, кышокъ.
Якъ тилько-що востокъ зардився,
Свитылка Фебова взійшла,
То Турнъ тогди уже найився,
Опять о бытви помышлявъ.
Велывъ тревогу быть въ клепало,
Щобъ військо къ бою выступало,
Отдать Троянцямъ съ барышкомъ
За зроблену въ-ночи потиху;
Для бильшого зъ Троянцивъ смиху,
Велывъ взять головы зъ мишкомъ

***

Свого-жъ держася уговору,
Троянци въ крипости сыдять,
Забылыся, мовъ мыши въ нору,
Лукаву кишку якъ уздрять.
Но дать отпоръ булы готови
И, до остатной капли крови,
Свою свободу бороныть
И нову Трою защыщаты,
Рутульцямъ перегону даты
И Турна лютость осрамыть.
На перву Рутулянъ попытку
Троянци такъ далы въ отвитъ,
Що Турнъ соби росчухавъ лытку,
Одъ стыду скорчыло жывитъ.
Звеливъ зъ досады, гниву, злосты,
На глумъ пидняты мертви косты,
На щоглы головы наткнуть
Несчасныхъ Ныза съ Эвріаломъ,
Передъ самымъ Трояньскымъ валомъ,
Щобъ сымъ врагивъ своихъ кольнуть.

***

Троянци заразъ одгадалы,
Чіи то головы стремлять;
Одъ жалю сльозы попускалы,
Такыхъ лышывшысь парубьятъ.
Объ мертвыхъ висть скризь пронеслася,
Вся рать Трояньска потряслася,
И души смутку предалысь.
Якъ маты висть таку почула,
То тилько вично не заснула,
Бо зубы у ней стялысь

А одійшовшы, въ груды былась,
Волосся рвала зъ головы,
Ревла, щипалася, дрочылась,
Мовъ умъ змишався у вдовы:
Побигла съ крыкомъ вокругъ вала
И голову колы пизнала
Свого сыночка Эвруся,
То на валу и росплаталась,
Крычала, гедзалась,, качалась,
Кувикала мовъ порося.

***

И дыкымъ голосомъ завыла:
„О сыну! свитъ моихъ очей!
Чи я жъ тебе на те родыла,
Щобъ згынувъ ты одъ злыхъ людей?
Щобъ ты мене стару, слабую,
Завившы въ землю сю чужую,
На вичный викъ осыротывъ.
Моя ты радисть и отрада,
Мене одъ всихъ ты боронывъ.
Теперъ до кого прыхылюся,
Хто злую долю облегчыть?
Куды въ биди я прытулюся?
Слабу нихто не прыглядыть!
Теперъ прощайте вси поклоны,
Що получала во-дни оны,
Одъ вдовъ, дивчатъ и молодыць;
За дывни бровы соболыни,
За очи ясни соколыни,
Що здатный бувъ до вечерныць.

***

Колы-бъ мени твій трупъ достаты
И тило билее обмыть,
И съ похорономъ поховаты,
До ямы зъ мыромъ проводыть.
О богы! якъ вы допустылы,
Щобъ и одынчыка убылы
И настромылы на виху
Його козацькую головку?
Десь свитъ вертытся сей безъ толку,
Що тутъ дають и добрымъ тьху.
А вы, що Эвруся згубылы,
Щобъ вашъ пропавъ собачій ридъ!
Щобъ ваши-жъ диты васъ побылы,
Щобъ зъ потрухомъ погыбъ вашъ плидъ!
Охъ! чомъ не звирь я, чомъ не львыця?
Чомъ не скажена я вовчыця?
Щобъ мни Рутульцивъ розидрать,
Щобъ серце вырвать съ требухою,
Умазать морду ихъ мазкою,
Щобъ маслакы ихъ посмоктать“.

***

Сей галасъ и репетування
Троянъ всихъ въ смутокъ прывело;
Плаксывее зъ сынкомъ прощання
У всихъ зъ очей слизкы тягло.
Асканій бильше всихъ тутъ хлыпавъ
И губы такъ соби задрипавъ,
Що мовъ на його сапъ напавъ.
Къ старій съ поклономъ пидступывшы,
На оберемокъ ухватывшы,
Въ землянку зъ валу поскакавъ.
А тутъ крычать та въ трубы сурмлять.

Свыстять въ свыстилкы, дмуть въ рогы,
Квылять, братъ брата въ батька луплять;
Въ наскокъ ярятся ворогы.
Тутъ ржання киньське съ тупотнею,
Тамъ разный гоминъ зъ стукотнею,
Скризь хлопитъ, халепа, столыхъ!
Такъ въ мидни клекотыть гарячій,
Такъ въ кабаци крычыть пиддячій,
Якъ кажуть, хоть вынось святыхъ.

***

Гей, музо, панночко цнотлыва,
Ходы до мене погостыть!
Будь ласкава, будь не спесыва,
Дай помичъ мни—стышокъ зложыть!
Дай помичъ бытву опысаты
И про війну такъ розсказаты,
Мовъ твій языкъ бы говорывъ.
Ты, кажуть, дивка не брыклыва,
Але одъ староcты сварлыва;
Просты! я може досадывъ,
И въ самій речи проступывся,—
Старою дивчыву назвавъ,
Нихто зъ якою не любывся,
Ни женыхавсь, ни жартовавъ.
Охъ! скилько музъ такыхъ на свити!
Во всякимъ городи, въ повити!
Укрылы бъ зверху внызъ Парнассъ.
Я музу клычу не такую:
Веселу, гарну, молодую;
Старыхъ нехай брыка Пегасъ.

***

Рутульци дралыся на стины,
Карабкалыся, якъ жукы.
Турнъ зъ яросты дрижавъ и пинывъ,
Крычыть: „дружненько, козакы!“
Въ свою Троянци также чергу,
Въ одбои поралыся зверху,
Рутульцивъ плющылы якъ мухъ.
Пускалы колоддя, каминня;
И враже такъ товклы насиння,
Що у Рутульцивъ хлявъ и духъ.
Турнъ, бачывшы Троянъ роботу,
Якъ рать рутульскую трощать,
Якъ бьють ихъ, не жалія поту,
Рутульци мовъ вьюны пыщать,
Веливъ везты зо всихъ олійныць,
Де тилько есть, изъ воскобійныць,
Якъ можна швыдче тараны.
Якъ разъ и тараны вродылысь,
И воскобійныкы явылысь,
Прымчалысь духомъ сатаны.

***

Прыставывъ тараны до брамы,
Въ ворота зачалы гатыть;
Одвиркы затряслысь, мовъ рамы,
И снасть одъ бою вся трищыть.
Турнъ сылы вдвое прыкладае
И тараны самъ направляе,
И браму рушыты велыть.
Упала! стукомъ оглушыла,
Троянъ багацько подушыла,

Турнъ въ крипость впертысь норовыть.
Бида Трояньцямъ! що робыты?
А муза каже: ,,не жахайсь,
Не хыстъ ихъ Турну побидыты
Въ чужую казку не мишайсь“.
Трояньци напьялы вси жылы
Та вмыгъ проломъ и заложылы,
И грудью сталы бороныть;
Рутульци бисомъ увывалысь,
Но на проломъ не насовалысь,
А Турнъ не знавъ, що и робыть.

***

Троянець Геленоръ одважный
И якъ бурякъ червоный Лыкъ,
Горлань, верлань, кулачныкъ страшный
И щырый кундель-степовыкъ.
Сымъ двомъ бездилля—всяке горе,
Здавалось по колина море,
Потиха-жъ—головы зрывать.
Давно имъ въ голови роилось
И мовъ на поступкы хотилось,
Рутульцямъ перегону дать.
Такъ Геленоръ съ чорвонымъ Лыкомъ,
Роздигшыся до сорочокъ,
Мижъ вештаннямъ, содомомъ, крыкомъ,
Пробралыся подуть тычокъ.
Рутульцивъ добре тасовалы
И одъ Рутульцивъ получалы
Квытанцію въ своихъ долгахъ.
Лыкъ тилько тымъ и отлычывся,
Що якъ до Турна прымостывся,
То зъйиздывъ добре по зубахъ.

***

Но Турнъ и самъ бувъ розбышака
И Лыка сплющывъ въ одынъ махъ;
Изъ носа брызнула кабака,
У Турна околивъ въ ногахъ.
А також пану Геленору
Смертельного далы затьору,
И сей безъ духу тутъ оставсь.
Рутульцевъ се возвеселыло
И такъ ихъ серце ободрыло,
Що и негидный скризь совавсь.
Натыснулы и напустылысь,
Рутульци кынулысь на валъ;
Троянци якъ чорты озлылысь,
Рутульцивъ былы на повалъ.
Трищалы кости, ребра, бокы.
Летилы зубы, пухлы щокы,
Зъ носивъ и устъ юшыла кровъ;
Хто рачкы лизъ, а хто простягся,
Хто бувъ шкереберть, хто качався,
Хто бывъ, хто ризавъ, хто коловъ.

***

Завзятость всихъ опановала,
Тутъ всякій пинывъ и ярывсь,
Тутъ лютость всима управляла
И всякій до надсаду бывсь.
Лыгаръ, ударомъ макогона,
Духъ выпустывъ изъ Эмфіона,
И самъ на викы зубы стявъ.
Лутецій бье Иліонея,

Циней Арефа, сей Цинея,
Одынъ другого тасовавъ.
Ремулъ Рутульскои породы,
Троюродный бувъ Турну сватъ,
Хвастунъ и дурень отъ прыроды,
Що не робывъ, то все не въ ладъ:
И тутъ начавъ що-сылъ крычаты,
Троянцивъ лаять, укоряты,
Себе и Турна велычать:
,,Ага! проклятыи поганци,
Недогаркы Трояньски, ланци!
Теперъ прыйшлось вамъ погыбать.

***

Мы васъ одучымъ, супостаты,
Морыты вдовъ, дурыть дивокъ,
Чужіи земли однимати
И шкодыты чужый садокъ.
Давайте вашого гульвису,
Я въ мыгъ його одправлю къ бису
И васъ подавымо якъ мухъ;
Чого прыйшлы вы, голодрабци?
Лыгать латынськіи потапци?
Пождить,—вашъ вытиснымъ мы
духъ".
Іулъ Энеевычъ дочувшысь
До безтолковыхъ сыхъ ричей,
Якъ шкурка на огни надувшысь,
Злость запалала изъ очей.
Вхопывъ каминчыкъ,—прыцилывся,
Зажмурывъ око,—прыложывся
И Ремула по лоби хвысь!
Хвастунъ бездушный повалывся,
Іулъ сердешно взвеселывся
А у Троянъ духъ ожывывсь.

***

Пишлы кулашни накарпасы,
Въ выскы и въ зубы стусаны;
Полизлы тельбухы, ковбасы,
Вси пинылы, якъ кабаны.
Вси розъярылысь черезъ миру;
По-сербськы велычалы виру;
Хто чымъ попавъ, то тымъ локшывъ.
Пиднявся пыскъ, стогнання, охы,
Врагъ на врага скакавъ, мовъ
блохы,
Кусався, грызъ, щипавъ, душывъ.
Служылы у Троянъ два браты,
Изъ ныхъ бувъ всякый Голіафъ;
Шырокоплечій и мордатый,
И по вивци цилкомъ глытавъ.
Одынъ дражнывся Бытіасомъ
И съ Кочубейскымъ винъ Тарасомъ
Колыбъ за-ввышкы не ривнявсь;
Другый же братъ Пандаромъ звався
И выщій одъ верствы здавався;
Та вьялый, мовъ верблюдъ, тынявсь.

***

Два брата гризни исполыны
Въ бою стоялы у воротъ,
Дрючкы держалы съ берестыны
И боронылы въ крипость входъ.
Воны къ земли попрысидалы

Троянци жъ въ городъ одступалы,
Къ соби манылы Рутулянъ.
Рутульци зрять навстяжъ ворота,
Прожогомъ въ крипость вся пихота
Спишыть насисты на Троянъ.
Но хто лышъ въ городъ показався,
Того въ яешню и побьють;
Бытіасъ съ братомъ управлявся,
Безщадно кровъ Рутульску льють.
Рутульци съ крыкомъ въ городъ прутся,
Якъ одъ серпа колосся жнутся.
Якъ надъ пашней хурчатьципы,
Такъ Исполынськіи дрючыны
Мозчылы головы и спыны,
И всихъ молотять мовъ снопы.

***

Побачывъ Турнъ таку проруху,
Отъ злости ввесь осатанивъ;
Здрыгнувсь, мовъ выпывъ чепуруху,
Къ своимъ на помичъ полетивъ.
Якъ тилько въ крипость протаскався,
Тузыты заразъ и прынявся,
Хто тилько пидъ руку попавсь:
Убывъ винъ съ Афиднomъ Мерона
И зо всього побигъ розгона,
До Бытіасъ въ крови купавсь.
Зъ наскоку триснувъ булавою
По вьязахъ—велыканъ упавъ,
Объ землю вдарывсь головою
И крипость всю поколыхавъ.
Реветь и душу испускаеть

И воздухъ гримомъ наполняеть,
На всихъ напавъ велыкій страхъ!
Но спасъ ни ростъ, ни сыла многа,
Пропавъ Бытіасъ, мовъ стонога;
И исполынъ есть червъ и прахъ!

***

Пандаръ погыбель бачывъ брата,
Злякався, звомпывъ, замишавсь,
И отъ Рутульска стратылата
Якъ мога швыдче убиравсь.
Промижъ оселею хылявся,
Тыны переступавъ, ховався,
И щобъ отъ Турна увыльнуть,
Ворота зачынывъ у брамы
И завалывъ ихъ колоддямы,
Хотивъ одъ бою отдохнуть.
Но якъ же сыльно удывывся,
Якъ Турна въ крипости уздривъ;
Тогди изъ нужды прыбодрывся
И злостью ввесь закыпивъ.
„Ага! ты шыбеныкъ попався,
Безъ зву къ намъ въ гости навъязався,
Пандаръ до Турна закрычавъ.
Пожды, отъ заразъ почастую,
Изъ тебе выжму душу злую,
До сього часу храбрувавъ!“—

***

А ну прылизь, Турнъ отвичае:
Колебердянськая верства!
Якъ бью я, братъ твій тее знае.

Ходы, тоби вкручу хвоста".
Тут Пандаръ каминь пиднимае
И въ Турна зо всихъ жылъ пускае,
Нырнувъ-бы Турнъ на вики въ адъ!
Но де Юнона ни взялася,
И передъ Турномъ роспъялася,
Попавъ богыню камнемъ въ ладъ.
Незрыму чуе Турнъ заслону,
Бодрытся, скачеть на врага,
На помичъ прызыва Юнону,
Пандара по лобу стьога
И вовся зъ нигъ его зшыбае,
До мизку черепъ розбывае;
Пропавъ и другый велыканъ!
Така потеря устрашыла
И серце бодрее смутыла
У самыхъ храбрійшыхъ Троянъ.

***

Удачею Турнъ ободрывся,
По всихъ усюдахъ смерть носывъ;
Якъ кнуръ свиреный розъярывся
И безъ пощады всихъ космывъ.
Розсикъ на двое Филарыса,
Въ яешню ростоптавъ Галыса,
Крыфею голову одтявъ;
Щолкавъ въ выскы, штурхавъ пидъ боки
И самые кулачни докы
Ховалысь, хто куды попавъ.
Троянци злее умышляють,
Щобъ прочъ изъ крипосты втикать;
Свое лахмиття забирають,
Куды удастся тягу дать.
Но ихъ обозный генеральный,
Надъ всимы оставався начальный,
Серестъ вельможный обизвався:
„Куды?— вамъ сорома немае!
Хто чувъ? Троянець утыхае!
Чого нашъ славный ридъ дождався!

***

Одынъ палывода яруе,
А васъ тутъ скилько, боитесь;
Въ господи вашій вередуе,
Рутульскій шолудывый песъ.
Шо скаже свитъ про насъ, Трояне?
Що мы шатернықы—цыгане,
Що мы труслывійши жыдивъ.
А князь нашъ бидный, що помыслыть?
Адже жъ за воинивъ насъ чыслыть,
За внукивъ славнійшыхъ дидивъ.
Збирится, Турна окружите,
Не сто разъ можна умерать;
Гуртомъ,--гуртомъ його нагрите,
Одъ васъ винъ мусыть пропадать.
Агу! Трояньци схаменулысь,
Та вси до Турна и сунулысь;
Вылявъ, хытрывъ и увывався,
И тилько къ Тыбру що добрався,
То въ воду стрыбъ,—пустывся вплавъ.

Конець пятой части.

ЧАСТЬ ШОСТА.

Зевесъ моргнувъ, якъ криль, усамы,
Олымпъ, мовъ лыстыкъ, затрусывсь;
Мыгнула блыскавка съ громамы,
Олымпськый потрухъ взворушывсь.
Богы, богыни и пивбогы,
Простоволоси, босоноги,
Бижать въ Олымпську карвасарь [1]).
Юпитеръ, гнивомъ роспаленный,
Влетивъ до ныхъ, якъ навиженный
И крыкнувъ, якъ на гончыхъ псарь:
—„Чи довго будете казытысь
И стыдъ Олымпови робыть?
Що-день промижъ себе сварытысь
И смертныхъ зъ смертнымы травыть?
Поступкы ваши вси не божи,
Вы на сутяжныкивъ похожи
И ради мордувать людей;
Я васъ изъ неба поспыхаю
И до того васъ укараю,
Що пасты будете свыней.

***

А вамъ, Олымпськи зубоскалкы,
Моргухы, дзыгы, фыгляркы,
Березовои дамъ прыпаркы,
Що довго буде вамъ въ тямкы.
Охъ, вы на смертныхъ дуже ласи,
Якъ Грекъ на ниженськи ковбасы!
Все лыхо на земли одъ васъ.
Чрезъ ваши зводни, женыхання,
Не маю я ушанування;
Я намочу васъ въ шевськый квасъ.
Або отдамъ васъ на роботу,
Запру въ смырытельныхъ домахъ;
Тамъ выженуть изъ васъ охоту
Содомыть на земли въ людяхъ.
Або я луччу кару знаю,
Ось якъ богынь я укараю:
Пошлю васъ въ Запорожську Сичъ.
Тамъ вашыхъ каверзъ не вважають,
Жинокъ тамъ на тютюнъ миняють,
Въ день пьяни сплять, а крадуть въ ничъ.

***

Не вы народъ мій сотворылы,
Не хыстъ создать вамъ червяка;
На що-жъ людей вы роздрочылы?
Вамъ нужда до чужыхъ яка?
Божусь моею бородою
И Гебеною пеленою,
Що тихъ богивъ лышу чынивъ,
Яки теперъ въ війну вплетутся;
Нехай Эней и Турнъ скубутся,

---

[1]) Корвасарь—словесный судъ на ярмаркахъ, бывшихъ прежде въ малороссійскихъ городахъ.

А вы глядить своихъ чубивъ!“—
Венера, молодыця смила,
Бо все зъ военнымы жыла,
И быте зъ ными мьясо ила,
И по трахтырахъ пуншъ пыла;
Частенько на соломи спала,
Въ шынели сирій щеголяла,
Манышкы офыцерськи прала,
Зъ стрючкомъ горилку продавала,
И мерзла въ ничъ, а въ день пеклась.

***

Венера, по драгуньськи—смило
Къ Зевесу въ вытяжку иде,
Начавшы говорыты смило,
Очей зъ Зевеса не зведе:
—„О, тату сыльный, велычавый!
Ты всякый помыслъ зрышъ лукавый,
Тебе нихто не проведе.
Ты окомъ землю назыраешъ,
Другымъ за намы прыглядаешъ,
Ты знаешъ що, и якъ, и де.
Ты знаешъ, для чого Троянцивъ
Злымъ Грекамъ попустывъ побыть;
Энея съ прыгорщею ланцивъ
Велывъ судьбамъ не потопыть;
Ты знаешъ лучче всихъ прычыну,
Чого Эней прыплывъ къ Латыну
И биля Тыбра поселывсь?
Ты-жъ словомъ що определяешъ,
Того повикъ не одминяешъ;
Видкиль-же Турнъ тутъ прытулывсь?

***

И що такее Турнъ за свято,
Що не вважае и тебе?
Фрыгійське племья не проклято,
Що всякій еретыкъ скубе;
Твои законы-бъ исполнялысь,
Колы-бъ Олымпськи не мишалысь
И не стравлялы-бы людей.
Твоихъ наказивъ не вважають,
Нарошно Турну помагають,
Бо, бачъ,—Венерынъ сынъ Эней.
Троянцивъ бидныхъ и Энея
Хто не хотивъ, той не пужавъ;
Терпилы гирше Прометея,
На люльку що огню укравъ.
Нептунъ зъ Эоломъ зъ переспросу
Далы такого перечосу,
Що й доси зашпары щымлять...
Другіи-жъ богы,—що казаты?
Дила ихъ лучче мусышъ знаты,—
Энея тилько не зйидять!

***

О Зевсъ, о батечку мій ридный,
Оглянься на плачъ дочкы своей;
Спасы народъ Фрыгійськый бидный—
Винъ дило есть рукы твоей.
Якъ маешъ ты кого караты—
Карай мене—карай! я маты,
Я все стерплю рады дитей.
Услышъ Венеру многогришну!

Скажы мни ричъ таку утишну,
Щобъ жывъ Іулъ, щобъ жывъ Эней!“—
—„Мовчать, прескверна пащыкухо,
Юнона злобно порощыть,—
Фындюрко, ящирко, брехухо!
Якъ дамъ,—очипокъ излетыть;
Ты сміешъ, кошеня мерзене,
Зевесу доносыть на мене,
Щобъ тымъ насъ прывесты въ розладъ?
За кого ты мене прыймаешъ?
Хиба-жъ ты, сучыще, не знаешъ,
Що Зевсъ мій чоловикъ и братъ?

***

Тоби-жъ, Зевесъ, скажы, не стыдно,
Що предъ тобою дрянь и прахъ,
Базика о богахъ обыдно,
Мудруе о твоихъ дилахъ?
Якый ты свита повелытель
И нашъ Олымпськый предводытель,—
Колы проты фындюркы пасъ?
Всесвитня волоцюга мерзька,
Никчемна зводныця Цитерська,
Для тебе лучшая одъ насъ!
А зъ Марсомъ чи давно піймавшы,
Вулканъ ій пелену видтявъ?
Ризкамы добре одидравшы,
Якъ сучку въ ретязку державъ.
Но ты буцимъ того не знаешъ,
Якъ чесную іи прыймаешъ,
И все зробыть для неи радъ.
Вона и Трою розорыла,
Вона Дидону погубыла,—
Но все иде для неи въ ладъ!

***

Де ся пидтипанка вмишалась,
Тамъ вербья золоте росло;
Земля-бъ счаслывою назвалась,
Колы-бъ таке пропало зло!
Чрезъ неи вся Латынь возстала
И на народъ іи напала,
И Турнъ зробывсь Энею врагъ.
Не можна бидъ всихъ изличыты,
Якыхъ успила наробыты,
На неби, на земли, въ водахъ.
Теперъ-же на мене звертае,
Сама наброившы биды,
И такъ Зевеса умоляе,
Мовъ тилько вылизла зъ воды.
Невынныча е, мовъ Сусанна,—
Незаймана николы панна,
Що въ хутори сжыла ввесь викъ.
Не диждешъ съ бабкою своею...
Я покажу твому Энею...
Богыня я,—винъ чоловикъ.“

***

Венера лайкы не стерпила,
Юнону стала кобеныть;
И перепалка закыпила,
Одна другу хотила быть.
Богыни въ гниви также бабы,

И на уторы также слаби,
Зъ досады часомъ и брехнуть,
И якъ перекупкы горлапять,
Одна другу безчестять, ганять
И ридъ весь зъ потрухомъ кле-
нуть...
—„Та цытьте, чортови сорокы,
Юпитеръ гризно закрычавъ:
Обоимъ вамъ обибью я щокы,
Щобъ васъ, бублейныць, врагъ по-
бравъ!
Не буду васъ карать громамы,
По пьятахъ выбью чубукамы,
Олымпъ заставлю вымитать;
Я васъ умію усмырыты,
Заставлю чесно въ свити жыты
И заразъ дамъ себе вамъ знать.

***

Занышкнить, уха наставляйте
И слухайте, що я скажу;
Мовчить, роты пороззявляйте,
Хто пысне,—морду розможжу.
Помижъ Латынцивъ и Троянцивъ,
И всякыхъ Турновыхъ поганцивъ
Не сыкайся нихто въ війну;
Нихто, ніякъ не помагайте,
Князькивъ ихъ также не займайте,
Побачымъ, здастся хто кому!"—
Замовкъ Зевесъ, моргнувъ бровамы,
И богы вростичъ вси пишлы.
И я прощаюсь зъ небесамы,
Пора спустытысь до земли
И стать на Шведськую могылу,
Щобъ озырнуть военну сылу
И бытву вирно опысать;
Купывъ-бы Музи на охвоту,
Щобъ кончыть помогла роботу,
Бо нигде рыфмъ уже достать.

***

Турнъ осушывсь писля купання
И ганусною пидкрепывсь,
Зъ замету выйихавъ зарання,
На крипость Сентябріомъ дывывсь.
Трубыть въ рижокъ! Опьять три-
вога!
Крычать, бижать, спишать якъ
мога,—
Велыкая настала сичъ!
Троянци дуже славно былысь,
Рутульци добре пожывылысь,
Насылу розвела ихъ ничъ.
Въ сю ничъ Эней уже сблыжався
До городка, що Турнъ облигъ;
Зъ Паллантомъ въ човни часто-
вався,
Поивъ всю старшыну якъ мигъ.
Въ роскасахъ чванывся диламы,
Якъ храбровавъ зъ людьмы, бо-
гамы,
Якъ безъ розбору всихъ тузывъ.
Паллантъ и самъ бувъ зла бре-
хачка,
Языкъ його тожъ не клесачка,
Въ брехни Энею не вступывъ.

***

А ну,—старая царь-дивыце,
Сидая музо, схаменысь!
Прокашляйся безъ зубивъ сестрыце,
До мене блыжче прыхылысь!
Кажы: якыи тамъ красункы,
Въ Энееви пишлы вербункы,
Щобъ проты Турна воювать.
Ты, Музо, кажуть вси, письменна,
Въ Полтавській школи наученна,
Всихъ мусышъ поименно знать.
Чытайте-жъ, Муза що бормоче:
Що тамъ зъ Энеемъ плывъ Массыкъ,
Линтяй, ледащо неробоче,
А сыльный и товстый, мовъ быкъ.
Тамъ правывъ каюкомъ Тыгренко,
Изъ Стехивкы [1]) то шынкаренко,
И вивъ зъ собою сто ярыгъ.
Блызъ сыхъ плылы дубы Аванта,
Винъ бувъ страшнишый одъ сержанта,
Бо всихъ, за все, по спыни стрыгъ.

***

Поодаль плывъ байдакъ Астура,
Сей лежнемъ въ вынныцяхъ служывъ;
На нимъ була свыняча шкура,
Котору винъ, якъ плащъ, носывъ.
За нымъ Азылласъ плывъ на барци,
Недавно зъ кошелькомъ ходывъ;
Но, бачъ, безокая фортуна
Зробыла паномъ изъ чупруна,—
Такыхъ не мало бачымъ дывъ!
А то на легкому дубочку,
Що роззолоченый весь въ прахъ,
Сыдыть, розхриставшы сорочку,
Зъ Турецькымъ чубукомъ въ зубахъ?
То Цынарысъ, цехмыстръ картьожный,
Фыгляръ, обманщыкъ, плутъ безбожный,
Зъ собой всихъ шахраивъ веде;
Колы, бачъ, Турна не здоліють,
То картамы уже подіють,
Що мижъ старци Турнъ попаде.

***

А то сыдыть въ брыли, въ кереи
Зъ товстою кныжкою въ рукахъ,
И всимъ, бачъ, гоныть ахынеи,
И спорыть о своихъ правахъ?
То, родомъ, зъ Глухова юрыста,—
Винъ мае чынъ канцелярыста—
И есть добродій Купавонъ.
Щобъ значкового дослужыться
И на війни чымъ пожывыться,
Вступывъ въ Энеивъ легіонъ.
А то беззубый, говорлывый,
Сухый, невирный, якъ шкелетъ,
И лысый и брехунъ сварлывый?

[1]) Небольшое селеніе близъ Полтавы.

То выхрыстъ изъ жыдивъ Авлетъ.
Недавно на другій женывся,
Та, бачъ, въ рахунку помылывся—
Изъ жару въ полумья попавъ;
Щобъ одъ Ягы якъ одвязатысь,
То мусивъ въ військо записатысь
И за шпыгона на годъ ставъ.

*
* *

Ище тамъ есть до пивдесятка,
Но дрыбьязокъ и гольтипа;
Въ такыхъ не буде недостатка,
Хоть въ день ихъ згыне и копа.
А скилько-жъ всихъ? Того не знаю,
Хоть муза я,—не одгадаю,
По пальцямъ тожъ не розличу;
Бигъ-ме, на щотахъ не учылась,
Надъ карбижемъ тожъ не трудылась,
Я, що було, те лепечу.
Уже Волосожаръ пиднявся,
Визъ на неби внызъ повертавсь,
И де-хто спаты укладався,
А хто пидъ буркой вытягавсь.
Онучи ынши полоскалы,
Другыи, лежа, розмовлялы,
А хто прудывся у кабыць.
Старши, пидпывшы, розійшлыся
И дома за люлькы взялыся,
Лежалы бокомъ, навзнычъ, ныць.

* *
*

Эней одынъ не роздягався,
Эней одынъ за всихъ не спавъ;
Винъ думавъ, мыслывъ, умудрявся,
(Бо самъ за всихъ и отвичавъ)
Якъ Турна ворога побыты,
Царя Латына ускромыты
И успокоиты народъ.
Въ сій думци сумно похожая
И мыслью богъ-зна де литая,
Пидъ небомъ бачыть хороводъ.
Ни рыбы то булы, ни ракы,
А такъ якъ-бы кружокъ дивчатъ
И бовталыся, якъ собакы,
И въ голосъ, якъ кишкы, нявчать.
Эней здригнувсь и одступае,
И „да воскреснеть" вслухъ чытае,
Но сымъ ни трохы не помигъ;
Ти чуда зъ смихомъ, зъ реготнею,
Вхватылысь за́ полы зъ матнею,
Эней ажъ на помистъ прылигъ.

*
* *

Тогди одна къ йому сплыгнула,
Такъ якъ цвиркунъ, або блоха,
До уха самого прыльнула,
Мовъ гадына яка лыха:
—„Чи не пизнаешъ насъ, Энею?
Та мы-жъ зъ персоною твоею,
Троянськый весь возылы родъ;
Мы Идськои горы дубына,
Лыпкы, горишына, соснына,—
Съ якыхъ бувъ зробленый твій
флотъ.
До насъ було Турнъ докосывся,
И байдакы вси попалывъ;

Та Зевсъ, спасыби, поспишывся,—
Якъ бачъ, мавкамы поробывъ;
Була безъ тебе зла годына,
Трохы, трохы твоя дытына
Не отдала души богамъ.
Спишы свій городокъ спасаты;
Ты мусышъ ворогамъ тьфу даты,—
Ты самъ—повирь моимъ словамъ!".

***

Сказавшы, за нисъ ущыпнула;
Эней мовъ трохы ободрывсь;
И на другыхъ хвостомъ махнула—
Весь флотъ неначе поспишывсь;
Мавкы бо сталы човны пхаты,
Путемъ найкращымъ направляты.
И тилько начынався свитъ,
Эней уздривъ свій станъ въ осади;
Крычыть во гниви и досади,
Що Турна лусне тутъ жывитъ.
А самъ матню прыбравшы въ жменю,
По поясъ въ воду съ човна плыгъ;
И крыче въ помичъ гарну неню
И всихъ Олымпивськыхъ богивъ.
За сымъ Паллантъ, за сымъ вся сволочъ,
Стрыбъ, стрыбъ зъ човнивъ,—Энею въ помочъ
И тисно строятся на бой.
—„Ну! разомъ! закрычавъ, напримо!
И недовиркивъ сокрушимо,
Рушайте, якъ одынъ, шульгой".

***

Троянци зъ города уздривши,
Що князь на помичъ къ нымъ иде,
Вси кынулысь, мовъ одуривши,
Земля одъ тупотни гуде.
Летять и все перевертають,
Якъ мухъ, Рутульцивъ убывають;
Самъ Турнъ стоить ни въ сыхъ, ни въ тыхъ,
Скризь ярымъ окомъ окыдае,
Энея зъ військомъ уздривае
И репетуе до своихъ:
—„Рыбьята, быйтесь не выляйте,
Наставъ теперъ-то сичи часъ!
Домы, батькивъ, жинокъ спасайте,
Спасайте, любо що для васъ!
Ступня не оддавайте даромъ,
Ихъ кости загребемъ тутъ радомъ—
Або,—но мы храбриши ихъ!
Олымпськи насъ не одступылысь,
Впередъ,—Троянци щось смутылысь,
Не жалуйте бокивъ чужыхъ!"—

***

Прымитя-жъ Турнъ гармыдеръ въ флоти,
Туда всю сылу волоче;
Скризь йорзае, якъ чортъ въ болоти,

И о пожыви всимъ товче.
Построившы Рутульцивъ въ лаву,
Одборныхъ молодцивъ на славу,
Пустывся на союзныхъ вскачъ,
Крычыть, рубае, вередуе,
Не бьется, бачъ, а мовъ жартуе,
Бо бувъ вертлявый и сылачъ.
Эней пройдысвитъ и не промахъ,
Въ війни и взрисъ, и постаривъ,
Прывидця бувъ у всихъ содомахъ,
Ведмедивъ бачывъ и тхоривъ.
Дытына хукае на жыжу,
Энею-жъ дурь не вдывовыжу,
Выдавъ винъ разныхъ мастакивъ.
На Турна скоса поглядае
И на Рутульцивъ наступае,
Пощупать реберъ и бокивъ.

***

Фарона першого погладывъ
По тимью гострымъ кладенцомъ
И добре такъ его уладывъ,
Що сей выльнувъ на верхъ денцемъ.
Потимъ Лихаса въ груды тыснувъ—
Сей повалывсь и бильшъ не пыснувъ;
За нымъ безъ головы Кисей,
Якъ михъ съ пашнею, повалывся,
И Фаръ на тее-жъ нахопывся,
Росплющывъ и сього Эней.
Эней тутъ добре колобродывъ
И всихъ на чудо потрошывъ;
Робывъ винъ изъ людей уродивъ
И щыро всихъ на смерть душывъ.
Паллантъ бувъ першій разъ на бытви,
Крычавъ, жыдкы якъ на молытви,
Аркадянъ къ бою пидтрунявъ.
По фрунту бигавъ, турбовався,
Плыгавъ, вертився, ухылявся,
Якъ огырь въ стади ярувавъ.

***

Тутъ Дагъ Рутулець прелукавый
Пизнавъ одъ разу новычка,
Хотивъ попробовать для славы
Паллантови пиддать тычка;
Но нашъ Аркадець одхылывся,
Рутулець зъ жызнею простывся.
Въ Аркадцяхъ закыпила кровъ!
Одни другыхъ выпережають,
Врагивъ, якъ хмызъ, трощать, ламають;
Така пидданцивъ есть любовъ.
Паллантъ Эвандровычъ наскокомъ
Якъ разъ Гибсона и насивъ,
Шпыгнувъ въ высокъ надъ правымъ окомъ,
Гибсонъ и дутеля изъйивъ.
За сымъ такая-жъ смертна кара
И лютого постыгла Лара.
Ось Ретій въ бындюгахъ летыть!
Сього Палантъ стягнувъ за ногу,
Ударывъ, якъ пузыръ объ дрогу,—
Мазка изъ трупа капотыть.

***

Ось, ось ярытся, бисомъ дыше
Агамемноненко Талесъ.
И быстрымъ бигомъ все колыше,
Неначе въ гниви самъ Зевесъ,
Вокругъ себе все побывае;
Фаретъ, зъ нымъ збигшысь, погыбае;
Души пустывся Домотокъ.
Ладона сплющывъ, якъ блощыцю,
Крычыть: „Палланта ледащыцю
Злыгаю я въ одынъ ковтокъ“.—
Паллантъ любесенькый дытына,
Скрипывсь, стоить, якъ твердый дубъ
И жде, яка то зла лычына
Йому намьяты хоче чубъ.
Дождавсь,— и зо всього розгона
Влипывъ такого макогона,
Що панъ Талесъ шкереберть ставъ.
Паллантъ його поволочывшы,
Потимъ на горло наступывшы,
Всього ногамы потоптавъ.

***

За сымъ Авента пхнувшы ззаду,
Поставывъ ракомъ на показъ;
И тутъ свого понюхавъ чаду
Одважный парубика Клавзъ.
Хто ни сусиль, тому кабакы
Дававъ Паллантъ, и вси бурлакы,
Зъ Аркадіи що зъ нымъ прыйшлы.
Побачывъ Турнъ соби зневагу,
Не медъ дають тутъ пыть,—а брагу,
И косы не траву найшлы.
Зробывся Турнъ нашъ бисноватымъ,
Реве, якъ раненый кабанъ,
Гаса, фынтыть своимъ зыкратымъ;
Що вашъ проты його Полканъ!
Простесенько къ Палланту мчытся,
Зубамы скрыготыть, ярытся,
И гамка йисты здалека.
Уже шаблюкою махае,
Коневи къ шыи прылягае,
Хытрыть, якъ ловыть кить шпака.

***

Паллантъ, мовъ одъ хорта лысыця,
Выльнувъ и обиручъ мечемъ
Опоясавъ по поясныци,
Що Турнъ ажъ поморгавъ плечемъ;
И вмыгъ, не давшы схаменутысь,
Ни головою певернутысь,
Сгьогнувъ ще Турна черезъ лобъ.
Но Турнъ байдуже,—не скрывывся,
Бо, бачь, булатомъ весь обшывся
И бувъ, якъ въ шкаралупи бобъ.
Такъ Турнъ Палланта пидпустывшы,
Зо всихъ сылъ келепомъ мазнувъ;
За русы кудри ухватывшы,
Безчувственна съ коня стягнувъ;
Кровъ зъ раны джерелом лылася,
Въ устахъ и въ носи запеклася,
На двое черепъ розвалывсь;
Якъ травка скошеная въ поли,
Увьявъ Паллантъ судебъ по воли;
Сердега въ свити не нажывсь!

***

Турнъ злобно сыльною пьятою
На трупъ Палланта настоптавъ,
Ремень зъ лядункой золотою
Зъ бездушного для себе знявъ;
Потимъ самъ на коня схватывся,
Надъ мертвымъ панычемъ глумывся
И такъ Аркадянцямъ сказавъ:
—„Аркадци, лыцаря возьмите,
Въ ралецъ Эвандру однесите,
Къ Энею що въ союзъ прыставъ!“—
Таку побачывшы утрату,
Аркадци галасъ пиднялы,
Клялыся учыныть одплату,
Хоча-бы трупомъ вси ляглы;
На щытъ Палланта положылы,
Комлыцькой буркою прыкрылы,—
Изъ бою потаскалы въ станъ.
О смерти князя вси рыдалы,
Харцыза Турна проклыналы.
Та де-жъ Троянськый нашъ Султанъ?

***

Но що за стукъ, за гоминъ чую?
Якый гармыдеръ чую я?
Хто землю такъ трясе сырую?
И сыла тамъ мутыть чія?
Якъ выхри на пискахъ бушують,
Въ порогахъ воды якъ лютують,
Колы прорватыся хотять,
Эней такъ въ лютимъ гниви рвется,
Одмстыть Палланта смерть несется,
Суставы вси на нимъ дрижать.

До лясу! Турна розбышакы,
Вамъ бильше ряcту не топтать!
Вамъ дасть Эней мицной кабакы,
Що будете за Стыксомъ чхать.
Эней совавсь, якъ навиженный,
Крычавъ, скакавъ, мовъ вилъ скаженый,
И супротывныхъ потрошывъ:
Махне мечемъ,—врагивъ десяткы
Лежать повыставлявшы пьяткы.
Такъ въ гниви сыльно ихъ локшывъ!

***

Въ запали полетивъ на Мага,
Якъ на мале курча шулыкъ;
Пропавъ на викъ сей Магъ-бидняга,
Порхне душа на другый викъ.
Выдючой смерты винъ боявся,
Энея у ногахъ валявся,
Просывъ жывцемъ въ неволю взять,
Но сей копьемъ наскризь пробывшы,
И до земли врага прышывшы,
Другыхъ пустывся доганять.
Тутъ на бигу піймавъ за рясу
Попа Рутульского полку,
Смертельного задавшы прасу,
Якъ пса покынувъ на писку.
Погыбъ тутъ также храбрый Нума,
Убывъ Сереста—його кума,
Тарквыту голову одтявъ;
Камерта высадывъ съ кульбакы,
Ансура въ адъ пославъ по ракы,
А Луку пузо росплатавъ.

***

Якъ задававъ Эней затьору
Всимъ супостатамъ на заказъ,
Якъ всихъ каличывъ безъ розбору
И убывавъ по десять вразъ,—
Лигаръ съ Лукулломъ поспишають
И въ тарадайци напыраютъ
Энея киньмы потоптать.
Но тутъ ихъ доля зла наспила,
И души сыхъ братывъ изъ тила
Пишлы къ Плутону погулять.
Такъ нашъ Эней тутъ управлявся
И станъ свій чыстывъ одъ врагивъ;
Прогнавшы супостатъ, сблыжався,
До городка свого валывъ.
Трояне, вылазку зробывшы,
Латынянъ къ чорту протурывшы,
Зъ Энеемъ вкупу изійшлысь,
Здоровалыся, обнималысь,
Роспытувалысь, цилувалысь,
А де яки пыть прынялысь.

***

Іулъ, якъ комендантъ исправный,
Энееви лепортъ подавъ,
Якъ війська ватажокъ начальный,
Про все дрибненько розсказавъ.
Эней Іула выхваляе,
Потимъ до серця прыжымае;
Цилуеть люблязно въ уста.
Энея серце трепетало,
Воно о сыни вищувало,
Що винъ надежда не пуста.
Въ се времья Юпытеръ пидпывшы,
Зъ нудьгы до жинкы пидмощавсь
И морду на плече склонывшы,
Якъ блазень, чмокавъ, та лызавсь;
Щобъ бильше-жъ угодыть коханци,
Сказавъ: —„Дывыся, якъ Троянци
Отъ Турна въ ростичъ вси летять;
Венера пась передъ тобою;
Одъ неи краща ты собою,
До тебе вси лапкы мостять.

***

Мое безсмертые яруе,
Роскошныхъ ласкъ твоихъ бажа;
Тебе Олымпъ и свитъ шануе,
Юпытеру ты госпожа;
Захочъ,—и вродытся все зразу,
Все въ свити жде твого прыказу,
За твій смашный и ласый цмокъ!"—
Сказавшы, стыснувъ такъ Юнону,
Що трохы не скотылысь съ трону,
А тилько Зевсъ набывъ высокъ.
Юнона, козыръ—молодыця,
Юпытеру не поддалась,—
Бо знала, що стара лысыця
На всякы штукы удалась,
Сказала:—„О, очей всихъ свите,
Старый Олымпськый езуите,
Зъ медовымы ричмы сховайсь!
Уже мене давно не любышъ,
А тилько пьяный и голубышъ;
Одсунся геть,—не пидсыпайсь!

***

Чого передо мной лукавышъ,
Не дивочка я въ двадцять литъ;
И теревени-вени правышъ,
Щобъ тилько заморочыть свитъ.
Нехай все буде по твоему,
Дай тилько Турнови моему
Хоть трохы на свити пожыть:
Щобъ мигъ винъ зъ батькомъ повыдаться
И передъ смертью попрощаться;
Нехай—не буду бильшъ просыть."—
Сказавшы, въ Йовыша впьялася
И обняла за поперекъ,
И такъ натужно простяглася,
Що свитъ въ очахъ обохъ померкъ.
Розмьякъ Зевесъ, якъ пислямпару,
И выжлоктывъ пидпинка чару,
На все изволъ Юнони давъ.
Юнона въ котыка зъ нымъ грала,
А въ мышкы такъ залоскотала,
Що ажъ Юпытеръ задримавъ.

***

Олымпськіе во всяку пору
И гримъ пускающый ихъ панъ,
Ходылы голи безъ зазору,
Безъ сорому, на-кштальтъ цыганъ.
Юнона зъ неба увыльнувшы
И гола, якъ долоня бувшы,
По парубьячу одяглась;
Клыкнувшы-жъ въ помичъ Асмодея,
Взяла на себе выдъ Энея,
До Турна просто понеслась.
Тогди панъ Турнъ зило гнивывся
И приступу къ соби не мавъ,
Що у Троянъ не пожывывся
И тьху Энеови не давъ.
Якъ ось мара въ лыци Энея,
Вь кереи бидного Сихея,
Явылась Турна задырать:
—„А ну, лышъ, лыцарю мызерный,
Злыденный, вытязю никчемный,
Выходь сто лыхъ покуштовать."—

***

Турнъ зыркъ,—и бачыть предъ собою
Прысяжного свого врага,
Що такъ не гречи клыче къ бою
И явно въ трусы пострыга.
Осатанивъ и затрусывся,
Холоднымъ потомъ весь облывся,
Одъ гниву сыльно застогнавъ.
Наперъ мару—мара выляе,
Эней одъ Турна утикае!
И Турнъ въ догонку поскакавъ.
Той не втече, той не догоныть,
Огъ тилько-тилько не вшпыгне;
Зыкратого мечемъ супоныть,
Та ба! мары не пидстьобне.
—„Та не втечешъ, крычыть, панычу!
Ось заразъ я тебе пидтычу,—

Се не въ куклы зъ Лавысей грать;
Тобе я швыдко повинчаю
И воронивъ потишу стаю,
Колы почнуть твій трупъ клю-
вать!"—

***

Мара Энеева прымчавшысь
До моря, де стоявъ байдакъ,
Ни трохы не остановлявшысь
(Щобъ показать велыкій лякъ),
Стрыбнула въ нього, щобъ спастыся;
Тутъ безъ чысла Турнъ ослипывся,
Туды жъ въ байдакъ и самъ стрыб-
нувъ,
Щобъ тамъ зъ Энея поглумыться,
Убыть його, мазкы напыться;
Тогди-бъ Турнъ первый лыцарь
бувъ!
Тутъ вмыгъ байдакъ заворушывся
И, самъ одчалывшы, поплывъ;
А Турнъ скризь бигавъ и храб-
рывся,
И тишывсь, що врага настыгъ.
Таку Юнона злывшы кулю,
Перевернувшыся въ зозулю,
Махнула въ вырій напростець.
Турнъ глядь, ажъ винъ уже средь
моря,
Трохы не луснувъ—зъ серця—зъ горя,
Та мусывъ плыть, де жывъ отець.

***

Юнона въ Турномъ якъ шутыла,
Эней про тее ни гугу;
Бо на його туманъ пустыла,
Щобъ бувъ невыдымъ никому;
И самъ никого жъ тожъ не бачывъ,
Но посли, якъ прозривъ, кулачывъ
Рутулянъ и другыхъ врагивъ;
Убывъ Лутага, Лавза, Орсу,
Пареену, Палму вытеръ ворсу,
Згубывъ багацько ватажкивъ,
Мезентій, ватажокъ Тырренській,
Одважно дуже пидступывъ
И закрычавъ по бусурменськи,
Що тилько панъ Эней и жывъ!
—„Выходь, крычыть, тычка подмимо,
Никого въ помичъ не просымо,
Годящи парни,—ты и я;
„А-ну!"—и сыльно такъ стовкну-
лысь,
Що трохы вьязы не звыхнулысь,—
Мезентій же упавъ зъ коня.

***

Эней не мылуя чванлывыхъ,
Въ Мезентія всадывъ палашъ;
Духъ выскочывъ въ словахъ лай-
лывыхъ,
Пишовъ до чорта на шабашъ.
Эней побидой утишався,
Со всимы добре частувався,
Олымпськымъ жертвы закурывъ.
Пылы до ночи та гулялы,
И пьяни спаты полягалы,
Эней бувъ пьяный—еле жывъ.

Уже свитовая зирныця
Була на неби, якъ пьятакъ,
Або пшенышна варяныця,
И небо рдилося, мовъ макъ.
Эней Троянцивъ въ щытъ сзываe
И съ смутнымъ выдомъ объявляе,
Що мертвыхъ треба поховать;
Щобъ заразъ прынялыся дружно,
Братерски и едынодушно
Троянъ убытыхъ зволикать.

***

Потимъ Мезентія доспихы
На пень высокый насадывъ,
И се робывъ не для потихы,
А Марса щобъ удовольнывъ
Шышакъ, панцыръ и мечъ булатный,
Спысъ съ прапоромъ, щытъ дуже знатный;
И пень, мовъ лыцаръ, въ збруи бувъ.
Тогди до війска обернувся,
Прокашлявся и разъ смаркнувся,
И ричъ таку имъ уджыгнувъ:
— „Козацтво, лыцари Трояне,
Храбруйте! наша, бачъ, бере; .
Отсе опудало погане,
Латынивъ городъ одипре.
Но перше, чымъ начнемъ мы бытысь,
На мертвыхъ треба потрудытысь,
Зробыть ихъ душамъ упокой;
Именяя лыцаривъ прославыть,
Палланта къ батькови одправыть,
Що наложывъ тутъ головой." —

***

За сымъ пишовъ въ курень просторный,
Де трупъ царевыча лежавъ,
Надъ нымъ Аркадській пидкоморій
Любыстсомъ мухы обганявъ.
Троянськи плаксы тутъ рыдалы,
Якъ на завійныцю крычалы,
Эней зарюмавъ басомъ самъ:
— „Га-га! сказавъ, увьявъ мій гайстеръ!
Якый то бувъ до бою майстеръ.
Угодно, бачу, такъ богамъ!"
Звеливъ носылкы зъ верболозу
И зъ очерету балдахынъ
Зготовыть тила для выносу,
Щобъ въ нихъ Паллантъ, Эвандривъ сынъ,
Вельможна, панськая персона,
Явылася передъ Плутона,
Не якъ абы-якый харпакъ.
Жинкы покійныка обмылы,
Нове убрання наложылы,
Запхнулы за щоку пьятакъ.

***

Якъ все було уже готово,
Тоди якыйсь ихъ фылозопъ
Хотивъ сказать надгробне слово,
Та збывся и зачухавъ лобъ;
Сказавъ: — „Се мертвый и не дышеть,
Не выдыть, — то есть и не слышыть,
Ей, ей — увы, онъ мертвъ, аминь!" —

Народъ видъ речи умылывся
И гирко-гирко прослизывся,
И мурмотавъ: паноче згынь.
Потимъ Палланта покадылы,
Къ носылкамъ вынеслы на двиръ,
Пидъ балдахыномъ положылы;
Эней тутъ убывавсь безъ миръ,
Накрывшы чорнымъ покрываломъ,
Лыбонь тымъ самымъ одіяломъ,
Що одъ Дидоны взявъ Эней,
Взмостылы воины на плечи
И помаленьку, по старечи
Неслы въ мистечко Паллантей [1]).

***

Якъ выбралысь на чысте поле,
Эней зъ покійныкомъ прощавсь,
Сказавъ: „о жызнь,—бурлыве море,
Хто цилый на тоби оставсь?
Просты, прыятелю любезный,
Отдячу я за выдъ сей слезный
И Турнъ получыть зъ барышкомъ".—
Потимъ Палланту уклонывся,
Облобызався, прослезывся,
До дому почвалавъ тышкомъ.
Къ господи тилько що вернувся
Нашъ смутный лыцарь—панъ Эней,
Уже въ прысинкахъ и наткнувся
На прысланныхъ къ нему гостей:
Булы послы се одъ Латына,
И вси ассесорського чына,
Одынъ армейськый капытанъ;
Сей скризь по свиту волочывся
И по Фрыгійську научывся,
Въ посольстви бувъ, якъ драгоманъ.

***

Латынець, старшый по породи,
Къ Энею рацію начавъ,
И въ нашимъ, значыть, переводи,
Буцимъ-то ось винъ що сказавъ:
—„Не ворогъ, хто уже дубленный,
Не супостатъ, чый трупъ никчемный,
На поли безъ душы лежыть.
Позволь тила убытой раты,
Якъ водытся, земли предаты;
Нехай князь мылость сю явыть."—
Эней, къ добру зъ натуры склонный,
Сказавъ посламъ Латынськымъ такъ:
—„Латынусъ рексъ есть невгомонный,
А Турнусъ пессимусъ дуракъ.
И кваре воювать вамъ мекумъ?
Латынуса буть путо цекумъ,
А васъ, сеньоре, безъ ума;
Латынусу радъ пацемъ даре,
Пермитте мертвыхъ поховаре
И злосты корамъ васъ нема.

***

Одынъ есть Турнусъ ворогъ меусъ,
Самъ эрго дебетъ воювать;
Велять такъ фата, утъ Энеусъ
Вамъ буде рексъ, Амати зять.

Щобъ прынесты адъ финемъ бел-
люмъ,
Мы зробимъ зъ Турнусомъ дуеллюмъ,
Про-що всихъ сангвисъ пролыватъ?
Чи Турнусъ буде, чи Энеусъ,
Укажеть глядіусъ, вель Деусъ,
Латынськымъ сцептро управлять!" —
Латынськыи послы сзыркнулысь,
По серцю имъ ся ричь була;
Зничевья трохы схаменулысь,
Дрансеса смилость тутъ взяла:
— „О, князю, крыкнувъ пресловутый,
Велыкымъ ты родывся буты!
Мы все въ Латынови уста
Внесемъ, дрибнесенько роскажемъ,
И щыро, щыро те докажемъ,
Що дружба зъ Турномъ есть
пуста!" —

***

И мыровую тутъ зробылы
На тыждень, два, або и тры,
И въ договори положылы,
Щобъ тесли и други майстры
Латыньськи помоглы Троянамъ,
Сымъ ланцямъ, голякамъ, проча-
намъ
Достроить новый городокъ;
Щобъ нарубать далы соснины,
Клынкивъ, дубкивъ и берестыны,
На кроквы годныхъ осычокъ.
За сымъ тутъ началось гулянья
И чарочка пишла кругомъ;
Роскозы, смихы, обниманья,
Дилылысь дружно тютюномъ.
Яки пылы, яки трудылысь
И надъ убытымы возылысь;
Въ лисахъ-же страшна стукотня,
Въ коротке, мыровее времья,
Латынськe и Троянськe племья
Було, якъ блызькая ридня.

***

Теперъ-бы треба опысаты
Эвандра батькивську печаль
И хлыпання все росказаты,
И крыкъ, и охання, и жаль.
Та-ба! не всякый такъ змудрує,
Якъ самъ Вергилій намалює,
А я-жъ до жалю не мастакъ:
Я слизъ и охання боюся
И самъ николы не журюся, —
Нехай соби се иде такъ.
Якъ тилько свитова зирныця
На неби зачала моргать,
То вся Троянськая станыця
Взялася мертвыхъ зволикать.
Эней зъ Трахономъ розъйизжае
Къ трудамъ дружыну понуждае,
Кладуть изъ мертвыхъ тилъ костры!
Соломой ихъ обволикають,
Олію зъ діогтемъ полывають
На всякій зрубъ, разивъ по тры.

***

Потимъ солому пидпалылы
И пламья трупы обняло,
И вичну памьять заквылылы.

Ажъ сумно слухаты було.
Тутъ кость, и плоть, и жаръ шкварчалы,
Тутъ ынчи смалецъ источалы,
У ынчыхъ репався жывитъ;
Смрадъ, чадъ и дымъ кругомъ носылысь,
Жерци найбильше тутъ трудылысь,
Изконе бе хаптурный ридъ.
Другы, товарыши и кревни,
Батькы, сыны, кумы, сваты,
На викы вични незабвенни,
А може хто изъ суеты,
Въ огонь шпурлялы ризну збрую,
Одежу, обувъ дорогую,
Шабли, лядункы, келемы,
Шапкы, свиткы, кульбакы, трокы,
Онучи, постолы, волокы,
Шпурлялысь, якъ на тикъ снопы.

***

Не тилько въ поли такъ робылось,
Въ Лаврентi сумно тожъ було;
Багацько трупа тамъ палылось,
Поспульство-жъ на-чимъ-свитъ ревло.
Тамъ батько сына парубійку
Оплакувавъ и клявъ злодійку
Війну и ветхого царя;
Тутъ дивка вельмы убывалась,
Що безъ винця вдовой осталась,
Утратывшы богатыря.
Жинкы, пороспускавшы косы,
Росхристани и безъ свытокъ,
Ростръопани, простоволоси
Галасовалы на весь ротъ.
По мертвыхъ жалибно крычалы,
По грудяхъ былыся, стогналы,
Латына проклыналы родъ;
Про Турна-жъ вси крычалы смило,
Що за свое любовне дило
Погубыть даромъ весь народъ.

***

Дрансесъ на Турна тутъ доносыть,
Що Турнъ всимъ гыбелямъ вына;
Эней на бой його лышъ просыть
И такъ бы й кончылась війна.
Но и у Турна бувъ сутяга,
Брехунъ, юрыста, крюкъ, пидтяга,
И дило Турна защыщавъ;
Та и Аматыни пролазы
Пускалы розныи росказы,
Щобъ Турнъ ни въ чимъ не уважавъ.
Якъ ось одъ хана Діомыда
Латынови прыйшлы послы
И изъ охлявшого ихъ выда
Не выдно, радисть щобъ неслы.
Латынъ вельможамъ зъ старшыною
Велыть явытысь предъ собою,
Що все и сталося якъ разъ;
Посливъ клыкнулы до громады
И выполнывшы вси обряды,
Латынъ прорекъ такый прыказъ:

***

—„Скажы, Венуле не жахлывый,
Всю хана Діомыда ричъ;

Здается, бувъ ты не брехлывый—
Такымъ тебе зна наша Сичъ!"—
—„Пиднижокъ твій я и пидданець,
Изъ слугъ твоихъ послидній ла-
нець,—
Сказавъ Венулъ—не погнивысь!—
Мужыча правда есть колюча,
А панська на вси бокы гнуча,
И ханъ сказавъ такъ, не сумнысь:
„Не зъ мордою Латына бытысь
ПротывъТроянськыхъ розбышакъ,—
Вамъ треба-бъ перше прыдывытысь,
Якый то есть Эней козакъ.
Пидъ Троею винъ дався знаты
Намъ всимъ, якъ взявся ратоваты
Богивъ домашнихъ и ридню.
Винъ батька спасъ въ злу саму пору,
На пчелахъ знисъ на Иду гору,
Сього не майте за брыдню.

* * *

Проты Энея не храбруйте,
Для насъ здается винъ святымъ;
И такъ Латыну ростолкуйте,
Що краще помырыться зъ нымъ.
Гай, гай, де диты есть такыи,
Щобъ кудри батьковы сидыи
Найвыще ставылы всього?
Не ворогъ я царю Латыну,
Но чту Анхызову дытыну
И не пиду протывъ його.
Прощайте цомини Латынци!
Поклонъ мій вашому царю;
Возьмить назадъ свои гостынци,
Отдайте ихъ багатырю
Энею и просыть покою."—
Венулъ утерся тутъ рукою
И ричи сій зробывъ кинець.
Збентежыла ся ричъ Латына,
Здавалось, блызько зла годына;
На лысыни трусывсь винець.

* * *

Латынъ одъ думкы схаменувся,
Олымпськымъ трохы помолывсь,
Наморщывсь, сентябріомъ надувся
И смутно на вельможъ дывывсь.
—„ А що, сказавъ, чи пожы-
вылысь?
Отъ зъ Діомыдомъ вы носылысь,
А винъ вамъ фыгу показавъ;
Заздалегидь було змовлятысь,
Якъ зъ панъ-Энеемъ управлятысь,
Покы лапокъ не розиклавъ.
Теперъ не прыберу більшъ глузду,
Якъ тутъ сыхъ поселыть прочанъ;
Земли шматокъ есть не пидъ нужду,
То имъ зъ угодьямы оддамъ.
Отдамъ нывья и синокосы,
И рыболовни Тыбрськи косы,
То буде намъ Эней сусидъ;
Колы-жъ не схоче винъ остаться,
И пустытся ище таскаться,
То все-жъ избавымся отъ бидъ.

* * *

„А щобъ зъ Энеемъ ладъ зробыты,
Пошлю посливъ зъ десяткивъ пьять,

И мушу дары одрядыты,
Дыковынкы коды-бъ достать:
Повыдла, сала, осятрыны,
Шалевый поясъ и люстрыны,
Що-бъ къ празныку пошывъ каптанъ,
Сапьянци изъ Торжка новеньки,
Малеваныи потыбенькы,
А нуте! якъ здается вамъ?“
Драсесъ бувъ дывный говоруха
И Турнови бувъ врагъ лыхый,
Встае, усъ гладыть, въ носи чуха,
Дае отвитъ царю такый:
—„Латыне свитлый, знаменытый,
Твоимы медъ устамы пыты!
Всякъ тягне въ серци за тебе,
Но одизватыся не сміють,
Сыдять, мовчать, сопуть, потіють
И всякъ мизкуе про себе.

***

Нехай-же та лычына люта,
Що насъ спровадыла въ війну
И ганьбою до всихъ надута,
Походыть билышъ на сатану!
Що стилько боли прычыныла,
Що стилько люду погубыла,
А въ смутный часъ на-втикача!
Нехай лышъ Турнъ, що верховодыть
И всихъ панивъ за кырпы водыть,
Зъ Энеемъ поривня плечá.
Нехай оставыть насъ въ свободи,
Нехай царивни дасть покой,
Нехай жыве въ своій господи,
А щобъ въ Латію ни ногой.
А ты, Латыне, всихъ благійшій,
Прыбавъ Энею даръ смачнійшій:
Йому Лавынію отдай.
Сымъ сватовствомъ намъ мыръ даруешъ
И царства раны уратуешъ;
Дочци-жъ зъ Энеемъ буде рай.

***

Тебе-жъ прошу я, пане Турне!
Покынь къ Лавыніи любовъ
И проясны чоло нахмурне,
Щады латыньску нашу кровъ.
Эней тебе лышъ вызывае,
А насъ Латынцивъ не займае,
Иды зъ Троянцемъ потягайсь!
Колы ты храбрый не словамы,
Такъ докажы намъ те циламы,
Побыть Энея постарайсь.“
Отъ ричи сей Турнъ розъярывся,
Якъ втопленныкъ, посынивъ ввесь,
Дрыжалы губы, самъ дрочывся,
Зубамы клацавъ, мовъ-бы песъ,
Сказавъ: „О, стара пустомеля!
Яхыдствъ и каверзъ всихъ оселя,
И ты тхоромъ мене зовешъ!
И небылыци вымышляешъ,
Народъ лукаво ввесь лякаешъ,
На мене-жъ чортъ зна що плетешъ.

***

Шо буцимъ хочу я одтяты
Головку лысую твою;

Та згынь!—не хочу покаляты
Честь богатырськую свою.
А ты, Латыне мылостывый,
Колы такій ставъ полохлывый,
Що и за царствомъ файдуже?
Та лизьте-жъ до Энея ракомъ,
Плазуйте передъ сымъ Трояномъ,
Винъ мыръ вамъ славный устрыже.
Колы-жъ до мыра я помиха,
Колы Эней мени бажа
И смерть моя вамъ есть потиха,
Моя душа не есть чужа;
Отъ храбросты и одъ надіи
Иду, де ждуть мене злодіи,
Иду и бьюся зъ втикачемъ!
Нехай хоть стане винъ Бовою,
Не наляка мене собою,
Помиряюсь зъ його плечемъ."

* *
*

Колы въ конгресси такъ тягалысь,
Эней къ Лавренту пидступавъ;
На штурмъ Троянци шыковалысь,
До бою всякій ажъ дрыжавъ.
Латынъ таку почувъ новынку,
Злякавсь, пустывъ изъ рота слынку
И вся здригнула старшына.
„Отъ вамъ и мыръ," сказавъ Турнъ лютый,
И не терявшы ни мынуты,
Предъ військомъ опынывсь якъ на!
Опьять наставъ гармыдеръ, лыхо;
Народъ якъ червъ заворушывсь.
То вси крычать, то шепчуть тыхо,
Хто лаявся, а хто молывсь.
Опьять війна и ризанына,
Опьять бида бье въ сукъ Латына,
Сердешный каявсь отъ души,
Що тестемъ не зробывсь Энею,
И послиб-ъ зъ мырною душею,
Лыгавъ потапци и кныши.

* *
*

Турнъ мытью нарядывся въ збрую,
Летыть, щобъ потрощыть Троянъ,
И розъярывъ дружыну злую,
Побыть Энеевыхъ прочанъ.
Прыскочывъ перше до Камыллы,
Якъ огиръ добрый до кобылы,
И ставъ ій заразъ толковать,
Куды ій зъ військомъ напыраты;
Мессапъ же мусыть пидкрепляты
Царыци сей прокляту рать.
Распорядывшы Турнъ якъ треба,
Махнувъ засаду щобъ зробыть,
На гору, що торкалась неба.
И що-бъ Фригійцивъ окружыть.
Эней построивъ тожъ отряды,
Де всимъ назначывъ для осады
Безъ одступу на валъ итты.
Идуть, зимкнувшысь мицно, тисно,
Идуть, що-бъ побидыть поспишно,
Або щобъ трупомъ полягты.

* *
*

Троянци сыльно наступалы

И тиснулы своихъ врагивъ,
Не разъ Латынцивъ проганялы
До самыхъ городськыхъ валивъ.
Латынци также оправлялысь
И одъ Троянцивъ одбывалысь,
Одынъ другого товкъ на прахъ;
Тутъ ихъ чыновныкы тузылысь,
Якъ пивни за гребни возылысь,
Товклысь кулаччамъ по зубахъ.
Но якъ Арунтъ убывъ Камыллу,
Тогди Латынцивъ жахъ напавъ;
Утратылы и духъ, и сылу,
Побиглы хто куды попавъ.
Троянци зъ биглымы змишалысь,
Надъ ихъ плечамы забавлялысь
И задавалы всимъ сто лыхъ.
Ворота въ баштахъ запиралы,
Своихъ ховатысь не пускалы,
Бо напустылы-бъ и чужыхъ.

***

Якъ вистъ така прыйшла до Турна,
То такъ мерзенно изкрывывсь,
Що тварь зробылась нечепурна
И косо зашморгомъ дывывсь.
Потимъ ярує одъ досады,
Выводытъ військo изъ засады
И гору покыда, и лисъ;
И тилько що спустывсь въ долыну,
То въ ту же самую годыну
Уздривъ Энеевыхъ гульвисъ.
Пизнавъ панъ Турнъ пана Энея,
А Турна панъ Эней пизнавъ;
Вспалалы духомъ Асмодея,
Одынъ другого-бъ розидравъ;
Не обишлося-бъ тутъ безъ бою,
Колы-бъ панъ Фебъ одъ перепою
Заранше въ воду не зализъ
И не пославъ на землю ночи;
Тутъ всихъ до сна стулылысь очи
И всякъ уклався горлоризъ.

***

Турнъ облызня въ бою піймавшы,
Зубамы зъ серця скрыготавъ;
Отъ дуру що робыть не знавшы,
Латыну зъ злостью сказавъ:
„Нехай злыденные прочаны,
Задрипанци твои Трояны,
Нехай своихъ держатся словъ!
Иду зъ Энеемъ поштурхаться,
Въ моихъ проступкахъ оправдаться,
Убыть—и околить готовъ.
Пошлю Энея до Плутона,
Або и самъ въ адъ копырсну;
Уже мни жызнь и такъ солона!
Отдай Энею нависну“.[1])
„Гай, гай! Латынъ тутъ обизвався;
Чого ты такъ розлютувався?
Що-жъ буде, якъ розсержусь я?
Уже мени брехаты стыдно,
А потаить—богамъ обыдно;
Святая правда дорога.

---

[1]) Нависна—дѣвка, которую навязываютъ многимъ женихамъ.

***

Послухай же, судьбы есть воля,
Щобъ я дочкы не отдававъ
За земляка, а то зла доля
Насяде, хто злама уставъ.
Мене Амата ублагала
И такъ бокы натасовала,
Що я Энею одказавъ.
Теперъ самъ мусышъ миркуваты,
Чи треба жыть, чи умыраты;
А лучше, якъ бы въ умъ ты взявъ
И занедбавъ мою Лавысю;
Чи трохы въ свити панночокъ?
Ну, взявъ-бы Муньку, а то Присю,
Шатнувсь то въ сей, то въ той кутокъ:
Въ Ивашкы, Мыльци, Пушкаривку,
И въ Будыща, и въ Горбанивку, [1])
Теперъ дивчатъ хоть гать гаты;
Теперъ на сей товаръ не скудно
И замижню украсть не трудно,
Абы по норову знайты".

***

На слово се прыйшла Амата
И заразъ въ Турна и впялась.
Лобзала въ губы стратылата
И одъ плачу надъ нымъ тряслась.
„Въ напасть, сказала, не вдавайся,
И бытыся не поспишайся,
Якъ луснешъ ты, то згыну я;
Безъ тебе насъ богы покынуть,
Латынци и Рутульци згынуть,
И пропаде дочка моя".
Но Турнъ на се не уважае
И байдуже—ни сльозъ, ни словъ,
Гинця къ Энею посылае,
Що бъ бытысь завтра бувъ готовъ.
Эней и самъ трусывсь до бою,
Щобъ сыльною своей рукою
Головку Турна одчесать.
А щобъ повирыть Турна слову,
Тожъ посыла зробыть умову,
Якъ завтра выставляты рать.

***

На завтра тилько що свитало,
Уже народъ заворушывсь;
Все вешталося, все кышало,
На бой дывытысь всякъ галывсь.
Мижовщыкы тамъ розмирялы,
Килочкы въ землю забывалы,
На знакъ, де вiйськови стоять.
Жреци молытвы зачыталы,
Олымпськымъ въ жертву убывалы
Цапивъ, баранивъ, поросятъ.
Тутъ вiйсько стройнымы рядамы
Въ паради шло, мовъ-бы на бой;
Въ празнычнiй збруи зъ прапирамы,
Всякъ ратныкъ чванывся собой.
Обыдви армiи стоялы
На тыхъ межахъ, що показалы;
Мижъ нымы бувъ просторный плацъ;
Народъ за вiйськомъ копошывся,

[1]) Селенiя въ окружности Полтавы.

Всякъ товпывся, всякъ лизъ, тиснывся,
Побоющу щобъ зрить кинець.

***

Юнона, якъ богыня, знала,
Що Турну прыйдется пропасть,
Ище въ мизку коверзувала,
Щобъ одвернуть таку напасть;
Клыкнула мавку водъ Ютурну,
(Бо ся була сестрыця Турну,)
И росказала ій свій страхъ;
Велила швыдче умудрыться,
На всяки хытросты пустыться,
Щобъ брата не строщылы въ прахъ.
Якъ такъ на неби дви хытрылы,
Тутъ лагодылысь два на бой;
Вси за свого богивъ молылы,
Щобъ власною своей рукой
Измигъ врага въ яешню змъяты.
Рутульци-жъ сталы розмышляты,
Що Турнъ ихъ може скыксовать;
Уже заздалегидь смутывся,
Ище ничого, а скрывывся,
Не лучше-бъ бой сей перервать.

***

На сей то часъ Ютурна мавка
Въ Рутульскій подоспила строй;
И тамъ вертилася, якъ шавка,
И всихъ скуйовдыла собой.
Камерта выдъ на себе взявшы,
Тутъ всихъ учыла, толковавшы,
Що сором Турна выдавать;
Стыдъ всимъ стоять, згорнувшы рукы,
Якъ згыне Турнъ, терпиты мукы,
Дать шыи въ кандалы ковать.
Все військо сумно мурмотало,
Сперва тыхенько, посли въ гласъ,
Гукнулы разомъ: все пропало!
Щобъ розмиръ перервать въ той часъ.
Ютурна фыгли имъ робыла,
Шпакамы кибця затравыла,
И заець вовка покусавъ.
Такіи чуда не бувалы
Лаврентци въ добре толковалы,
Тулумній къ бытви пидтрунявъ.

***

И першый стрелывъ на Троянцивъ
Гиллыпенка на смерть убывъ;
А сей бувъ родомъ изъ Аркадцивъ,
То землякивъ на гнивъ пидвивъ.
Оттакъ опьять зирвалы сичу!
Бижать одынъ другому въ стричу,
Хто зъ шаблею, хто зъ палашомъ;
Крычать, стриляють, бьють, рубають,
Лежать, втикають, доганяють;
Все вмыгъ зробылось кулишемъ.
Эней правдывый чоловьяга,
Побачывшы такый неладъ,
Що вража зрадывшы ватага
Послать Фригыйцивъ дума въ адъ,—

Крычыть: „чи вы осатанилы?
Адже мы розмиръ утвердылы!
Мы зъ Турномъ побьемось одни".
Но видкиль стрилка не взялася
И спотыньга въ стегно впъялася,
И кровъ забрызкала штаны.

***

Эней одъ раны шкандыбае,
Въ крови, изъ строю въ свій неметъ;
Його Асканій провожае,
Лыбонь и пидъ руку ведеть.
Уздривъ се Турнъ, возвеселывся,
Роспрындывся и розхрабрывся,
И на Трояцивъ полетивъ:
То бье, то пха, або рубае,
Изъ трупивъ бурты насыпае,
Хоть бы варыть на сто котливъ.
И першыхъ Фила, Тамарыса,
На землю махомъ поvалявъ;
Потимъ Хлорея, Себарыса,
Мовъ-бы комашокъ потоптавъ;
Дарету, Главку, Өерсилогу,
Поранывъ рукы, шыю, ногу;
На викъ каликамы зробывъ.
Побывъ багацько Турнъ заклятый,
Не трохы потоптавъ зыкратый,
Въ крови такъ, мовъ въ багни, бродывъ.

***

Коробылась душа Энея,
Що Турнъ Троянцивъ такъ локшывъ;
Стогнавъ жальчише Прометея,
Бо бувъ одъ раны еле жывъ.
Япыдъ, цылюрныкъ лазаретный,
Бувъ знахурь въ порошкахъ непшетный,
Личыть Энея прыступавъ:
По локти рукы засукае,
За поясъ полы затыкае,
Очкамы кырпу осидлавъ.
И заразъ прыступывшы къ дилу,
Винъ шпеныкъ въ рани розглядавъ;
Прыкладувавъ прыпаркы къ тилу
И шыломъ въ рани колупавъ.
И шевську смолу прыкладае,
Но все те трохы помагае,
Япыдъ сердешный чуе жаль!
Обценькамы пытавсь, клищамы,
Крючкамы, щыпцямы, зубамы,
Щобъ вырвать проклятущу сталь.

***

Венери серце засвербило
Одъ жалю, що Эней стогнавъ;
Пидтыкавшысь,—а-ну за дило;
И купыдончыкъ не гулявъ.
Шатнулысь, разныхъ травъ нарвалы,
Сцилющои воды прымчалы,
Гарлемпськыхъ капель пиддалы,
И все те вкупи сколотывшы,
Якись слова поговорывшы,
Энею рану полылы.
Таке ликарство чудотворне

Боль раны заразъ уняло,
И стрилкы копійце упорне
Безъ праци вынятысь дало.
Эней нашъ знова ободрывся,
Пальонкы кубкомъ пидкрепывся,
Въ пайматчыну одився бронь.
Летыть опьять врагивъ локшыты,
Летыть Троянцивъ ободрыты,
Роздуть въ ныхъ храбросты огонь.

* *
*

За нымъ Фрыгійськи воеводы,
Що тьху, на взаводы летять;
А військо въ лотокахъ, якъ воды,
Ревуть, все дномъ на верхъ вертять.
Эней лежачыхъ не займае,
Утикачивъ ни за-що мае,
А Турна повстричать бажа.
Хытрыть лукавая Ютурна,
Якымъ-бы побытомъ ій Турна
Спасты одъ смертного ножа.
На хытросты дивчата здатни,
Колы ихъ серце защымыть;
И въ ремесли симъ такъ понятни,
Самъ бисъ ихъ не перемудрыть.
Ютурна съ облака злетила,
Зипхнула братня машталира
И стала коней поганять,
Бо Турнъ ганявъ тогди на вози,
Зыкратый-же лежавъ въ обози,
Не въ сылахъ бигать, ни стоять.

* *
*

Ютурна киньмы управляя,
Якъ одъ хортивъ лиса выляя,
Спасала Турна одъ врагивъ.
То зъ нымъ напередъ выйижжала,
Но не туда, де бувъ Эней.
Сей бачыть хытрость тутъ непевну,
Труслывость Турнову никчемну,
Напъявсь въ погонъ зо всихъ гужей.
Пустывсь Эней слидыты Турна
И дума зъ ока не спустыть,
Но мавка хытрая Ютурна
И тутъ найшлася кулю злыть.
Къ тому жъ Мессапъ, забигшы зъ боку
Зрадлыво зо всього наскоку,
Пустывъ въ Энея каминець;
Но сей по щастью ухылывся
И каминцемъ не повредывся;
Зъ султана-жъ тилько збывсь кинець.

*
* *

Эней таку уздрившы зраду,
Велыкымъ гнивомъ розпалывсь,
Гукнувъ на всю свою громаду
И тыхо Зевсу помолывсь.
Всю рать свою Эней подвынувъ
И разомъ на врагивъ нахлынувъ,
Велывъ всихъ сикты та рубать.
Пишлы Латынцивъ потрошыты;
Рутульцивъ шпыговать, крышыты,
Та-ба! якъ Турна-бъ намъ достать.
Теперъ безъ сорома прызнаюсь,
Що трудно бытву опысать;
И якъ ни морщусь, ни стараюсь,

Та бачу по моему выду,
Що скомпоную панахыду.
Зроблю лышъ роспысь именамъ
Убытыхъ воинивъ на поли
И згынувшыхъ тутъ по неволи,
Для прымхы, ихъ князькивъ, душамъ.

***

На сей баталіи пропалы
Цетагъ, Танаисъ и Толонъ;
Одъ рукъ Энеевыхъ лежалы
Поризани Оныть, Сукронъ.—
Трояцивъ: Гилла и Амика
Зипхнула въ пекло Турна пыка.
Та де всихъ поименно знать?
Тамъ ворогы, вси такъ смишалысь,
Стиснылысь, що уже кусалысь,
Рукамы жъ нильзя и махать.
Якъ ось и сердобольна маты
Энею хукнула въ кабакъ,
Веливъ, щобъ штурмомъ городъ браты
Рутульскыхъ перебыть собакъ.
Столычный-же Лаврентъ достаты,
Латыну зъ Турномъ перцю даты,
Бо царъ въ будынкахъ ни гу-гу.
Эней на старшыхъ галасае,
Мерщій до себе ихъ сзывае
И мовыть, ставшы на бугру:

***

„Моеи мовы не жахайтесь
(Бо нею управля Зевесъ)
И заразъ зъ військомъ одправляйтесь
Брать городъ, де паршывый песъ—
Латынъ зрадлывый пье сывуху,
А мы бьемось зо всього духу.
Идить, палить, рубайте всихъ;
Громадьска ратушъ, зборни избы,
Щобъ напередъ всього изслызлы,
Амату-жъ завъяжите въ михъ.“
Сказавъ, и військо загремило,
Якъ громомъ, разнымъ орижжамъ,
Построилось и полетило
Простесенько къ градськымъ стинамъ.
Огни черезъ стину шпурлялы,
До стинъ драбыны прыставлялы
И хмары напустылы стрилъ.
Эней на городъ рукы знявшы,
Латына въ зради укорявшы,
Крычыть: „Латынъ вына злыхъ дилъ“.

***

Якыи въ городи осталысь,
Зпякалысь одъ такой биды
И головы ихъ збунтовалысь,
Не зналы, утикать куды.
Одни тряслысь, други потилы,
Ворота одчынять хотилы,
Щобъ въ городъ напустыть Троянъ.
Други Латына вызывалы,
На валъ полизты прынуждалы,
Щобъ самъ спасавъ своихъ мырянъ,

Амата, глянувшы въ виконце,
Уздрила въ городи пожаръ;
Отъ дыму, стрилъ затмылось сонце;
Напавъ Амату сыльный жаръ.
Не бачывшы-жъ Рутульцивъ,
Турна,
Вся кровъ скыпилася зашкурна
И вмыгъ царыцю одуръ взявъ.
Здалося ій, що Турнъ убытый,
Черезъ неи стыдомъ покрытый,
На викъ зъ Рутульцямы пропавъ.

***

Ій жызнь зробылася не мыла
И осуружывся ввесь свитъ.
Себе. Олымпськыхъ кобеныла,
И выдко изо всихъ прымитъ,
Що глуздъ остатній потеряла;
Бо царськее обрання рвала
И въ самій смутній сій пори,
Очкуръ вкругъ шыи обкрутывшы,
Кинець за жертку зачепывшы,
Повисылась на очкури.
Аматы смерть ся бусурманська,
Якъ до Лавыніи дойшла,
То крыкнула „увы"! спысьменська,
По хати гедзатысь пишла.
Одежу всю цвитну порвала,
А чорну къ цери прыбирала,
Мовъ галка нарядылась вмахъ;
Въ маленьке зеркальце дывылась,
Крывытысь жалибно учылась
И мыло хлыпаты въ сльозахъ.

***

Такая розимчалась чутка
Въ народи, въ городи, въ полкахъ.
Латынъ-же, якъ старый плахутка,
Устоявъ ледве на ногахъ.
Теперъ винъ берега пустывся
И такъ злыденно искрывывся,
Що ставъ похожымъ на верзунъ.
Аматы смерть всихъ сполошыла,
Въ тугу, въ печаль всихъ уто-
пыла,
Одъ неи звомнивъ самъ панъ
Турнъ.
Якъ тилько Турнъ освидомывся,
Що давъ царыци смерть очкуръ,
То такъ на всихъ остервенився,
Пидстреленый мовъ дыкый кнуръ.
Бижыть, крычыть, маха рукамы
И гризнымы велыть словамы
Латынцямъ и Рутульцямъ бой
Зъ Энеевцямы перервати.
Якъ разъ протывни супостаты,
Утыхомырясь, сталы въ строй.

***

Эней одъ радосты не стямывсь,
Що Турнъ выходыть бытысь зъ
нымъ,
Оскалывъ зубъ, на всихъ оглянувсь
И спысомъ помахавъ своимъ.
Прямый якъ сосна, велычавый,
Бувалый, здатный, тертый, жвавый;

Такый, якъ бувъ Нечеса князь;
На нього вси баньки пъялылы
И самы ворогы хвалылы,
Його любывъ всякъ,—не боявсь.
Якъ тилько выступыла къ бою
Завзята пара ватажкивъ,
То, зглянувшыся мижъ собою,
Зубамы всякій заскрыпивъ.
Тутъ хвысь! шабелькы засвыстилы,
Цокъ, цокъ!—и искры полетилы;
Турнъ першый зацидывъ Энея,
Що съ плечъ упала и керея,
Эней бувъ поточывсь назадъ.

***

И вмыгъ прочумавшысь, зъ наскокомъ
Эней на Турна наступывъ,
Отдячывшы йому сто-зъ-окомъ
И вражу шаблю перебывъ.
Якымъ-же побытомъ спастыся?
Трохы не лучше уплестыся?
Безъ шабли нильзя воювать.
Такъ Турнъ зробывъ безъ дальней думкы,
Якъ кажуть, пидобравшы клункы,
А ну! чимъ тьху навтикы драть.
Бижыть панъ Турнъ и репетуе,
И просыть у своихъ меча;
Нихто сердегы не ратуе
Одъ рукъ Трояньска сылача.
Якъ ось ище перерядылась
Сестрыця и предъ нымъ явылась,
И въ руку сунула палашъ:
Опъять шабелькы заблыщалы,
Опьять панцыри забряжчалы,
Опьять панъ Турнъ оправывсь нашъ.

***

Тутъ Зевсъ не втерпивъ, обизвався,
Юнони зъ гнивомъ такъ сказавъ:
—„Чи умъ одъ тебе одцурався?
Чи хочешъ, щобъ тоби я давъ
По пани-старій блыскавкамы!
Бида зъ злостлывымы бабамы!
Ужежъ вистымо всимъ богамъ:
Эней въ Олымпи буде зъ намы
Жывытысь тымы-жъ пырогамы,
Яки кажу пекты я вамъ.
Безсмертного хто ма убыты?
Або хто може рану дать?
Про що-жъ мазку мырянську лыты?
За Турна щыро такъ стоять?
Ютурна на одну проказу
И певно по твому прыказу
Палашъ Рутульцю пиддала.
И покыжъ будешъ ты бисыться?
На Трою и Троянцивъ злыться?
Ты зла имъ вдоволь задала“.

***

Юнона въ первый разъ смырылась,
Безъ крыку къ Зевсу ричь вела:
Просты, паноче! проступылась,
Я, дале-би, дурна була;

Нехай Эней сидла Рутульця,
Нехай спыха Латына зъ стульця,
Нехай поселыть тутъ свій ридъ.
Но тилько щобъ Латынське племья
Удержало па вичне время
Именння, мову, виру, выдъ".—
„Иносы! силькись!" якъ мовляла,
Юнони Юпытеръ сказавъ.
Богыня зъ радищъ танцювала,
А Зевсъ метелыцю свыставъ.
И все на шалькахъ розважалы,
Ютурну въ воду одислалы
Щобъ зъ братомъ Турномъ розлучыть,
Бо кныжка Зевсова зъ судьбамы,
Не смертныхъ пысана рукамы,
Такъ мусила установлять.

***

Эней махае довгымъ спысомъ,
На Турна мицно наступа,
—„Теперъ, крычыть, пидбытый бисомъ,
Тебе нихто не захова.
Хоть якъ вертысь и одступайся,
Хоть въ вищо хочъ перекыдайся,
Хоть зайчыкомъ, хоть вовкомъ стань,
Хоть въ небо лизь, ныряй хоть въ воду,
Я вытягну тебе зъ пидъ-споду
И розмизчу погану дрянь".
Одъ сей бундючнои Турнъ речи
Безпечно усыкъ закрутывъ,
И зжавъ свеи шыроки плечи,
Энею глуздивно сказавъ:
—„Я ставлю ричъ твою въ дурныцю;
Ты въ руку не піймавъ сыныцю,
Не тебе, дале-бигъ, боюсь.
Олымпьски намы управляють,
Воны на мене налягають,
Предъ нымы тилько покорюсь."

***

Сказавшы, круто повернувся
И камень пудивъ въ пьять пидняв ъ
Хоть зъ праци трохы и надувся,
Бо, бачъ, не тымъ винъ Турномъ ставъ.
Не та була въ нимъ жвавость, сыла,
Йому Юнона изминыла;
Безъ богивъ жъ людська мочъ пустякъ
Йому и камень изминяе,
Энея геть не долитае,
И Турна взявъ велыкый страхъ.
Въ таку щаслывую годыну
Эней чимъ дужъ спысъ розмахавъ
И Турну, гадовому сыну,
На вичный помынокъ славъ;
Гуде, свыстыть, несется пика,
Якъ зверху за курчамъ шульпика,
Торохъ! Рутульця въ ливый бикъ;
Простягся Турнъ, якъ щогла, доли,
Качается одъ гиркой боли,
Кляне Олымпськыхъ еретыкъ.

***

Латынци одъ сього жахнулысь,
Рутульци галасъ пиднялы,
Троянци глумно осмихнулысь,
Въ Олымпи жъ могорычъ пылы.
Турнъ тяжку боль одоливае,
Къ Энею рукы протягае,
И мову слезную рече:
—„Не жызни хочу я подарка;
Твоя, Анхызовычъ, прыпарка
За Стыксъ мене поволоче.
Но есть у мене батько ридный,
Старый и дуже ветхыхъ сылъ;
Безъ мене випъ хоть буде бидный,
Та свитъ мени сей ставъ не мылъ;
Тебе о тимъ я умоляю,
Прошу, якъ козака, благаю,
Колы мени смерть задасы,
Отправъ до батька трупъ дубленный;
Ты будешъ за сее спасенный,
На выкупъ же, що хочъ, просы“.

***

Эней одъ речи сей смягчывся
И мечъ пиднятый опустывъ;
Трохы трохы не прослезывся
И Турна рястъ топтать пустывсь.
Ажъ зыркъ—Паллантова лядунка
И золота на ній карунка,
У Турна высыть на плечи.
Энея очи запалалы,
Уста одъ гниву задрижалы,
Ввесь зашарывсь, мовъ жаръ въ печи.
И вмыгъ вхопывшы за чупрыну
Шкереберть Турна повернувъ,
Насивъ колиномъ злу лычыну
И басомъ громовымъ гукнувъ:
„Такъ ты Трояньцямъ намъ для смиха
Глумышъ съ Паллантова доспиха?
И думку маешъ буть жывымъ?
Паллантъ тебе тутъ убывае,
Тебе винъ въ пекли дожыдае,
Иды къ чортамъ, дядькамъ своимъ“.

Съ сымъ словомъ мечъ свій устромляе
Въ роззявленый Рутульця ротъ
И трычи въ рани повертае,
Щобъ бильше не було хлопотъ.
Душа Рутульска полетила
До пекла, хоть и не хотила,
Къ пану Плутону на бенькетъ.
Жыве хто въ свити необачно,
Тому нигде не буде смачно,
А бильшъ, колы и совисть жметь.

Конецъ шестой и послѣдней части.

„НИВА“

ДАЕТЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ
одного 1899 года
своимъ подписчикамъ
БЕЗПЛАТНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложеніями:

Безъ доставки въ СПБ. 5 р. 50 к.
Съ доставкою въ СПБ. 6 р. 50 к.
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Печковской—6 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книж. магаз. „Образованіе“—6 р. 50 к.

Съ перес. во всѣ города и мѣстн. Россіи . . 7
За границу—10
Разсрочка плат
жа въ 2 и 3 срок

подписчики „НИВЫ“ получатъ въ 1899 г.:

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

12 ТОМОВЪ полнаго собранія сочиненій И. А. ГОНЧАРОВА, которое явится первымъ по полнотѣ содержанія (такъ какъ въ него войдутъ разсказы, не помѣщен. въ прежн. изданіяхъ, стоящихъ 13 руб. 50 коп.) и будетъ отпечатано на хорошей бѣлой глазир. бумагѣ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГОНЧАРОВА.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Портретъ и факсимиле И. А. Гончарова.—Біографическій очеркъ С. А. Венгерова.—Лучше поздно, чѣмъ никогда. Критич. замѣтки.—Обыкновенная исторія. Ром. въ 2-хъ частяхъ. Ч. I. томъ II. Обыкновенная исторія. Ром. въ 2-хъ ч. Ч. II. томъ III. Обломовъ. Ром. въ 4-хъ ч. Ч. I и II. томъ IV. Обломовъ. Ром. въ 4-хъ ч. Ч. III и IV. Томъ V. Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ ч. Ч. I Главы I—V. Томъ VI. Фрегатъ Паллада. Очерки путеш., въ 2 Ч. I. Гл. VI—VIII. Ч. II. Гл. I—IV. Томъ VII. Фрегатъ Паллада. Очерки путеш., въ 2 ч. Ч. II. Главы V—IX. Томъ VIII. Обрывъ. Ром. въ 5-ти ч. Ч. I и II. Томъ IX. Обрывъ. Ром. въ 5 ч. Ч. III. Томъ X. Обрывъ. Ром. въ 5 ч. Ч. IV и V. Томъ XI. Три очерка: I. Литературный вечеръ. II. Милліонъ терзаній. III. Замѣтки о личности Бѣлинскаго.—Иванъ Савичъ Поджабринъ. Очеркъ. Томъ XII. Воспоминанія: I. Въ Университе II. На родинѣ. — Слуги стараго вѣка. I. Валентинъ. II. Антог III. Степанъ съ семьей. IV. Матвѣй.—Очерки: Превратность судьб Май мѣсяцъ въ Петербургѣ.

12 КНИГЪ „ежемѣсячныхъ литерат. приложеній“ (романы, п вѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и про современныхъ авторовъ).

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по по лѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

12 №№ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ въ н туральную величину (около 600 рисунк. и чертеж стѣнной календарь на 1899 г., печатан. красками.

Требованія адресовать въ Глав. Конт. журн. „НИВА“ СПБ. М.-Морская, 2

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1899 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этой цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи разпредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и ино-

странной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1899 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредствено въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

1899 годъ **изданія годъ II.**

Открыта подписка на выходящее 20 разъ въ годъ, т. е. по одному разу въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (май, іюнь, іюль, августъ) и по два раза въ остальное время, иллюстрированное изданіе безъ предварительной цензуры.

„Журналъ Журналовъ и Энциклопедическое Обозрѣніе".

Въ 1898 году были напечатаны слѣдующія оригинальныя статьи: проф. H. Beaunis—Гипнотизмъ и внушеніе; d-r Gustave Le Bon—Замѣтки о соціализмѣ; проф. Léon Bonnet—Х-лучи Рентгена. Радіоскопія и радіографія; проф. Julius Wiesner—Потребленіе свѣта растеніями; d-r Havelock Ellis—1) Вліяніе смѣшенія расъ на происхожденіе генія, 2) Международный языкъ будущаго; В. Ф. Головачевъ—О значеніи флота для Россіи на основаніи исторіи; И. А. Гривевская—1) Альфонсъ Додэ, 2) Сканд. выставка, 3) Альма Тадема, 4) Георг. Гауптманъ; проф. Н. Коркуновъ—1) Доменико Гирландайо и вновь открытая во Флоренціи его фреска, 2) Экономическія теоріи государства; проф. Cesare Lombroso—1) Послѣдствія американской побѣды, 2) Типъ преступной женщины; М. М. Манасеина—О деньгахъ и богатствѣ; проф. Д. И. Менделѣевъ—Золото изъ серебра; проф. A. Mosso—Обсерваторія на Монрозѣ и альпійская станція; проф. Max Müller. О

(съ примѣч. Тріема); Л. Е. Оболенскій—Дикость современныхъ западно-европ. народныхъ массъ и ея причины; проф. Elie Reclus—О чародѣйствѣ и волшебствѣ у первобытныхъ народовъ; проф. Charles Richet—1) Задачи воздухоплаванія въ 1897 году, 2) Стремленіе къ жизни и теорія конечныхъ причинъ; проф. Л. Саккети—Задачи искусства; прив.-доц. Спб. унив. В. Серафимовъ—Новости астрономіи; акад. кн. И. Р. Тархановъ—1) Неожид. научн. наслѣдіе стараго года, 2) О періодичности въ явленіяхъ жизни, 3) Физич. энергіи природы въ качествѣ цѣлебн. силъ, 4) О чувствѣ оріентированія у голубей, 5) Почтовые голуби, 6) О закаливаніи человѣка, 7) О нейронахъ, 8) Физіол. и психол. обезглавленія, 9) Рентгеновы лучи и Ѳемида, и др.; Тріемъ—О томъ, что было, но прошло и былью поросло; и другія статьи разныхъ авторовъ.

Кромѣ оригинальныхъ статей, не появлявшихся до сего времени въ печати и написанныхъ большею частью спеціально для журнала выдающимися учеными и мыслителями какъ русскими, такъ и иностранными, въ отдѣлѣ „Изъ журналовъ" печатаются экстракты замѣчательнѣйшихъ статей, и статей извѣстнѣйшихъ авторовъ, появляющихся въ русской или иностранной періодической прессѣ, а также критика и библіографія, обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ журналовъ, смѣсь, гигіена и здоровье и пр. Въ программу журнала входитъ: науки естеств., медиц., физико-математ., исторія и обществ. науки, философія, метафизика, психологія, литература, искусства, критика и т. д.

Въ отдѣлѣ „Изъ журналовъ" помѣщены были между прочимъ статьи слѣдующихъ авторовъ: Gabriel D'Annunzio, проф. М. Антокольскій, проф. Berthelot, d-r A. Binet, проф. D. Brinton, проф. W. Crookes, Léon Daudet, Ѳ. М. Достоевскій, E. Faguet, астрон. C. Flammarion, проф. A. Fouillée Daniel Halevy, d-r Havelock Ellis, Папа Левъ XIII, Raphael Lévy, проф. Cesare Lombroso, проф. Paola Mantegazza, проф. G. Maspero, проф. И. Мечниковъ, проф. Max Müller, Фритіофъ Нансенъ, d-r Max Nordau, проф. Оршанскій, К. П. Побѣдоносцевъ, d-r Félix Regnault, проф. Elisée Reclus, проф. Charles Richet, Ed. Rode, А. Г. Рубинштейнъ, Ж. Ж. Руссо, астрон. G. V. Schiaparell, Генрихъ Сенкевичъ, W. Stead, Gabriel Tardo, граф. Л. Н. Толстой, проф. Tompson, И. С. Тургеневъ и мн. друг

Отдѣлъ наукъ естеств. и медицинскихъ при сотрудничествѣ и подъ наблюденіемъ акад. кн. И. Р. Тарханова, исторіи — при сотрудничествѣ В. Ф. Головачова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ.	на 1/2 года.
На дешевое изданіе безъ доставки и пересылки.	5 р.	3 р.
„ „ „ съ достав. „ „	6 „	4 „
На роскошное изданіе съ достав. „ „	10 „	6 „
За границу деш. изд.	9 „	5 „
„ „ роск. изд..	14 „	8 „

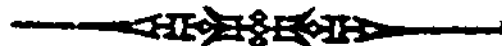
Отдѣльные номера дешеваго изданія по 75 коп., роскошнаго изданія по 1 руб.

Роскошное изданіе печатается на лучшей бумагѣ съ улучшенными иллюстраціями и иногда съ увеличеніемъ ихъ количества. Разсрочка на дешевое изданіе съ пересылкою и доставкою при обращеніи непосредственно въ контору журнала допускается со взносами не менѣе 1 р. ежемѣсячно съ 1 января.

Подписка и продажа отдѣльныхъ №№ во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель *И. П. Кондыревъ.*

Контора и редакція: СПБ., Гороховая, 13 (уголъ Б. Морской).



СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LXIII, 1898 г., октябрь, ноябрь, декабрь.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.